

Baccano!

2001 – Дети бутылки

Автор: Нарита Рёго (Narita Ryohgo)

Иллюстрации: Энами Кацуми (Enami Katsumi)

Перевод на английский: Spore (<http://anonspore.blogspot.com>)

Перевод с английского: Kai Ender, M_A, Эл Нортон

Оглавление

Цветные страницы	4
Вступление	12
Пролог ~ Улыбочный Нарик ~	13
Глава 1 ~ Эмоция: «Счастье» ~	23
Глава 2 ~ Эмоция: «Скорбь» ~	40
Глава 3 ~ Эмоция: «Радость» ~	68
Глава 4 ~ Эмоция: «Ярость» ~	94
Глава 5 ~ Улыбка ~	131
Эпилог ~ Дети бутылки ~	144

Цветные страницы

Личные размышления о бессмертном Элмере С. Альбатроссе, написанные Хью Лафоретом (бессмертным, террористом)

Элмер С. Альбатросс. Мой друг и единственное существо на земле, кого я считаю «человеком». Всё остальное – даже собственная дочь – всего лишь сырьё для моих опытов. Сегодня, за день до того, как придет в действие мой план, я почему-то подумал о нем и решил записать свои мысли, чтобы не забыть.

В его прошлом – великое отчаяние. Нет, наверно, лучше сказать, что в его прошлом не было ничего кроме отчаяния. Человек, известный как Элмер, был рожден чтобы потерять надежду. Он родился как живая жертва для культа. Другими словами, мать выносила его, надеясь, что он станет жертвой.

Как благородную жертву его мучили в знак уважения и пытали в знак любви. Он находился во власти десятков, нет, сотен извращенных надежд, окружавших его. Прошло десять лет и смотри-ка, его спасли. Нет, пожалуй точнее сказать, он упал в новую пучину отчаяния, глубже прежнего.

Охота на ведьм распространялась по Европе, как лесной пожар – сила, которая облыжно обвинила несчетно невинных душ... Её влияние, наконец, познал и этот культ. Мальчика, который был живой жертвой, спасли за миг

до того, как на его голову обрушился меч очищения. Мальчика, захваченного еретиками и обреченного на смерть, вырастили как спасенного Богом.

Через пять лет после упомянутых событий, когда я встретил его, он смеялся, объясняя мне своё необычное прошлое.

– Тогда я понял, что в мире не существует Бога. Поэтому я хочу сам заставить людей смеяться.

Несмотря на светлую улыбку Элмера, мне всё равно казалось, что она показывает и тьму внутри него.

– Я немного знаю о чувстве, которое ты называешь счастьем. Я даже не знаю, настоящая ли улыбка сейчас у меня на лице. Возможно, именно поэтому я хочу, чтобы другие смеялись и были счастливы. Быть может тогда я смогу поверить, что тоже искренне улыбаюсь.

Но может ли человек, не знавший ни счастья ни смеха, подарить их другим?

Я спросил его, а он засмеялся, словно его это лишь позабавило:

– Понятно. Значит, всё, чем я занимаюсь, это никчемным самоудовлетворением... Это весьма забавно, тебе не кажется?

Он счастливчик. От этой мысли в моем сердце появилась капля зависти, и в то же время я впервые в жизни рассмеялся перед другим человеком.

Мне есть ещё, что написать, но к дверям, похоже, добрались сотрудники ФБР. Ай-ай, Виктор неожиданно нетерпе...

(остаток страницы пуст)

Женщина, известная как Сильви Люмьер, бессмертная Денкуро Того (бессмертный, безработный)

В глазах Сильви видна лишь жажда мести.

Когда человек сошел с корабля, нельзя сказать, что в нем не было ненависти к Сциларду. Но огонь в глазах девушки пылал даже жарче, чем у Майзы, который потерял младшего брата.

Хотя Сильви решила покончить с собой, когда Сцилард предал нас, похоже господину Майзе и господину Элмеру удалось её успокоить. Но человек понял, что в её глазах не грусть, а тихое пламя.

– Пожалуйста, Сильви, не думай об этом слишком много. Ради него.

– О да. Я уже в порядке.

Хотя Сильви улыбалась в ответ на слова господина Майзы, огонь в её глазах ничуть не изменился.

Когда мы высадились с корабля, она, возможно, почувствовала взгляд человека. Её переполняла ужасная ненависть и в то же время – слезы, в любой момент готовые выплеснуться. Едва слышно она сказала:

– Господин Денкуро... Когда исчезнут мои эмоции? Как думаете, это чувство, эта ярость, ослабнет за долгое долгое время, именуемое вечностью?

Пока растерянный человек подыскивал ответ, её лицо ожесточилось, и она сурово отрезала:

– Тогда мне не нужна вечность.

Воистину, мягкая на вид, но с сердцем из стали. Но человек не мог уверенно сказать к добру ли или к худу её твердая решимость. Может ли потеря настолько кого-то изменить? В таком случае, насколько же мы все изменимся за невообразимое время?

Прошло три века, и хотя человек добрался до поселка, где он слышал про похожую на неё певицу... увы, слишком поздно. Похоже, она уехала с человеком, в котором человек подозревал господина Майзу.

Так тому и быть. Человек решил странствовать по дальним землям в поисках давно потерянных лиц. Богиня, когда же придет день, когда он снова ступит на родную землю?

Рапорт о Ниле, бессмертном (выдержка), написанный Виктором Талботом (бессмертным, сотрудником ФБР)

(пропущено)

Я воздержусь от записи своего личного мнения о вышеупомянутом Ниле. Потому как нюансы его личности можно легко постичь, изучив его утверждения.

Утверждение первое:

«Я – царь. Исключительно поэтому меня забрали и нарекли в честь реки, ставшей моей матерью. Взявший меня археолог не дал мне фамилии, поэтому я никогда не называл его Отцом.»

Утверждение второе:

«После обретения вечной жизни меня охватил постоянно растущий страх. Что, став созданием, ничего не знающим о смерти, однажды я забуду, что другие люди могут умереть. Поэтому я отправился на поле битвы. Я путешествовал всюду, где шла война, решив вечно держать смерть рядом. Даже если она никогда меня не возьмет.»

Утверждение третье:

«И когда пролетели годы... я узрел перед собой великую гору трупов. Я заявляю: я так часто видел это зрелище, что оно надоело.

Но... уступив смерти тех, кого я называл товарищами на полях сражений, и не сумев их защитить, я постиг истину. Само бессмертие не мучило меня. На колени меня ставило то, что однажды наступит время, когда все, кроме меня, поддадутся смерти, а меня поглотит абсолютная тьма.

Никакой разницы. Ни малейшей. Хотя я думал, что трагедия бессмертия в том, чтобы одного за другим терять близких, я понял, что эта мысль не более чем глупость. Смертные или бессмертные, вообще никакой разницы. Количество потерь не значит ничего. Они одинаковы.

Но... одна вещь изменилась. Моё лицо. Я рыдал от собственной беспомощности. Я думал, что мой разум взорвется от ярости или будет раздавлен горем. Но лицо, смотрящее на меня с зеркальной поверхности озера... не выражало ничего, кроме намека на горечь.

Я ужаснулся. Я думал броситься в войну, чтобы помнить о смерти и продолжать жить человеком... а в результате сам привык к смерти. И потому я боюсь. Боюсь своими глазами увидеть собственное лицо.»

Субъект пришел ко мне во времена Холодной войны, усталым голосом отчитался и исчез. Я не арестовал его, а тихо посмеялся и отпустил своей дорогой.

...В итоге подача этого рапорта поставит под угрозу моё положение, так что отныне я перенесу его в свой секретный дневник. Я просто не создан для подобного. Черт, черт, черт. Эти богом проклятые...

(далее следуют бесконечные причитания об агентах ФБР)

Сделка, заключенная бессмертными, Айзеком и Мирией Лето 2001

– Скажи, Мирия. Мне кажется или... мы совсем не стареем?

– ...

– ...

– Вау, ты прав!

– Ммм. Не знаю, как так вышло, но в итоге нам придется посещать похороны всех наших друзей. Знаешь, как по телевизору. Те, кто живут вечно, – самые несчастные.

– Я не хочу...

– Ладно! Подумай так. Возлюбленные всегда умирают, даже если ты живешь обычной жизнью, правильно?

– Да... правильно.

– А ещё жаловаться на невезение – это не уважать мертвых. В конце концов, мы скорбим об умерших потому, что живыми они приносили нам куда больше счастья!

– ...

– На Востоке говорят, что надо 108 раз позвонить в колокольчик, чтобы человек родился заново. Это называется «bonnou»¹ – сокращение от «born know». Другими словами, они знают, что возродятся! Так что давай не смотреть, как люди умирают, а наслаждаться жизнью с теми, кто приходит в этот мир!

– Вот как!.. Тогда наши горе и счастье уравновесят друг друга!

– В яблочко! Поэтому мы должны ещё больше наслаждаться каждой новой встречей!

– Вау, Айзек, ты прав!

– Давай нашьем на одежду 108 колокольчиков, чтобы выразить наше решение!

– 54 на каждого!

– Значит, люди будут всё время возрождаться!

– Мы их оживим! Будто каждый день – день рожденья!

– Каждый день праздник!

– Ура! С днем рожденья, Айзек!

¹ Невероятно дурацкий каламбур Айзека - типичный для Айзек-и-Мирия стиля - основан на неправильно понятой информации из вторых рук. В целом, это отсылка к синтоистской традиции 108 раз звонить в колокол в канун Нового Года, чтобы прогнать 108 нечистых мыслей, которые мешают достичь Нирваны. Эти земные желания по-японски называются 百八煩惱 - hyakuhachi bonnou.

Возрождение - отсылка к буддийским верованиям в реинкарнацию: пока душа не избавится от 108 мирских соблазнов, она будет постоянно возрождаться в этом мире, а не пойдет дальше в Нирвану.

Вступление

Февраль 2003

Где-то

Привет.

Отлично выглядите.

Хотя наряд у вас явно странный. Потому что День Святого Валентина на носу? С кругляшами на одежде... вы же свихнетесь.

Ясно. Так это ваш способ сходить с ума.

С большим энтузиазмом, да?

Глядя на вас, я вспоминаю его.

Его прозвали Хэппи-Эндом. Можете называть его Мистер Хэппи-Энд, или Тот Самый Хэппи-Энд, или любым другим именем, которое вам нравится как звучит. Ему достаточно, чтобы там было слово «Хэппи-Энд».

Да, он странный. Видите ли, его интересует только счастье остальных. И неважно хороший или плохой человек жаждет быть счастливым.

Что он за человек? Если вы спрашиваете, счастлив ли он... не думаю, что он сам это знает. Но если оценивать его в терминах добра и зла, то он – абсолютное зло. Несомненно.

Говорите, это бессмысленно? Да вы понятия не имеете. Нельзя же с ходу решать, что добр любой, кто желает счастья, правда?

...Хотите ещё послушать? Болтовню бродяги вроде меня?

Ха-ха, ну спасибо.

Ладно, у меня ещё есть немного времени до прихода товарищей, так что, если хотите, я потрачу его на рассказ для вас.

Так вот... Всё началось 300 лет назад на борту некоего корабля...

Пролог

~ Улыбочный Нарик ~

1711, Атлантический океан

Адвенна Авис

– Проклятье! Подъем! Все, вставайте! Мы скоро умрем! Мы все скоро ум-м-м-м...

На корабле воцарился хаос.

Во тьме слышались лишь крики.

Алхимики бросили свои дома ради нового мира.

Им удалось вызвать демона.

И они достигли одной из важнейших целей алхимии – вечной молодости.

Но бессмертие пришло вместе с неприятным ограничением.

Для них был один способ умереть. Если другой бессмертный положит правую руку им на лоб. А потом ему нужно просто сосредоточиться и подумать: «Я хочу есть». И он тут же поглотит знания, воспоминания и опыт жертвы, а иногда и её личность. Она умрет, а тот, кто останется, унаследует всю сущность.

Но естественно, кое-кто думал и наоборот. Ограничение позволило ему вообразить другой исход.

Сожрать всех и стать королем бессмертных, унаследовав опыт каждого.

На вторую ночь после прихода и ухода демона некто избрал путь, неизбежно ведущий к вечному одиночеству. Человека, который напал на товарищей-алхимиков и превратил корабль в ад на земле, звали...

– Это Сцилард! Старый псих предал нас!

– Черт... Хватит! Кто-нибудь остановите его! Неважно кто, просто съешьте его!

– Берегитесь! Он уже сожрал пятерых! Он двигается уже не как старик!

Пока на палубе звенели крики, кое-кто пытался спрятаться в трюме корабля.

Ей было шестнадцать, может семнадцать. С первого взгляда было ясно, что ей здесь не место: девушке в очках и с серебристыми волосами.

«Я боюсь. Я очень боюсь. Надо где-нибудь спрятаться.

Он... он тоже где-то прячется. Я знаю.

Я должна его найти...»

Напуганная шумом среди ночи, она, словно спасаясь, бежала подальше от того места, откуда доносились крики. И хотя она хотела спрятаться до тех пор, пока хаос не утихнет...

В её широко распахнутых испуганных глазах отразилась глумливая ухмылка старика, который и начал переполох.

– Подумать только, я тут сожру девчушку. Мои сексуальные желания давно угасли, но сейчас я так взволнован, что не пожалею об этом.

И с этими словами его правая рука дотянулась до её лба.

Но совершенно ничего не произошло.

Глаза старика – Сциларда Квотеша – слегка расширились. Будто он удивился, но вскоре на его лице расцвело понимание.

– Сильви, ах ты девка... ты не выпила?

– А... ах...

Глаза Сциларда засияли холодным светом. Сильви застыла, потеряв дар речи.

«Я сейчас умру».

Как только эта мысль возникла в её мозгу, правая рука старика соскользнула с её лба и шлепнулась на пол. Её перерубили в локте, и из раны яростно хлестала кровь.

Капли крови забрызгали и Сильви, но вскоре жидкость задрожала и, словно рой насекомых, хлынула обратно в руку Сциларда. Следом за кровью рука взлетела в воздух и, будто на резинке, притянулась к культе.

– Ай... а-а-а!!!

– Похоже, бессмертие не дарит нечувствительность к боли. Повезло, что я смог проверить это на тебе.

Пока Сцилард старался превозмочь боль, по трюму разнесся надменный голос. Он принадлежал молодому человеку с тёмной кожей. В правой руке он держал клинок, похожий на китайский тесак для мяса, а на лице горела тихая ярость.

– Нил... подлец!..

– Сейчас мой гнев не выразить словами, но я всё равно тебе скажу, что чувствую. Я собираюсь тебя убить.

Человек по имени Нил высоко замахнулся тесаком на Сциларда, рука которого полностью исцелилась.

– Хотя это пустая трата воздуха, я заявляю... Умри.

Тусклое лезвие рассекло воздух, чтобы развалить голову Сциларда надвое. Старик отшатнулся, едва избежав удара, и сломя голову бросился по ступенькам подальше от Нила.

Нил не погнался за Сцилардом, а опустился на колени и обратился к дрожащей девушке:

– Эй. Ты не ранена?

Сильви поднялась на ноги и открыла рот, чтобы ответить.

– Эй, вижу вы оба в порядке.

Над головой Нила раздался веселый голос, абсолютно неуместный в отчаянной ситуации.

– Похоже, можно было даже не спрашивать. Вы в порядке. Это хорошо, просто отлично. Сильви, Нил, вы оба. А теперь, пусть это и немножко внезапно, но улыбнитесь. Давайте, покажите мне широкие улыбки во все 32 зуба.

Оба подняли взгляд и увидели усмехающегося парня, на лице которого совершенно не отражался текущий кризис на корабле. Он приложил пальцы к уголкам рта и растянул губы в широкой улыбке.

– Вишь? Лыбнишь! (*Видишь? Улыбнись!*)

– Элмер, нет времени для шуток.

– А кто шутит? В трудную минуту нужно улыбаться. Улыбка тебя успокоит, – сказал Элмер, веселье которого увяло от суровой отповеди Нила. Но улыбка с лица никуда не делась... хотя было в ней нечто тревожное, и даже Нил не смог сказать ему прекратить.

– Только дурак вроде тебя будет улыбаться в подобном случае. Если хочешь спрятаться – поторопись.

– Нет, – помотал головой Элмер. – Я собираюсь пойти уговорить старину Сциларда остановиться, так что вы пока посидите тут.

Сильви и Нил таращились на самоуверенного Элмера.

– Я заявляю: это невозможно. Даже если ты сумеешь уговорить его остановиться, Майза этого не потерпит. Он все равно умрет, так что лучше убить его быстро и свести потери к минимуму.

– Тогда я уговорю Майзу проявить милосердие.

– Чушь.

– Да, чушь. Так что я пойду и сначала уговорю его. Если у меня не получится, и меня сожрут, ты можешь поступать, как хочешь.

– Не надо! – невольно воскликнула Сильви. Обыденный, будто он собрался пойти перекусить, тон Элмера заставил её заговорить: – Как ты думаешь его остановить? Он... он улыбался, когда пытался сожрать меня! Будто наслаждался... Слова ни за что на него не подействуют!

Но ответ Элмера удивил их ещё сильнее.

– Ясно. Старина Сцилард улыбался, угу... Тогда, полагаю, это как-то да сработает.

– Что?..

Элмер проигнорировал удивление Сильви и усмехнулся:

– Улыбайся, Сильви! Ты должна улыбнуться!

И он исчез в дверном проеме, оставив позади эхо радостного смешка.

Они остались вдвоем. Наконец, Сильви робко спросила:

– Э... Нил, что Элмер подразумевал, говоря «Майза этого не потерпит»?

– Ну...

По лицу Нила скользнула тень.

– Не может быть... Неправда, да? Это же неправда?

Сильви схватила Нила за темную руку и яростно затрясла, будто выжимая ответ.

– Скажи мне, что нет! Скажи, что это неправда! Пожалуйста, Нил!

Из глаз Сильви потекли слезы, но Нил продолжал хранить молчание.

* * *

– Проклятье, где старик?

– Нашел! Он на палубе!

– Эй! Старина Сцилард! Сюда! Глянь сюда и послушай меня!

– Кто это? Элмер?

– Этот, дурак, что, он, там, делает? *

– Осторожно!

– Элмер!

* * *

Шум воды и тишина.

Сознание Элмера поглотила бесконечная тьма.

И... в ней он расслышал голос.

– **[Ты в порядке].**

Голос привел Элмера в чувство.

Странное ощущение, будто он плывет по воздуху. Сквозь прищуренные веки он мог видеть смутно знакомое лицо человека. А кроме него – только тьму.

– **[Что ты за балбес. Кувыркаться на носу, чтобы привлечь внимание старика. Ладно, неважно. Ты упал в море, поэтому тебя не сожрали].**

...Ох, эта фраза. «Ладно, неважно». Точно. Я помню. Этот парень – демон.

Демон, который дал им бессмертие. Пока Элмер размышлял, почему он всё ещё здесь, а не вернулся туда, откуда пришел, демон снова спокойно заговорил:

– **[Видишь ли, я собирался уйти, но кое-что привлекло моё внимание. Ладно, неважно. В любом случае, похоже, ты пытался уговорить старика остановиться, но... ты правда думал, что получится?]** – тихо спросил демон, глядя на Элмера, как на какую-то странную форму жизни. Элмер подумал и, от уха до уха улыбаясь, ответил:

– Думаю, это возможно. Понимаешь, Сильви сказала, что Сцилард улыбался.

– **[Улыбался?]**

– Раз он улыбался, значит, в конце концов, он ещё человек. Даже если это ухмылка убийцы через секунду после убийства, нельзя отрицать сам факт улыбки. И пока ты способен улыбаться, ты способен обсуждать. На войне может быть по-другому, но сейчас речь о чьих-то чувствах и желаниях, правда? Неважно, насколько мала вероятность, я хочу попробовать.

– **[Хм. Но судя по твоему положению, думаю, твоя цель практически недостижима].**

– Ну и ладно. Знаешь, я и не думал, что самым счастливым исходом ситуации будет мгновенное поглощение Сциларда. Но отпустить его – ещё хуже. Я собираюсь уговорить его искренне извиниться и заставить его вечно искупать содеянное... пока остальные его не простят.

– **[Ты забываешь про тех, кого уже поглотили?]**

– Мертвецы не могут улыбаться. Как и грустить ли злиться. Это и значит быть мертвым. Если бы призраки действительно существовали... не думаю, что этих людей можно назвать мертвыми. Ну, я имею в виду, важно уважать мертвецов, но... мне правда все равно.

Демон помолчал секунду, а потом его голос зазвенел прямо внутри головы:

– **[Хм. Я думал, ты обычный добросердечный простак, но похоже в тебе больше зла нежели добра. Ладно, неважно. Ты интересный. Хорошо, полагаю, это можно назвать связью между нами].**

Демон сказал нечто невероятно волнующее:

– **[Я дам тебе любую силу, какую захочешь, только скажи. Если пожелаешь, я сниму все условия с вашего бессмертия. Я могу подарить тебе силу ясновидения, взгляд на далекие места, или силу останавливать время или контролировать разум. Что угодно].**

– Как волшебная лампа Алладина.

– **[Что-то вроде. Разве что одно желание, а не три],** – насмешливо сказал демон, качая головой.

Элмер подумал и усмехнулся.

– Демон, я принял решение.

– **[Быстро],** – удивленно сказал голос у него в голове.

Элмер, не колеблясь, озвучил желаемое:

– Слушай, демон. Я хочу...

* * *

– Эй! Элмер, ты в порядке?!

– Он очнулся!

– Какое облегчение.

Звук похлопывающей по щеке ладони. Поле зрения Элмера затопил свет.

Он оглянулся и увидел, что вернулся на палубу, и его согревает мягкий свет утреннего солнца. Он подумал и понял, что кто-то его выловил после падения в море.

– ...Что случилось со стариной Сцилардом?

– М-м. Хью и Денкуро загнали его в угол, но он прыгнул в море, и мы его потеряли.

– Ясно, – коротко ответил Элмер.

Он прекратил попытки встать, растянулся на палубе и смотрел в небо, прокручивая мысли в голове. Утреннее солнце светило в глаза, но он всё ещё мог различить звезды на сумеречном небе.

Он оглянулся и увидел, как с облегчением вздыхают, глядя на него, товарищи.

Их улыбки помогли ему вернуться в сон.

Но... прямо перед тем, как потерять сознание, он понял, что кто-то на корабле скорбно причитает, и грустно улыбнулся:

– Нет, Сильви. Сильви, ты должна улыбаться...

Под сонное бормотание тонкая ниточка сознания оборвалась, и он погрузился в глубокую тьму.

И... время пошло.

Декабрь 1998

Поселок в северной Европе

Лес.

Огромная и величавая масса деревьев скрывала поселок из виду за покровом снега.

Здесь царили хвойные деревья, множество их стояло бок о бок, словно бунтуя против законов природы. И между ними сквозь лес проридалась одинокая тень.

Из-за толстой зимней одежды фигура выглядела большой и громоздкой. Казалось, человек бесцельно блуждал в зарослях заснеженных деревьев.

– Трудновато, – проворчала тень, остановившись перед огромным деревом.

Пар от дыхания мгновенно клубился белым туманом, мешая обзору. Он поднял глаза к небу, следя, как вздох развеивается в воздухе.

Сквозь плотный барьер хвойных деревьев небо еле виднелось. Темно-синий цвет подсказывал, что солнце скоро сядет.

– Уф, значит, сведения оказались ложными. Полагаю, если подумать, то где-то здесь никак не может быть замка.

Снова опустив голову, человек осмотрелся.

Нетронутый белый снег слабо поблескивал за необычно тесным рядом деревьев.

– Итак, что делать? Вернуться назад или...

Бормоча себе под нос, он огляделся. Впереди было меньше белого, чем на пути, которым он пришел. Лес и так был странным, но деревья так своеобразно пропускали солнечный свет, что казалось, что перед ним лежит только тьма.

Человек на секунду задумался, а потом потащился глубже в лес.

Будто его что-то вело...

* * *

В лесу кто-то есть.

Человек.

На нем толстая одежда, так что холодному воздуху подставлена только часть лица.

Он замечает меня, стоящую у входа в поселок, и что-то говорит.

– Привет.

Какое странное выражение. Уголки рта приподняты, а глаза полузакрыты. На лицах горожан я такое нечасто видела.

Это выражение иногда показывают «люди снаружи». Я до сих пор не знаю, что оно означает.

Нет. Я должна знать, но эти сведения просто исчезли из памяти. Потому что слишком давно не выпадал шанс его увидеть.

– Ух ты, ну и холодина, правда? Мороз! Ну же, давай возблагодарим эту невероятную стужу. Если бы не она, моя зимняя одежда оказалась бы совершенно бесполезной!

Сильный и чистый голос.

– Кстати, в поселке есть гостиница? Если да, можешь показать мне дорогу? Я провел ночь в лесу и шёл весь день, так что сгодится любое место, куда пустят.

Гостиница. Заведение для временного проживания чужаков.

В этом поселке не существует ничего подобного. Зная это, я качаю головой.

– Что, нет? Это всё усложняет. А есть какое-то место, где я могу немного отдохнуть? Что угодно, где можно укрыться от дождя и ветра. М-м, сгодится даже мельница. Интересно, каким окажется этот поселок. Я не думал, что посреди такого леса могут жить люди. Может, есть дорога в город на другой стороне? Но карта говорит, что вокруг на десятки километров в любую сторону только лес. Должен сказать, нельзя доверять ничему, что сам не проверил! Согласна? Ох, точно. Моё имя – Элмер. Элмер С. Альбатросс. Если коротко – Эл. Приятно познакомиться!

Слова. Слова льются из человека потоком. Больше слов, чем я могу понять, и потому не могу ответить. На одном дыхании он выдаёт больше слов, чем горожане за месяц.

Элмер.

Я сумела ухватить одно название из засыпавшего меня шквала.

– О, прости! Я так давно никого не встречал, что теперь болтаю без умолку о себе и не позволяю даже слово вставить симпатичной девушке! Э-э, ты же понимаешь мою речь, да? Думаю, я говорю на языке этой страны. Стоп, а вдруг нет? Ладно, тогда начнем с начала, здесь есть место, где можно отдохнуть?

Я понимаю. Я просто не могу уследить.

– Я... проведу вас. Господин... Элмер.

Обычная реакция. Я ответила так же, как любому жителю поселка. Но Господин Элмер склонил голову к плечу.

– Э? Почему ты так говоришь? А, наверно поэтому. Ты работаешь официанткой в ресторане или что-то вроде?

Даже не дождав ответа, Господин Элмер разразился очередным потоком слов:

– Чудные тут жители, да? Как только я пришел, они попрятались и позапирались! Может, они ненавидят чужаков? Или готовятся к Рождеству!

Рождество. Ещё одно незнакомое слово.

Потеряв дар речи, я молча смотрела на лицо Господина Элмера.

– Что, что-что-что? Я что-то неправильно сказал? Тогда я извинюсь.

– Что такое... Рождество?

Я отвечаю.

Это моя обязанность.

– Что? Ты не знаешь? Рождество. Ох, я думал, тут все должны знать, потому что сейчас оно распространилось даже на Востоке, но, может, тут другая религия? Пожалуй, разберусь попозже.

Последнюю часть он бормочет сам себе. А потом смотрит на меня и внезапно улыбается:

– Точно! Так и сделаем! Если это не противоречит вашей религии, я расскажу тебе про Рождество! Итак, Рождество – это... ну, короче говоря, это праздник! Все смеются и улыбаются, и едят пироги и индейку, и дарят друг другу подарки!

Лицо Господина Элмера наполняется исступленным воодушевлением. Громко звенит голос. Руки тянутся ко мне.

Руки Господина Элмера гладят мои щеки.

– Вот так, улыбнись. Во время праздника все улыбаются. Улыбайся! Да, улыбайся! Может, это внезапно, но милые дети вроде тебя симпатичнее всего, когда улыбаются. М-м, наверно, это банально, но на Рождество я дарю тебе улыбку на лице! Говорю, что ты – милашка. Ты будешь

очаровательна! Действительно прелестна! Парни от тебя глаз оторвать не смогут!

С этими словами Господин Элмер легонько щиплет меня за щеку. Я не сопротивляюсь, а вспоминаю кое-что.

Выражение на лице Господина Элмера называется «улыбка».

Оно возникает, когда люди счастливы.

– Я начну праздник послезавтра, так что сиди и предвкушай! Давай, теперь ты должна улыбнуться.

Они потихоньку возвращаются. Чувство под названием «счастье» и сопутствующие ему воспоминания.

Я хочу вспомнить больше. Ещё, больше.

Я чувствую, что есть поговорю с этим человеком, то вспомню ещё больше. Что научусь неизвестным вещам. Через два дня, на празднике Рождества... Ещё, ещё.

В мозгу всплывает другое воспоминание.

Наверно, это чувство, известное как «радость». А, может быть, правильней назвать его «надеждой»...

* * *

Это случилось два дня назад.

Твердый каменный пол.

Эхо звуков в воздухе.

Хлюп. Треск. Бум.

Звуки бесконечно повторяются.

Передо мной безвольно катится то, что было Господином Элмером.

Просто вещь. Кусок мяса в форме человека, покрытый одеждой и истекающий алой кровью.

Его окружают горожане. Они держат камни и деревянные дубинки и по очереди опускают своё оружие на тело Господина Элмера.

Передо мной стоит тень.

Мужчина средних лет. Лохматый. Возжак. Мэр поселка... Господин Дез.

– Что ты планировала, девка, вместе с этим чужаком?

Господин Дез замахивается на меня дубинкой.

Боль.

Тело меня не слушается. Оно по собственной воле корчится на полу.

– Черт побери, грязная девка... Ты и правда отвела его туда, в дом проклятого чудовища!

Я вижу ноги Господина Деза. Под его массивным башмаком прелестное бумажное украшение. Нет. Больше не прелестное. Но когда-то было таким.

Прелесть. Я удивляюсь, что моему разуму известно это слово.

Когда я запомнила слово «прелесть»?

Дубинка снова опускается мне на голову, и я теряю способность двигаться.

* * *

– Вышвырни! Слышишь, вышвырни её! – злобно кричит Господин Дез, а я смотрю.

Я взваливаю себя на плечо и кланяюсь, тайком подбирая украшение.

Украшение в форме человечка в красной одежде.

Растоптанное украшение и свернувшееся калачиком тело Господина Элмера.

От взгляда на них во мне появляется новое чувство.

Но я не могу вспомнить.

Что это за чувство? Что надо делать, когда оно бурлит внутри?

Я не могу ни о чем думать. И поэтому не могу и ничего сделать.

Если бы он меня научил. Ещё, ещё, ещё-ещё-ещё...

Сколько лет назад я так сильно чего-то хотела?

Даже зная, что желание не исполнится...

С собой на плече, я наблюдаю за зрелищем передо мной.

Люди в комнате начинают переговариваться.

Я успеваю два раза вдохнуть, когда горожане умолкают и переглядываются.

Через миг в спину Господина Элмера глубоко погружается мотыга.

Красный.

Красные брызги.

Запачканная алым мотыга возвращается, и красный становится сплошным потоком.

В свете свечей алый кажется очень теплым.

Красный, красный, красный-красны-красно-красно-красно-красно-красно-красно...

И когда кажется, что каждое ощущение моего тела останется красным и мысли останятся...

Мотыга снова опускается, словно хочет убедиться.

Красный. Красный. Красный.

Этот цвет я точно запомню.

Внутреннее беспокойство ухудшается, меня чуть не тошнит, но даже это чувство быстро тонет в бесконечно красном.

...Красный.

Глава 1
~ Эмоция: «Счастье» ~

CHAPTER I
KIDOAIRAKU: HAPPINESS
Maiza Avaro

Декабрь 2001

Лес где-то в северной Европе

– Эй, ты уверен, что мы на правильном пути? – спросил маленький мальчик.

Он сидел на переднем кресле автомобиля, который по гравийной дороге ехал через лес, оставляя на свежем снегу четкую колею. Недавно закончился снегопад, и солнце освещало хвою. Странно: чем дальше они продвигались, тем гуще становился лес – и тем меньше проникало в него света.

– Разве не похоже, что мы скорее углубляемся в лес, а не приближаемся к городу? А признаков, что этой дорогой пользуются, вообще нет.

– Я более чем уверен, что мы двигаемся в верном направлении, хотя похоже, если продолжим, то дорога скоро закончится, – ответил мужчина на месте водителя в очках с черной оправой. Он вёл машину, и тёплая улыбка смягчала черты его лица.

– Ладно, раз ты так говоришь, полагаю, всё будет нормально. Но этот лес... навевает дурные предчувствия.

– Ха-ха, ты по-прежнему паникуешь по пустякам.

– Неужели? По-моему, это ты слишком расслабился.

Мальчик – Чеслав Мейер – с кислым видом посмотрел на водителя – Майзу Аваро. Но Майза только окинул его быстрым взглядом и улыбнулся ещё шире.

– С годами приходит хладнокровие, – сказал он, хотя на вид ему было не больше тридцати. Мальчик скривился.

– Мне скоро будет триста, знаешь ли. Мы не настолько уж и отличаемся возрастом или опытом.

Одним словом, они были бессмертны.

Не вампиры, не монстры, обычные люди, которым достались полностью бессмертные тела – вечная жизнь, вечная молодость, конец которой может положить только атака другого бессмертного.

Это было проклятием и благословением, павшим на избранных. Единственный способ убить бессмертного – чтобы его съел другой. Всё, что для этого нужно – положить правую руку на голову жертвы и пожелать...

«Я хочу поглотить всё, чем является этот человек».

Просто силой этого желания один может отобрать всё, что делает другого личностью. Воспоминания, знания и даже мышечные рефлексy.

Будто играя в игру, алхимики убивали друг друга. Как марионетки плясали на ниточках демона, который дал им бессмертие. Конечно, большинство отвратительных преступлений того времени были возложены к ногам одного старика.

Через двести лет оставшихся от группы в тридцать человек алхимиков можно было пересчитать по пальцам. Однако, с гибелью того, кто начал эту войну, человека, который был источником бедствий, Сциларда Квотеша, охвативший их ужас потихоньку слабел.

Майза и Чес странствовали по миру, разнося весть об его смерти тем из их товарищей, кто скрывался в попытке спастись от голода Сциларда.

И благодаря подсказке о местонахождении одного из них, Элмера С. Альбатросса, они теперь ехали в машине сквозь лес в дальней стране.

Разговор внезапно оборвался, автомобиль катился дальше по гравийной дороге. На какое-то время воцарилось молчание, пока не заговорила женщина, сидевшая позади.

– Так что это за поселок, куда мы едем? Как думаешь, у них есть хотя бы душ? – спросила она голосом, ясным, как звон колокольчика, и потянулась, сцепив руки за спиной.

Гладкое изящное запястье, на миг вынырнувшее из рукава зимней одежды, было достаточным подтверждением ее красоты. Миловидное лицо с правильными чертами, обрамленное естественно ниспадающими

шелковистыми волосами, наводило на мысль о томной грации большой хищной кошки. Короткие серебристые пряди не были собраны в причёску – но вместо того чтоб приглушать её красоту, беспорядок только подчеркивал линии шеи.

Эта женщина точно соответствовала определению слова «красивая». Но её красота была не естественной миловидностью богини с картин. Наоборот, она была таинственно манящей, будто воплощение мужских грез.

– Ммм...

Сильви Люмьер перестала потягиваться и, вздохнув, откинулась назад. То, как она это проделала, очаровало бы любого наблюдателя вне зависимости от пола; но Майза, похоже, уже привык: глядя на неё в зеркало заднего обзора он не выказывал ни малейшего признака волнения.

– Когда доберемся – узнаем.

– Хмм... А Элмер правда там?

– Скорей всего. Информационный брокер нашего района не имеет дела с ложью.

Сильви кивнула, удовлетворенная уверенным ответом.

Чес напряженно поёрзал на сиденьи и сказал:

– Эй, Майза, становится всё темнее, хотя ещё середина дня.

Он склонил голову в тревоге, и Сильви потянулась вперед, обвивая руками его шею.

– Ох, Чес, ты такой милый.

– Ай! Прекрати, Сильви! Я больше не ребенок!

– Да ладно! Ты выглядишь как ребенок, значит ты милый!

Сильви потерлась щекой о щеку Чеса, который завертелся на сиденьи. Он ярко покраснел, но сделал вид, что не обращает на неё внимания, и повернулся к Майзе.

– Но место действительно жуткое, я серьезно... Кажется, что сейчас из-за деревьев выскочит чудище или ещё что-то.

Сильви хихикнула и потрепала Чеса по голове.

– Чудище? Вот теперь ты точно ведешь себя как ребенок.

Чес стряхнул её руку и забурчал под нос, будто вспомнил что-то, о чем хотел бы забыть.

– Ты можешь так говорить только потому, что никогда не видела чудищ, Сильви.

Сильви открыла рот, чтобы спросить, о чем это он, но внезапно напрягшийся Майза перебил её, прежде чем она успела заговорить.

– Ты прав. Это странно.

– А? Что не так?

– Лес вокруг нас. Деревья стоят слишком плотно. С первого взгляда можно сказать, что они растут даже там, где им не хватает солнечного света.

Сильви выпрямилась и оглянулась. Деревья стояли настолько близко, что казалось, что они обнимаются, плотным строем, сквозь который человеку не пройти

– Теперь, когда ты сказал, стало жутковато. Интересно, что происходит?

– Не могу сказать точно... Может, если мы продвинемся немного дальше, сможем что-то выяснить.

– Полагаю, можно сказать, что это место подходит Элмеру, – пожала плечами Сильви, соглашаясь с Майзой, и снова откинулась назад, удобно устраиваясь. – Если самым злобным на корабле был Сцилард, самым страшным – Хью, то Элмер был самым странным. Он всегда находил, чем меня удивить... Хотя я думаю, что он был одновременно и самым счастливым.

– Хью настолько тебя пугал? Согласен, я иногда не мог догадаться, о чем он думает, но...

– Конечно, пугал. Вспомни, Элмер единственный был к нему близок.

– Правда, Элмер весьма бесстрашен. Хотя иногда он и безосновательно хвастает. Как в том случае, когда он заявил, что обжулил Людовика XIV, или что проклятые бриллианты на него не действуют... Хотя в случае Элмера и это возможно.

Внезапно Майза остановил машину и всмотрелся вперед.

Преграждая путь впереди высилась земляная насыпь, слишком высокая для холма. Уклон насыпи уходил вниз не слишком круто, но мешанина из грязи и камней образовали зыбкий пласт, идти по которому было бы самоубийством, не говоря уже о том, чтобы проехать на машине. Деревья же, окаймлявшие откос, не позволяли объехать препятствие.

– Я слышал, что раньше здесь был тоннель, но похоже он обрушился и теперь завален землей. Выглядит, будто это случилось довольно давно, но к счастью, деревья не пустили здесь корни.

– Что ты имеешь в виду, говоря «к счастью»? Мы в любом случае не сможем здесь проехать. Не знаю, почему они не восстановили тоннель, – сказала Сильви.

Майза пожал плечами.

– Этим тоннелем изначально никто не пользовался. Это вход на частную территорию, которая впереди, так что, возможно, хозяин решил больше не использовать этот путь.

– Хмм... – понимающе кивнул Чес и остановился. – Погоди, Майза. Что? Частная собственность? Я думал, ты сказал, что Элмер в поселке.

– Верно. Насколько я выяснил, на частной территории стоит городок, – спокойно ответил Майза. Приподняв одну бровь, Чес встретился с Сильви взглядом в зеркале заднего вида.

— Ха-ха-ха. Я пытался связаться с владельцем под предлогом изучения дикой природы, но всё напрасно. Похоже, это богатый человек, но у меня нет связей в этой стране.

Хотя он был каморриста в американской криминальной организации, кажется, это звание не имело веса в стране, где никого не знаешь. Сильви нахмурилась и пробормотала под нос:

– Городок... на частной территории?

– Точно.

– Ты уверен, что твоему информационному брокеру можно доверять?

– Конечно.

Сильви уставилась на Майзу, будто у него вторая голова выросла.

– Ну что, мы едем? Держитесь крепче.

Куда едем? Вопрос вертелся на кончиках языков, когда Майза вдарил по газам.

– АА! Май...

[illegible]

Чес проглотил испуганный вскрик, когда автомобиль затрясся всем корпусом. Легкое тельце жестоко мотало во все стороны, удары неслись сквозь позвоночник прямо в легкие.

– AaaAAaaaaAAa!

Сильви распласталась на заднем сидении, которое смягчало толчки, пока пронзительный крик Чеса взлетал и падал вместе с машиной. Долгие минуты автомобиль громыхал вперед и наконец остановился с сильным грохотом – с другой стороны холма склон резко обрывался, заставив их рухнуть с высоты трех метров.

– Аааа! – раздался пронзительный вопль из-за заднего сидения, из места между спинкой и панелью за ней, но трое в машине не обратили на это ни малейшего внимания, а только с облегчением вздохнули.

— Ты знаешь, что время от времени творишь дикие вещи?

- Профессиональная деформация.

– Иногда я завидую твоему вечному хладнокровию.

– Мои извинения.

Чес и Сильвия недобро глянули на Майзу, но тот лишь хохотнул и выглянул наружу из машины. Перед ними, как и прежде, простиралась заснеженная, посыпанная гравием дорога. Хотя казалось, что снежный ковер стал немного тоньше – возможно, из-за того, что деревья теснились вдоль дороги еще плотнее, чем прежде.

– Теперь еще пять-шесть километров – и мы должны быть на месте...

– Майза! Придурок, ты меня убить пытался? – раздался крик позади Сильви.

Майза надавил на газ, будто ничего не слышал. Убедившись, что с машиной всё в порядке, он выжал сцепление и включил первую передачу.

– Ты меня слышишь, ублюдок?

– Конечно слышу, Нил, – спокойно ответил Майза и плавным движением вдавил педаль газа в пол. – Дорога здесь неровная, так что будь осторожен и не прикуси себе случайно язык.

Снег летел во все стороны из-под бешено крутящихся колес.

– Не пытайся сменить тему. Я заявляю: именно поэтому твоя девушка тебя бро-ой!

Из багажника донесся приглушенный звук удара. Встревоженный Майза на секунду оглянулся, но быстро повернулся и снова сосредоточился на вождении.

Мужчина за задним сиденьем больше не говорил.

Короче, ситуация несомненно была тревожной, но, казалось, никто из пассажиров о ней не беспокоился, и машина продолжала углубляться в тенистый лес.

К поселку, которого не найти ни на одной карте, чтобы найти старого друга.

* * *

Люди прибыли в поселок.

Они приехали в странной штуке.

Огромной металлической коробке. Как карета, только меньше.

Большая повозка, на которой приезжает коробейник. Вот на что похоже.

И, как и транспорт коробейника, она двигалась без лошадей.

Но кое-чем отличалась. Не похоже, что на ней привезли товары.

Металлическая коробка остановилась на входе в поселок.

Я первая заметила.

Но горожане первыми подошли. Сжимая оружие. Один за другим, они шли к железной коробке.

Кому-то ещё не повезло.

Кто-то ещё станет несчастлив.

Я это чувствую. Точно как в тот раз...

...Пять лет назад, когда впервые убили Мастера Элмера.

Я могу только смотреть. Даже сейчас, я могу только стоять и смотреть, как совещаются жители, силуэты полные страха и враждебности.

Но я лишь наблюдаю эту взаимосвязь с прошлым.

Это моя задача.

* * *

– О, ну наконец-то!

Наконец Майза сотоварищи выбрались из лесу на дорогу, чуть шире предыдущей гравийки. Обзор резко расширился, и перед ними развернулся сияющий белый мир. Сначала они приняли его за обычную равнину, но чем дальше ехали по прямой дороге, тем больше заснеженные пространства вокруг напоминали фермерские поля.

– Возможно, ячменные поля, – слова Майзы побудили и остальных осмотреться вокруг. Тянувшиеся, сколько хватало взгляда, поля окружал лес. Снега выпало меньше, чем им казалось, и кое-где сквозь белый ковер проглядывали пятна голой почвы.

И в конце дороги – прямо перед ними – стояло несколько домов.

– Так здесь и правда есть поселок.

– Вы уверены, что это частная территория?

Майза не обратил внимания на слова Сильви и Чеса и припарковал машину у того, что посчитал входом в деревню.

Здания были каменными. Издали они казались сельскими амбарами, но когда машина подъехала ближе, стало понятно, что это действительно дома. Они заметно отличались от обычных для этой страны построек и напоминали скорее сараи, а не приличное жилье.

Старинными были не только дома, но и вся атмосфера поселка казалась странной и архаичной, словно они попали на съемки. Отсутствие на виду современной архитектуры только усиливало ощущение старого кино.

Но никто из путешественников не смутился, так как вид впереди слишком отличался от реального «прошлого», в котором им довелось жить. Будто поселок возник не сам собой, а был специально сконструирован по чьим-то расчетам.

– Немного больше, чем я ожидал.

Похоже, они припарковались у главной улицы: с каждой стороны стояло несколько зданий. Деревянные строения и срубы случайным образом перемежались с каменными домами, виденными прежде.

– Выглядит сооруженным на скорую руку, – пробормотал Чес. – Стиля ему явно не хватает.

– Не знаю, по-моему, есть в нем старомодное очарование, – ответил Майза.

– Черт, – Сильви закрыла глаза и театрально вздохнула, опуская плечи. – Не думаю, что здесь есть душ... Или хотя бы водопровод.

– Не уверен, что беспокоиться стоит именно об этом, – внезапно сказал Майза странно напряженным голосом.

– Почему?

Что-то в его тоне заставило Сильви ещё раз выглянуть в окно.

Посреди широкой дороги, пересекающей город, стояла девушка в потрепанной одежде, пристально глядя на машину.

– А что с ней не так?

– Не с ней. С остальными, – ответил Чес тоже слегка натянуто.

Наверно заподозрив нечто по облику незнакомки, Сильви осторожно оглянулась. Сначала она думала, что девушка была одна, но вскоре поняла, что из уличных теней за ними наблюдает множество глаз.

Скрываясь в полумраке, за окнами тихо маячили и безмолвно таращились силуэты десятков людей.

– Ммм, похоже на прецедент.

– Какой еще прецедент? – выпалил Чес, неспособный сдержать нервозность. Майза перехватил руль.

– Ну, было несколько случаев с поселениями, найденными на частных территориях. Например, незаконные организации или группы религиозных экстремистов часто устраивают подобные базы.

– И что это значит?

– Неизвестно, что они делают с пришельцами. Если нам повезет, они передадут нас в руки властей за нарушение границы, но в худшем случае... – Майза запнулся, прищурился и продолжил: – Результаты будут неописуемо ужасны.

– Давай уедем. Я не хочу ввязываться в то, что может оказаться хлопотным.

– погоди, Чес. Нравится нам или нет, но мы должны спросить людей, чтобы узнать об Элмере. Если он поселился здесь, то они пойдут нам навстречу, как только мы объяснимся.

В противоположность оптимистическому настрою Майзы Чес упрямо оставался скептиком.

– А что если он не стал? Или его с самого начала здесь никогда и не было?

– Сюда кто-то идет.

– Майза? Эй, ответь мне. Посмотри на меня, Майза!

Чес схватил его и с силой потряс, но Майза его проигнорировал и в одиночку вылез из машины.

– Ну, в таком случае, полагаю, нам не останется ничего, кроме как сбежать.

По дороге к ним поднимался мужчина в сопровождении нескольких юнцов. Он был, по крайней мере, средних лет, с острым взором и колючими усами. Худое тело закутано в теплые зимние одежды, сшитые не из синтетики, а из натурального меха. Идущие следом юноши были одеты похоже и держали в руках железные дубинки и охотничьи карабины.

Ружья были старые – опыт Майзы подсказал, что такие модели были в ходу лет сто назад.

Девушка всё ещё стояла посреди дороги, и идущие мужчины грубо её оттолкнули. Они хищно смотрели на Майзу и громко топали по грязной каменистой земле.

От каждого пройденного дома к ним молча присоединялись один или два силуэта, которые смотрели из теней, и вскоре банда, шагающая в сторону Майзы, увеличилась больше чем вдвое.

Среди них были и женщины с кухонными ножами и мотыгами в руках и суровыми враждебными взглядами.

Однако, даже закрыв позади себя дверцу машины, Майза не казался слишком обеспокоенным. Он оставил руку на дверной ручке готовый в любой момент открыть её и нырнуть внутрь.

«...Я только надеюсь, что мы сможем общаться друг с другом».

– Кто вы такие? Вы не коробейник... Как вы сюда попали? – словно в ответ на невысказанные сомнения Майзы заговорил усатый мужчина, похоже, их лидер.

Майза надеялся заговорить первым, но пестрая банда аборигенов остановилась раньше, чем он ждал.

Тем не менее, он отчасти расслабился, когда понял, что жители по крайней мере говорят на общепринятом в стране диалекте.

– Прошу прощения. Мы обычные путешественники.

Оставалась вероятность, что, назови они сразу имя человека, которого искали, и у людей возникнут подозрения. Майза решил сначала притвориться странником и понаблюдать за реакцией.

– Путешественники, говорите? – подозрительно спросил лохматый, украдкой глянул на машину и снова уставился на Майзу. В его глазах темнела не злость, а, скорее, огромная ненависть.

Он ещё раз взглянул на автомобиль, потом на Майзу, и его лицо посуровело.

– Заставь остальных выйти.

– Могу я спросить, зачем?

– Мне нужно убедиться, что с тобой нет странных людей.

Про себя Майза полюбопытствовал, кого мужчина считает странными, но решил, что из ненужного спора толку не выйдет. Он вздохнул и подал знак двоим внутри машины.

Неприветливость горожан уменьшилась, пусть и на крохотную капельку, когда выпрыгнул Чес. А когда выступила Сильви, их глаза распахнулись.

Она быстро осмотрелась, прищурилась и плавным движением прислонилась к дверце машины.

Направленная на гостей вражда поутихла – некоторые парни теперь смотрели на Сильви с совершенно другим выражением глаз.

– Ну так что?

Не смягчился только взгляд лохматого.

– Вы очень благоразумны, – шутиливо сказал Майза вместо ответа.

Но лохматый на это никак не отреагировал.

– Я мэр, Дез Нибиль, – представился он.

– Рад знакомству. Я...

Лохматый – Дез – отвернулся, прервав слова Майзы.

– Я не желаю слушать посторонних. Мы не можем вас принять, так что уходите сейчас же.

– Да ладно. Мы не просим пустить нас ночевать в какой-то из ваших домов. Если бы можно было остаться ненадолго здесь с машиной...

– Поселок сейчас не может себе позволить связываться с иностранцами. Нам не нужны ваши проблемы. Из-за чужаков вроде вас демон...

Дез прикусил язык.

Перед мысленным взором Майзы всплыло лицо. Демон, который дал им вечную жизнь, и в то же время его товарищ-каморриста, который сейчас далеко в Нью-Йорке. Он никак не мог оказаться здесь, и чтобы отбросить беспочвенные подозрения, Майза спросил:

– Демон?

– Нет, ничего. Уезжайте из поселка... Нет, уезжайте из этого леса, сейчас же.

– Вы сказали «демон»?

Мэр зарычал от настойчивого интереса Майзы и неохотно ответил:

– Здесь живет монстр.

Земля, отгороженная от мира стеной деревьев, и монстр, атакующий деревню.

Такие мистические декорации больше подошли бы чему-то вроде сказки или легенды, но вместо насмешки Майза хранил молчание и слушал рассказ Деза.

– Вряд ли вы можете даже вообразить, как мучает нас эта тварь... Даже если я расскажу, вы мне никогда не поверите.

– А точнее, что это за монстр?

– Мне больше нечего вам сказать! Уходите сейчас же!

От злости дыхание Деза вырывалось в холодный зимний воздух белыми клубами пара. Майза помолчал пару мгновений и пробормотал, чтобы подтвердить свою теорию:

– Элмер... Элмер С. Альбатросс.

По толпе пробежал шепоток.

Нервная энергия наэлектризовала воздух.

Как только слова сорвались с губ Майзы, атмосфера мгновенно изменилась. Медленно таявшая враждебность вспыхнула в полную силу, и даже парни, замороженные красотой Сильви, внезапно перевели взгляды на Майзу, качая головами, как заводные игрушки.

Даже мэр, до сих пор сохранявший безразличие, вдруг уставился на них широко раскрытыми глазами.

– Вы, несчастные...

– Мы его ищем. Если его здесь нет, то мы пой..

– Взять их!

Вопль мэра оборвал слова Майзы и громко разнесся по улице.

Горожане хлынули, как вода сквозь шлюз. Они выглядели стаей диких зверей, загоняющих добычу, но Майзе показалось, что кроме враждебности в их глазах было и другое чувство.

...Страх?

Он уловил отблеск ужаса в их глазах, но прежде, чем смог убедиться в этом, мужчины рванулись вперед, чтобы схватить его.

Майза, который предвидел это с самого начала, сохранил хладнокровие. Решительно глядя им в глаза, он отступил назад ровно настолько, чтобы избежать протянутых к нему рук.

– Пожалуйста, успокойтесь. Мы не...

Тут он взглянул на мэра и увидел, что стоящий возле Деза юноша целится из ружья.

– Вижу, слов тут недостаточно.

Громкий звук выстрела разорвал тишину, и тело Майзы дернулось от удара.

– Майза! – непроизвольно вскрикнула Сильви. В отличие от Майзы она не почувствовала угрозы в ситуации и до сих пор прислонялась к автомобилю. Чес же напротив мгновенно уловил изменения атмосферы и уже забрался в машину.

Пуля содрала кожу с бедра Майзы, разорвав плотные брюки и брызнув кровью во все стороны.

Пока горожане рванулись вперед, почуяв брешь, мэр сосредоточился на кое-чем другом: на крови, что хлестала из ноги Майзы. Пока он смотрел на алые брызги на камнях, в его груди нарастало дурное предчувствие.

И его опасения подтвердились.

Кровь, которой полагалось оставаться на земле, начала сползаться.

Обладающие собственной жизнью красные пятна собирались у ноги Майзы. Будто танцуя, капли сливались одна с другой, взбирались по ноге Майзы и текли сквозь дырку в штанах прямо в рану.

Горожане, которые пытались схватить его, тоже это заметили. Они замерли на месте и отшатнулись назад с бледными от страха лицами.

– Он такой же...

– Демон.

– Он точно как тот!..

– Мы сгинем.

– Мы сгниём.

– Не смотри ему в глаза... – украдкой бормотали жители друг другу, отводя взгляд от Майзы.

Майза остановился, слегка засомневавшись.

За долгую жизнь его время от времени застигали в процессе регенерации. Свидетели обычно ужасались и сбегали. Его босс, глава маленькой преступной группировки в Нью-Йорке, был одним из немногих исключений.

Но реакция горожан отличалась от того, что он наблюдал годами. Обычно те, кто видел его исцеление, боялись его как «непознанного», но... эти люди боялись его как «знакомое зло». Это не страх перед неизвестным заставил их дрожать от ужаса. А последствия прихода человека, который может за секунды вылечить свои раны.

«...О, я понял».

Майза мысленно кивнул и снова вернулся в реальность.

Мужчины, которые отшатнулись от него, внезапно переключились на Сильви. Судя по перепуганным, бросаемым на бегу, взглядам, они хотели взять её в заложницы.

– Погодите, что вы делаете?

Сильви попыталась увернуться от первого добежавшего, но он оказался быстрее, и грубая рука ухватила её тонкое запястье.

Майза чуть не дернулся спасти Сильви, но остался на месте. Позади неё с тихим скрипом медленно опускалось окно заднего сидения. Юноша, который схватил Сильви, так старался оттащить её, что не заметил, как из окна высунулась смуглая рука, пока та не сжала, словно в тисках, его запястье.

– Ай!

Парень завопил и отпрянул от Сильви, словно обжегшись. Рука, торчащая из окна, плавно двинулась обратно, потащив юношу за собой.

– Аааааа!

Прежде, чем парень успел среагировать, его рука уже была наполовину внутри. Тихий скрип возобновился: кто-то в машине поднимал окно, зажимая пойманную конечность.

– Аааааааааааааа!

Ужасное давление обрушилось на руку юноши. Оконное стекло не смогло бы совсем отсечь руку, но тем не менее безжалостно впивалось в плоть, а мучительный скрежет механизма разносился в воздухе.

Окружающие Сильви замерли, не в силах понять, что происходит. В свою очередь Сильви осторожно взглянула внутрь машины и поспешно отступила.

Когда она добралась до капота, задняя дверь распахнулась – вместе с зажатой в окне рукой незадачливого парня.

– Аааааааааа!

Его ноги оторвались от земли, и всё тело попыталось взлететь в воздух, но помешала застрявшая в двери рука. В воздухе сухо щелкнуло, но горожане не смогли различить, хрустнули ли это кости или суставы парня.

И когда крик рассек воздух, из машины выбрался некто...

– Чу.. Чудовище?

В отличие от реакции на Майзу, теперь голоса жителей были наполнены страхом перед неведомым. Просто человек, вышедший из машины, был странным.

Полностью одетый в белые шелка: рукава, обрезанные выше локтя, демонстрировали светло-коричневую кожу. Одежды были отнюдь не тонкими, но, учитывая морозную погоду, задрожал бы любой, на них посмотревший.

Для такой реакции одной одежды было бы маловато, но, с другой стороны, было ещё и кое-что выше шеи.

Диковинная маска закрывала его лицо. Разукрашенная полированная штука шоколадного цвета с яркими красными и оранжевыми полосами пришлось бы к месту в Юго-Восточной Азии или на фестивале в Гонконге.

Более того, то небольшое, что виднелось под маской, оказалось не кожей, а туго намотанными бинтами. Другими словами, человек обернул голову тканью, а потом надел маску. Горожане видели сквозь прорези пронзительный взгляд полуприкрытых глаз.

Вот такой человек появился. Жители палились, подняв невообразимый шум, их испуганные голоса заполнили улицу.

Человек в маске проигнорировал их реакцию и спокойно повернулся к Майзе.

– Ты водишь как сумасшедший. Повторю ещё раз. И вновь я заявляю тебе: ты пытался меня убить?

Маска скрывала выражение лица, но по тону было ясно, что он весьма зол.

– Обычно, я бы за такое огрел или отвесил бы пинка, чтобы ты аж полетел, но учитывая ситуацию – прощу. Я заявляю: я тебя прощаю.

– Спасибо, – сказал Майза, чуть пожав плечами. – Я буду вечно тебе благодарен, Нил.

Он повернулся к мэру и его людям, которых почти парализовало от шока.

– О, я должен прояснить, что этот человек не ехал с нами, мы везли его в багажнике. Пожалуйста, поймите нас правильно. Мы не пытались его спрятать.

Но они даже не слушали, просто безмолвно смотрели, неспособные отвести глаза от кошмарного существа перед ними.

Человек в маске, Нил, мельком глянул в их сторону и, сложив руки на груди, повернулся к Майзе.

– Я не знаю, что происходит, но похоже они по крайней мере успокоились. Но я спрашиваю тебя, Майза. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– О... Я не хочу проблем, поэтому постарайся никого не ранить, – ответил Майза, волнуясь больше за горожан, чем за Нила.

Нил отрывисто кивнул и шагнул к задней стороне машины. Ступив на запасное колесо, висящее позади, он одним быстрым движением поднялся на крышу, снова скрестил руки на груди и сверху вниз посмотрел на горожан.

Как только он убедился, что все взгляды прикованы к нему, то заговорил:

– Хорошо. Для начала – на колени. Мы приказываем вам это сделать.

Его низкий но четкий голос легко разнесся по улице. Его требования были смешны, но ни Майза ни Сильви не протестовали, давно привычные к его повадкам. Но...

– Нил, эти люди не понимают английского.

...может, это и к лучшему.

На секунду над собравшимися людьми повисла тишина, и...

– Что?!

Голос из-под маски прозвучал слегка ошарашено.

– Не смей выставлять меня кретином!

– Никогда и не мечтал. Разве ты не слышал? До сих пор в разговоре не было ни одного английского слова.

– Мм... Значит, я ошибся. Я должен это признать. Я признаю свою ошибку, а не попытаюсь её скрыть! Проблема в том, что кроме берберского я могу говорить только на английском, китайском и индонезийском. Что мне делать?

– Ничего. На самом деле, я бы предпочел, чтобы ты слез, прежде чем повредишь машине крышу, – решительно сказал Майза, потирая лоб.

– Жители боятся тебя, потому что не понимают язык, на котором ты говоришь, – к Сильви вернулся дар речи.

– Хмм...

Всё ещё настороженный Нил всмотрелся сквозь маску в горожан. Они разошлись, охватывая Майзу и Нила широким полукругом, боясь подходить

ближе. Юноша, рука которого была зажата в окне, наконец сумел вырваться и сбежал обратно со струящимися по лицу слезами.

Если бы они понимали Нила, возможно, его чистой воды безрассудство уменьшило бы их неприязнь, но сейчас они воспринимали его слова только как бессмысленный и пугающий шум.

– Ясно... Майза, я заявляю.

– Что?

– Мирно мы отсюда не выберемся.

– Действительно, – оглядываясь, ответил Майза.

Только парни рядом с мэром сохранили спокойствие. Они вскинули карабины, беря на мушку Майзу и Нила.

– Цельтесь в головы.

По указке мэра парни, судя по тому, как они держали оружие – охотники, поправили прицел.

– Если они похожи на него, то некоторое время не смогут двигаться, если разнести голову. Если мы сумеем захватить хотя бы одного, сможем поторговаться с остальными.

Хотя преимущество горожан было очевидным, в победе ни один из них уверен не был. Даже у тех, кто навел карабин, вспотели ладони.

– Давайте, стреляйте, – фыркнул Нил. – Как только спустите курок, я посчитаю вас своими врагами. Я заявляю: я вас всех уничтожу!

– А я тебе говорю, они ни слова по-английски не понимают.

Даже вздыхая и легкомысленно подшучивая над Нилом, Майза не сводил взгляда с ружейных стволов.

«Что теперь? Единственный способ – специально сдаться, чтобы...»

Пока эта мысль порхала у Майзы в голове, неприязненное отношение жителей снова усилилось.

Глядя в ясное синее небо, Майза принял решение. Он заставит своих товарищей сбежать, а себя позволит захватить. Они могут уйти и все вместе, но не хотелось бы терять единственную ниточку к местонахождению Элмера, если можно этого избежать.

Майза бросил должность финансового руководителя нью-йоркской организации каморры, Семьи Мартилло, чтобы путешествовать по миру. Не ради туризма, а чтобы найти бессмертных, разбежавшихся по всему глобусу.

Вместе с Чесом они странствовали уже более тридцати лет. Понадобилось прилично времени и усилий, чтобы найти Сильви и Нила, но для них, бессмертных в прямом смысле слова, срок считался крохотным. И когда Майза уже готов был отказаться от поисков двух оставшихся, ему стало известно об одном из них, Элмере С. Альбатроссе. Подсказка от постоянного информационного брокера. Не расплывчатые слухи, а точное указание положения деревни. Но посредник не соизволил подробно описать поселок,

отделавшись кратким ответом «секрет фирмы». Но для отчаявшегося получить помощь Майзы и это было божьим даром.

Он не мог упустить свой шанс. Оставалось всего восемь месяцев до обещанного возвращения в Нью-Йорк. Если он сейчас потеряет след Элмера, попробовать ещё раз не хватит времени.

В его действиях была доля нетерпения. Поэтому он специально упомянул имя, даже поняв по реакции жителей, что демон, о котором они говорили, скорее всего и есть Элмер.

Даже при том, что Майза был не согласен с жителями деревни и Нил был на его стороне, он не мог позволить себе впутывать Сильви и Чеса. В конце концов, быть бессмертным, не означает не чувствовать боли.

Но повернувшись, чтобы подать знак, что сдаётся, Майза краем глаза заметил нечто странное. Они приближались с дальнего края поселка, противоположному тому, где он с друзьями выехал из леса. Три фигуры неизвестных всадников в алых плащах.

Майза застыл спиной к горожанам, но они замерли, забыв про него и, сглатывая пересохшими ртами, следили за всадниками.

– Смотрите... здесь вестники.

– Опустите оружие!

– Будь они прокляты, сегодня не день их появления...

– Значит, они всё-таки оказались демонами...

Под тихие беспокойные шепотки одни опускали оружие, другие ныряли в дома и запирали за собой двери. Множество глаз, следивших из теней за группой Майзы, испарилось как дым. Среди внезапного гомона, глядя на трио в алых одеждах, остались стоять только мэр и его спутники.

– Что? Что это?

– Хмм?

Нил и Сильви тоже услышали стук подков и повернулись посмотреть.

Лошади остановились метрах в десяти от машины. Всадницами были три женщины – нет, судя по внешнему виду, их ещё называли девчонками. Они были похожи друг на друга, и Майза про себя посчитал их сестрами.

Вдобавок, на рукава красных плащей была нашита белая ткань, напоминавшая о Санта-Клаусе. Рядом со старинными нарядами горожан результат казался вдвойне неестественным.

– ...Господин Дез.

Одна из них спрыгнула с коня и застенчиво взглянула на сердитого мэра.

– Это гости Господина Элмера. Я отведу их в замок.

– Распутницы... – Мэр метнул на трех девушек взгляд, который расплавил бы и сталь.

Майзе и Нилу он показывал ужас, сейчас же на лице было только отвращение.

– Пожалуйста, отойдите. Так приказал Господин Элмер.

Мэр надолго замолчал, буркнул под нос и мотнул головой горожанам. По этому сигналу оставшиеся парни повернулись и разошлись.

У входа в деревню, где до появления девушек царила неумолчная какофония громких голосов, воцарилась мертвая тишина. В неопикуемой атмосфере от неожиданного вмешательства даже Майза не мог найти слов.

Наконец, молчание нарушила девушка, обратившаяся к мэру. Она поставила ногу в стремя и вежливо сказала Майзе и остальным:

– Э... Не будете ли вы любезны следовать за мной, я буду весьма... ээ... признательна. Здесь... опасно.

Глава 2

~ Эмоция: «Скорбь» ~

CHAPTER 2

KIDO AIRAKU: SORROW

Czesław Meyer

Дорога уводила в лес.

– Что ты думаешь, Майза? – нервно спросил Чес.

– Не волнуйся, Чес, – опередила Майзу Сильви. – Уверена, Майза вовсе не заметил, как ты сбежал и спрятался в машине при первых же признаках опасности.

– Я не о том! Просто хотел узнать его мнение о тех трех девушках!

– Ага, теперь поняла. Ну, в таком случае, я считаю, что та, которая посередке, неплохо бы смотрелась рядом с тобой.

– Хватит! Прекрати надо мной смеяться, Сильви!

– Оу, ты действительно слишком милый! – Сильви скользнула Чесу за спину и снова обвила его руками за шею, не обращая внимания на его вспыхнувшие щеки.

Майза хихикнул и сжалился над мальчишкой.

– Всё будет хорошо. Судя по собранной нами информации, уже можно сказать наверняка, что скоро нас ждет встреча с Элмером.

Когда гомон стих, и горожане разошлись по домам, Майза с друзьями решили последовать за девушками в алом. По реакции жителей они решили, что упомянутый демон, наверно, и есть Элмер. Они точно не знали, почему его боятся, аки монстра, но собирались выяснить при личной встрече.

В свою очередь Нил забрался обратно в багажник, завернулся в толстое меховое одеяло и быстро заснул.

– Но... разве они не странные немного? Тихие и, по сравнению с горожанами, они... не знаю. Они похожи внешне, но будто из другой страны.

– Говоря о странностях, полагаю, горожане и сами весьма подозрительны, – сказал Майза, начиная подводить итоги.

– Когда я первый раз сказал, что мы обычные путешественники, мне показалось, что эти люди и не подозревают, что живут на частной территории.

– Да, ты прав.

– Если бы они знали, могли бы просто заявить, что это частная собственность, и приказать нам убираться. У нас не было никаких разрешений, а, значит, не было и оснований остаться. И кроме того, их диалект немного отличается от основного языка этой страны. Если описывать словами, я бы назвал его несколько... архаичным.

– Думаешь, это какая-то секта, учитывая, что их нет ни на одной виденной нами карте?

Секунду Майза обдумывал вопрос Чеса, потом покачал головой.

– Нет. Вспомни, как они называли монстра – который, кстати, скорей всего, Элмер. Сначала они говорили «демон», а потом «чудовище». Будь они религиозны, остановились бы на каком-то одном названии в соответствии с их верованиями.

– Так ты считаешь... что это обычный поселок?

– Это тоже неправдоподобно, потому что мэр страннее всех прочих. Остальные люди просто боялись, но... он отличался. Он считал нас чужаками с первого же взгляда. Думаю, он знает гораздо больше, чем горожане.

Майза склонил голову набок, вспоминая полные ненависти глаза мэра. Чес же, напротив, всего лишь презрительно фыркнул.

– Ну да. Он же всё-таки мэр.

– Нет, я имел в виду – на более глубоком уровне... О! Похоже, мы добрались, – сказал Майза, и легкая тревога на его лице сменилась удивлением, когда он разглядел за деревьями, куда их привела дорога.

Чес повернул голову, а Сильви подвинулась и глянула в ту же сторону.

Это был старинный замок.

Точнее – окруженная каменными стенами крепость, которая уместно смотрелась бы в сказке, фэнтезийном романе или видео игре.

Не сказать, чтобы она была огромной или внушительной. Место скорее походило на базу пиратов или разбойников, чем на королевский замок.

Стены почти не имели украшений, и общее впечатление было грубым, но редко и прихотливо разбросанные окна наводили на мысль, что здание внутри куда более замысловато, чем можно предположить по внешнему облику.

Строение выглядело довольно старым, но ни на одной видимой части не было серьезных повреждений.

– Напоминает замки Люксембурга или, возможно, Бельгии. В частности, очень похоже на замок Вианден в Люксембурге, только гораздо меньше, – спокойно сказал Майза.

– Стиль не похож на северную Европу, – нахмурился Чес. – И... почему-то он не выглядит по-настоящему старым. Не думаю, что прошло больше века с момента постройки.

Вся стена кроме ворот была окружена густыми зарослями, лишая возможности гулять по окрестностям.

Войти в замок можно было только здесь, и три ехавшие впереди всадницы уже пронеслись сквозь открытые ворота и исчезли где-то внутри.

– Предполагается, что мы можем заехать? – озадачился Майза. Потом мотнул головой и, проехав вслед за провожатыми, припарковался в центре двора.

Он вышел и еще раз внимательно осмотрелся

– Вижу...

– ...Элмер точно живет здесь, – еле слышно закончила Сильви, ошеломленная так же, как и Майза.

Повсюду были рождественские украшения – их количество заставило Майзу невольно вздохнуть. Не только с ворот, с каждого окна свисали декорации и безделушки. И не покупные, а явно сделанные из местных, уникально и тщательно обработанных, материалов.

– Только Элмер смог бы потратить столько времени на нечто настолько бессмысленное.

Чес отвернулся, едва взглянув, но очарованная Сильви увлеченно разглядывала каждую мелочь. Выглядело это почти так, как если бы эти двое обменялись телами.

– Верно, – согласилась Сильви. – Элмер – единственный, кто зашел бы настолько далеко с декором... по крайней мере, среди бессмертных, которые были на корабле.

– Ну что, мы зайдем? Не думаю, что девушки вернутся нас сопровождать. Сильви, пожалуйста, пойді разбуди Нила.

– Хорошо.

И пока Сильви открывала багажник, Майза с Чесом пошли к замку.

Огромная дверь замка висела на петлях, выбиваясь из общего вида каменной крепости. Всё больше и больше казалось, что здание построено не так давно.

Майза постучал несколько раз, но ответа не получил. Подумав, что незаконное вторжение все равно уже состоялось, они с Чеславом решили войти.

– Извините.

Дверь оказалась не заперта. Она с ужасным скрипом подалась, и украшавший ее Санта-Клаус с оленьей упряжкой покачнулся. Секунду помедлив, путешественники вошли внутрь.

Скромно украшенный холл не слишком отличался от внешнего вида крепости: такие же каменные стены и пол. Однако, ступеньки в углу были не из камня, а, скорее, напоминали лестницы в особняках 19-го века. Да и дверь в углу вовсе не выглядела старой.

– Это место само себе не соответствует. Как будто позаботились, чтоб оно только снаружи выглядело старым замком.

– Действительно. Такое ощущение, будто мы попали в музей иску...

Жуткий скрип оборвал речь Майзы – за ними внезапно захлопнулась дверь. И только они успели обернуться, как окна тоже позакрывались, быстро погрузив холл в сумрак и тени.

Позади них никого не было. Чес подергал дверь, но она закрылась накрепко и не открывалась.

И тогда, в точности как в фильме ужасов, над их головами пронесся низкий смехок.

– Муа-ха-ха-ха-ха...

Эхо звука разнеслось по широкому холлу, не давая определить, откуда он исходит.

– Жалкие создания... Добро пожаловать в проклятый замок в проклятом лесу... Возможно, украшения снаружи внушили вам ложное чувство безопасности, но этого-то я и хотел, дураки. Теперь вы будете принесены в жертву на алтаре моей силы...

Голос театрально декламировал угрозы, но Чес и Майза переглянулись и хором сказали:

– ...Элмер?

– Так вам известно моё имя, да? Вы должно быть слышали его от горожан. Ваша смелость похвальна – немногие смеют столь легко произносить имя демона. Но всё кончено, хотя вы можете сопротивляться...

– Кхм. Ты Элмер, правильно?

– Эй! Это же я!

– Я говорил вам, что сопротивление бесполез... э?.. Погодите... что? Что-то тут не так.

Возможно из-за удивления, хриплый голос во тьме превратился в молодой.

– Это ты, Элмер? Сколько лет мы не виделись? 290? – спросил Майза звонким от радости голосом.

Чес не выказывал своё облегчение столь же явно, как Майза, но тем не менее он криво улыбнулся и сказал:

– Ты ни капли не изменился. Мне даже смотреть на тебя не надо, чтобы это сказать.

Во тьме воцарилась тишина. Но как только умолкло последнее эхо слов Чеса, она взорвалась удивленным возгласом.

– Секундочку! Да это же... Чес... и Майза?!

Звук голоса раздался откуда-то сверху – а потом стремительно упал вниз.

Что-то глухо ударило прямо перед ними, потом спешно зацарапалось, и в темном холле возник неясный силуэт.

– Эй! Не будете ли любезны открыть ставни на окнах? – закричала тень, и в ответ на просьбу одна за другой задвигались ставни. Будто их открывал ветер, потому что ни Чес ни Майза во внезапном свете никого не видели возле окон.

– Изящно, правда? Я сделал так, что их можно открыть и закрыть, просто потянув издали веревку! – провозгласил силуэт, чья личность при наружном освещении наконец проявилась.

– Ах, сколько же мы не виделись! Дай на тебя посмо...

Сердечное приветствие Майзы оборвалось, когда он взглянул человеку в лицо.

Тот был одет так же причудливо, как и Нил.

Полностью в черное, на голове – черный мешок с двумя дырками для глаз. Как будто он пытался изобразить японского куроко².

– Во что ты вырядился?

– Э? Ах, это! Простите, простите. Видите ли, я думал, что в таком костюме легче пугать людей. Ужас, летящий на крыльях ночи, и всё такое. Ха-ха-ха.

Человек захихикал и стащил мешок с головы. Даже его перчатки были тщательно выкрашены в черный.

– Оох, теперь я могу дышать! Честно! Я так ждал повода устроить этот спектакль. У меня уже давно не было гостей.

Под мешком обнаружили широкая улыбка и голубые глаза под короткой копной слегка взмокших золотистых волос. Не красавец, но и не урод – обычный парень, который лучше всего выглядит, когда улыбается.

При виде лица Элмера Майза, наконец, расслабился, шагнул вперед и обнял его за плечи. Его глаза светились по-детски чистым восторгом, и казалось, что он в любой момент может прослезиться.

– А-ах... Ты и правда несколько не изменился!

– Ха-ха! Майза! Это правда ты, Майза! И Чес! Ой-ой. Ты... Ай! И правда ты, Чес! Боже мой! Это правда Чес, Майза, что мне делать? Я не знаю, как

² Работник сцены, полностью одетый в черное, который двигает декорации в театре кабуки. Зрители считают его невидимым.

выразить всю свою радость, разве что взорваться, но к сожалению, у меня нет ни взрывчатки, ни детонатора, и это будет чертовски больно, так что я, пожалуй, воздержусь. Нет, это не то, что надо, что мне делать, я болван, что я вообще должен сделать?

– Думаю, сначала тебе стоит успокоиться.

Эмоциональный всплеск прошел, и Майза тихо хихикнул, вспоминая, что случилось.

– Seriously, «mya-ha-ha»? Элмер, ты больше не ребенок. Мне было стыдно тебя слушать.

– Да? Разве плохо звучало?

– А ты не знал?

Чес, стоявший в стороне от Майзы с Элмером, присвистнул:

– Если ты пытался напугать нас, то с треском провалился. На самом деле это было смешно.

Несмотря на язвительные слова Чеса, Элмер усмехнулся.

– Смешно, да? Так это оглушительный успех! Не каждый день, пытаюсь кого-то напугать, ты можешь заставить его рассмеяться! Я бы сказал, это на восемьдесят процентов лучше!

– Ты слышал выражение «кривая улыбка»?

– Аха-ха-ха! Какая разница, что она кривая, если это улыбка? Нет-нет-нет, я правда удивился! Как вы тут оказались? Вы знали, что я здесь?

Элмер сжал Майзу в неистовых объятиях и похлопал по спине.

Однако Майза и Чес слишком сбились с толку, чтобы ответить. Разве Элмер не знал, что они в поселке? Разве не он отправил вестников проводить их в замок?

– Элмер, ты не знал, что мы здесь?

– Э... Нет, нет и нет! Я слышал только, что чужаки пришли в поселок. Горожане не слишком доброжелательны, и я их очень раздражал, поэтому и решил спрятать вас прежде, чем случится что-то ужасное!

Замок стоял на приличном расстоянии от поселка. От кого он бы мог услышать? И более того, почему он скрывался в замке, а жители боялись его, как демона?

У Майзы на языке вертелось бесконечное число вопросов, но он решил на время их отложить и наслаждаться воссоединением.

Именно тогда и загрохотали в закрытую дверь. Кажется, снаружи стояли Нил и Сильви.

– Хмм? А это что? Вы приехали не вдвоем?

– Конечно, нет. С нами ещё двое старых друзей, – тепло ответил Майза.

– Попробуй угадать, кто они? – усмехнулся Чес.

– Эм? Интересно, кто. Давай посмотрим, если это ваши друзья, может быть Бегг или... а, я не знаю! Да, да, входите!

Любопытство Элмера быстро одержало верх, и он в предвкушении распахнул дверь. Похоже, на ней было установлено такое же устройство, как и на окнах, позволяющее открыть её или закрыть, дернув за веревку.

– Элмер? Элмер, это правда ты?!

– Здравствуйте.

С другой стороны стояли сверхъестественно красивая женщина и мужчина в маске на обмотанной бинтами голове.

Элмер повернулся к Майзе, забыв придержать дверь, и она плавно закрылась.

– И кто?..

– А я знаю? – ответил Майза с редкой для него дьявольской ухмылкой. Чесотчаянно трясся, пытаясь сдержать смех.

С пронзительным скрежетом Нил отворил дверь снаружи, и двое незнакомцев – для Элмера – шагнули внутрь.

– Аааа! Незваные гости! Чужаки захватили мой замок!

– Элмер, придурок! Ты захлопнул дверь у нас перед носом и даже не поздоровался!

Голос Сильви был сердитым, но уголки рта подозрительно подергивались, будто она изо всех сил старалась не рассмеяться.

– Ты подлец! Я был слишком оптимистичен, когда ждал от тебя серьезности хотя бы в момент нашей встречи.

Нил, напротив, искренне сердился.

– Кто? Кто?! Люди, кто вы такие?! Вы ворвались не только в мой замок, но и в моё сердце! Назовитесь!

Почувствовав искреннее замешательство Элмера, Нил вспомнил о том, как выглядит его голова.

– Ммм... понимаю. Раньше я не носил маску, да? Возможно, твое замешательство понятно. Но я заявляю: ты должен был узнать мой голос.

– ...Нил? Нил, ты ли это?!

– Долго же ты думал.

Нил удовлетворенно кивнул. Элмер ещё секунду пялился на него, а потом повернулся к Сильви.

– Тогда ты должна быть... точно!

– Удивлен, правда? Думаю, так и должно быть, раз уж я настолько изменилась.

– Ты Хью! Хью Лафорет, да?! А почему ты нарядился девушкой?

– Я не Хью! – взвизгнула Сильви, ошеломленная неожиданным ответом, пока остальные добродушно подсмеивались.

– Как это не Хью? Я ошибся? Я мог бы поклясться, что на корабле только Хью был настолько хорошеньким...

– Это Сильви. Сильви Люмьер, – смеясь, сказал Майза.

– Честно, Элмер, – зарычала Сильви, – помнишь, я была единственной девушкой на корабле?

– Сильви?

Элмер долгим взглядом уставился на женщину перед собой, а потом повернулся к Майзе.

– Ты меня разыгрываешь! Сильви не была такой сногшибательной леди. Она была простой сельской девчонкой!

– Я должна быть польщена? Или оскорблена? – озадаченно пробормотала Сильви.

– Ну, да, но... – снова повернувшись к ней, сказал Элмер. – Даже если ты сменила очки на линзы, ты была ниже ростом и, эээ, более плоской, если понимаешь, о чем я. Погоди, тебе же тогда было всего семнадцать! А сейчас за двадцать! Ты не могла повзрослеть, потому что Чес до сих пор не изменился...

– Сильви не сразу выпила Великую Панацею, – вмешался Майза, упреждая поток вопросов Элмера.

Сильви улыбнулась и быстро объяснила:

– Я стала алхимиком, потому что хотела быть вечно прекрасной. Я получила эликсир бесконечной жизни всего в семнадцать. Мне ещё было куда расти. Поэтому я сохранила панацею в пузырьке и выпила только через несколько лет заботы о себе.

Элмер окинул её скептическим оком.

– Так ты говоришь, что ты двадцатилетняя версия Сильви?

– Что значит «версия»? Ладно, полагаю, можно и так сказать.

Элмер подумал секундочку и положил руку ей на плечо, заглядывая в лицо жалобными глазами.

– Сильви, прежде чем мы насладимся воссоединением, ответь мне на один вопрос, только честно.

– На какой? – спросила Сильви, её сердце забилося чуть чаще от внезапной серьезности Элмера.

– Всё хорошо. Я не осужу тебя, что бы ты ни ответила. Нам принадлежит всё время мира, так что ты ещё успеешь искупить свои грехи.

– О чем ты вообще говоришь?

– Скажи мне сейчас честно... сколько раз ты купалась в крови невинных младенцев, чтобы обрести такую красоту?!

– Элмер, ты понимаешь, насколько неприличный вопрос ты только что задал?

Сильви замахнулась дать ему пощечину, но Элмер на волосок уклонился и снова повернулся к Майзе.

– Ладно, хватит шуток.

– Поясни, сколько в этой шутке было правды?

– Если совсем честно, то я с самого начала знал, что ты – Сильви. Аха-ха-ха-ха-ха!

Сильви только вздохнула и снова занесла правую руку.

– Эй, сейчас-то за что?

Элмер дернулся, чтобы избежать оплеухи, но не смог сдвинуться с места. Справа его за руку крепко держал Майза, а слева – Нил.

– Элмер, ты зашел слишком далеко.

– Я заявляю: за свои слова ты заслуживаешь больше, чем пощечину.

Они так крепко держали Элмера за руки, что его ноги почти оторвались от земли.

– А? Подождите. Что? Эй!

Ладонь Сильви царственно ринулась к лицу Элмера и...

Чес стоял в стороне от остальных и бесцельно смотрел в потолок, когда звучный шлепок зазвенел в воздухе.

– Ах, ни Элмер ни Сильви ни капли не изменились со временем. Не внутри, – тихонько, чтобы не услышали остальные, пробормотал он. Почему-то сам себе он казался старым.

– ...Может, только я и изменился.

* * *

Они улыбаются. Улыбается Господин Элмер и чужаки, пришедшие в замок.

Они смеются счастливо, очень счастливо.

Господин Элмер ничуть не изменился. Тот же смех и та же улыбка, которую я всегда видела.

Но я... не могу смеяться.

Если бы я могла, но...

как гости Господина Элмера

если бы я могла так смеяться, но...

Но я не могу смеяться. Я не могу непритворно улыбаться.

*Хотя Господин Элмер искренне улыбается мне.
Хотя он старается научить меня это делать.
Но все, что я помню, это скорбь.
Скорей всего, я не могу смеяться из-за этой скорби.
Но прямо сейчас мне грустно, что я не могу смеяться.*

* * *

– Пусть здесь и грязновато, но на время вы можете остаться.

– Можно подумать, это и правда твой дом.

– Не говори так, Чес. Ты бьешь в больное место... Ай!

Элмер плюхнулся на диван возле камина, на его щеке всё ещё алел отпечаток ладони.

Они решили побеседовать в более удобном месте и переместились из холла в соседнюю комнату, похожую на салон.

– Это все, кто приехал сегодня... А что с остальными? Они в безопасности? – спросил Элмер, вставая, чтобы разжечь огонь в камине. Это был ключевой вопрос, и, услышав его, приехавшие беспокойно переглянулись.

Через мгновение шаткой тишины Майза ответил за всех:

– Считая нас пятерых, выжило всего девять пассажиров корабля.

Элмер помолчал. Тишина повисла между пятеркой бессмертных, пламя камина окрасило багровым склоненную голову Элмера.

Через несколько секунд он обернулся к Майзе и остальным... и улыбнулся.

– Ясно. Новости грустные, но хорошие.

– Что?

Элмер плюхнулся на деревянный стул, почему-то просветлев.

– Сказать по правде, была определенная вероятность того, что я буду жить вечно, не встретив даже вас. Но сегодня вы все приехали. Значит, самый плохой сценарий сменился с «не осталось никого, кроме меня» на «нас всего пятеро». Но потом вы сказали, что есть ещё и другие. Точно, это повод улыбнуться. Я думаю, это прекрасная причина для улыбки.

– Ты оптимист.

– Не совсем. Я могу скорбеть о чужой смерти только улыбаясь. Если честно, я не очень умею горевать. Это трудно. И к тому же мне не нравится. Ах! Поясню – я никогда не собираюсь забывать мертвых. Так скажите, кто остался, чтобы я знал, кого помнить.

Объяснив недостаток у себя печали, Элмер продолжал требовать подробности. Майза выглядел несколько ошарашенным, но потом облегченно усмехнулся.

– Ты действительно ни капли не изменился. Тогда ладно. Кроме нас есть ещё Бегг, Хью, Виктор...

– О, Хью ещё здесь, да? Когда-то давно я прочел в газете, что Виктор устроился на работу в ФБР и поймал Хью.

Элмер слегка улыбнулся, будто вспоминая нечто приятное.

– А сейчас Хью чем занимается? До меня доходили слухи, что он попал в тюрьму, но я полагаю, он уже отсидел свой срок, верно?

– Мы сами не знаем. Мы не слышали, чтоб его кто-то сожрал, так что, возможно, он по-прежнему где-то продолжает свои эксперименты.

– Хью очень любил ставить опыты, правда? Думаю, его можно назвать самым алхимистом из нас... О, прости, прости, я тебя перебил, – сам себя оборвал Элмер, видя, что Майза нахмурился.

– Нет, всё в порядке. И, наконец, последний, кого мы ещё не смогли разыскать – Денкуро. Денкуро Того. Помнишь его, да? Единственный азиат на корабле.

– А, ты имеешь в виду Ниндзю?

– Ниндзю?

– Я дал ему такую кличку... Э? Вы его ещё не встречали?

Остальные смотрели на Элмера огромными глазами.

– Ты его видел?!

Элмер неловко пожал плечами в ответ на испуганный вскрик Майзы.

– Ну, я вроде как наткнулся на него лет десять назад. Он изображал ниндзю в Японии в месте под названием Деревня Эдо³ или как-то так. С тех пор я его не видел, так что не могу вам точно сказать, жив ли он...

– Не могу поверить... Мы первым делом искали в Японии. Он всегда говорил, ещё на корабле, что хочет вернуться туда, поэтому мы обшарили его старый дом...

– Когда?

– Лет двадцать назад.

Элмер взмахнул рукой и рассмеялся.

– А, у вас бы не получилось. Конечно, нет. Он вернулся в Японию всего лет десять как. Он сказал, что пытался дойти из Америки до Японии, но попал в неприятности на Северном полюсе и провел во льду два с половиной века.

Ошеломленная тишина.

– Его нашла советская атомная подлодка, преследовало КГБ, он удрал в Германию и, когда пытался перелезть через Берлинскую Стену, его подстрелили. Так что он прятался в Восточной Германии, пока стена не пала, и тогда, наконец, смог вернуться в Японию. Сказал, было огромным шоком увидеть, насколько изменилась страна. А его дом разрушили задолго до войны... примерно когда Япония в 19 веке открыла двери. Так что он просто бродил по стране.

– Великое приключение, – подытожил Нил историю Того.

Элмер минутку подумал и перешел к сути дела:

³ Никко Эдомура или Деревня Эдо – тематический парк в стиле феодальной Японии эпохи Эдо (1603-1868). Один из аттракционов – Театр Ниндзя, где переодетые актеры играют несколько представлений в день.

Все, кроме Майзы, отвели взгляд, и каждый подумал о своем.

Майза выбрал простой ответ на невысказанный вопрос Элмера.

– Понятно... Значит, девять, считая Денкуро.

– Да, так обстоят дела.

Майза тускло улыбнулася і снова кивнула.

Элмер внезапно упал на пол и зашелся в жестоком кашле, молотя руками и ногами, как сумасшедшая цикада.

– За-заставил себя хохотать! Желудочный сок! По-попал! В пи-пи-пищевод!
Я умираю! Умираю!

– Вот и не надо было так делать.

Зная, что Элмер бессмертен, ни Сильви, ни Нил не двинулись с мест. Майза встал и похлопал его по спине, а Чес с обеспокоенным выражением заглядывал Элмеру в лицо.

Правая рука Чеса легла Элмеру на щеку. И медленно поползла в сторону лба... но Элмер никак не отреагировал.

Чес молча убрал руку и вернулся на стул. Детское личико затуманилось недовольством.

Элмер заметил угрюмую гримасу Чеса и открыл рот, чтобы спросить, что не так.

– Итак, Элмер. Теперь твоя очередь отвечать на вопросы, – сказал Майза, привлекая внимание Элмера. Встревоженное лицо Чеса тут же было забыто.

– Что ты хочешь знать? Мне известно несколько тайн государственной важности, но не думаю, что могу рассказать их вам...

– Нам это и не важно.

– Уверен? Я действительно знаю несколько секретов республики Науру.

– Я серьезно, – сказал Майза. Его решимость не поколебали все попытки Элмера рассмешить его.

– Что это за поселок? Почему они боятся тебя и называют демоном? Ты действительно их мучаешь? И эти девушки, они...

– Не спрашивай всё сразу! Я путаюсь! Путаюсьпутапутатась.

Элмер двумя руками обхватил голову и закачался, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Голова расплылась...

...и внезапно отвалилась.

Все застыли, подавившись воздухом. Голова скатилась на колени и скрылась в складках одежды, а из обрубка шеи в то же время повалил густой дым.

Он мгновенно заполнил комнату, скрывая всё из виду. Дым слегка раздражал легкие, но не был ядовит, поэтому Майза и остальные не обращали на него внимания, ползая по полу и пытаясь рассмотреть, куда подевался Элмер.

Вскоре дым рассеялся и они увидели... черные одежды, которые носил Элмер, и на полу валялась жестянка, которая, скорее всего, и была источником дыма.

– Как обычно, хитрый... – сказал Майза, осматриваясь сквозь поредевший дым. Вокруг ничего не двигалось – видимо, Элмер сбежал, когда газ только начал распространяться.

– Так всегда делают фокусники, – ровно заметил Чес, рассматривая черную ткань. – Он исчез, и осталась только его одежда.

И в этот момент...

– Игра! Как насчет сыграть?

В комнате зазвенел голос Элмера. Он странно отражался от каменных стен, счастливо перекачиваясь между ними.

– Я бы предпочел, чтобы ты прекратил играть.

– Я собираюсь прятаться от вас месяц, начиная с нынешнего дня, и продолжать свою работу! Если вы сможете меня поймать, в награду я расскажу вам всё, что вы хотите узнать!

– Элмер.

– Смирись, Майза, – посоветовал Чес. – Мы с тобой прекрасно знаем, что если Элмер вбил себе что-то в голову, его не заставишь передумать.

Согласившись с Чесом, Майза отступил.

– Ладно...

– Ура! Великолепно! Майза, я знал, что ты поймешь! Теперь я поприветствую вас ещё раз! Позвольте мне представить вас этой застывшей во времени деревне, нет, точнее, поселку, который существует сам по себе в другом измерении! Другими словами, он четырехмерный! Фантастика! Я очень жду, что вы серьезно отнесетесь к своей роли в этой игре!

Элмер договорил, и его голос рассыпался затухающим смешком, а вскоре стихло и последнее эхо. Майза тяжело опустился на стул и глубоко вздохнул.

– Полагаю, мне пора было бы уже и привыкнуть, учитывая, что постоянно творится в Нью-Йорке.

– Точно, хотя Айзек и Мирия, в отличие от Элмера, естественны.

– Это кто? – спросил Нил, услышав незнакомые имена, но прежде чем Майза и Чес успели ответить, раздался стук в дверь.

Деревянная дверь забавно выделялась на фоне каменных стен, а из-за неё донесся девичий голосок.

– Э.. Я заварила чай.

– О, извиняюсь. Заходите, – сказал Майза, временно принимая роль хозяина дома.

– Прошу прощения.

Вошедшая девушка тоже носила красное, но отличалась от тех троих, которые скакали на лошадях. Очень похожие, но всё-таки немного другие стиль прически и черты лица.

Она заметила, что в комнате нет Элмера, и остановилась, нервно оглядываясь.

– Элмер загадал нам искать его, но может, мы просто спросим эту девушку, где он? – предложил Нил.

Чес выступил вперед, всем телом изображая маленького мальчика.

– Эй, а кто ты Элмеру? – спросил он, используя право детей задавать прямые вопросы, не взирая на общественные приличия. И девушка ответила так же прямо.

– Я... живая жертва.

* * *

Для горожан не было способа узнать, как долго существовал поселок. Изредка старики намекали, что знают больше, чем рассказывают, но время прошло – и, один за другим, они ушли, забрав свои знания в могилы.

Большинство же нынешних жителей выросли, не зная ничего кроме города, и для них плотная стена деревьев вокруг была все равно что водопады с края мира.

Любопытные пробовали пройти через лес, но их надежды и жажда знаний всегда оставались неисполненными и неутоленными.

Они даже не знали, что деревья растут неестественно близко друг к другу, потому что с самого начала их никто не учил тому, что естественно.

Лес был слишком велик, чтобы пройти его пешком. Многие поворачивали назад побежденными, а некоторые не возвращались вовсе. Горожане шептались, что лес уничтожает чувство направления, путает будущих путешественников и заставляет их ходить по кругу снова и снова. Посреди единственной существующей дороги размещался тоннель, перекрытый наглухо запертой дверью, и, когда недавно он обрушился, путь стал абсолютно непроходим.

Но была и другая дорога, ведущая глубже в лес. Та, по которой время от времени прибывал коробейник.

На ней стояли ворота, сквозь которые не мог пробраться никто, кроме железной самоходной повозки коробейника. За прошедшие годы несколько человек пытались забраться в неё и контрабандой уехать... но они тоже так никогда и не вернулись.

Горожане поняли опасности «внешнего мира» и соответственно воспитали детей.

Внешний мир опасен. Там ничего нет. Город – это всё.

Дети знали, что это ложь. Но атмосфера поселка не позволяла озвучивать такие мнения... и кроме того, детей ужасно пугало то, что лежало за пределами городка.

Блестящие серебристые птицы, что иногда пролетали высоко у них над головой. Огромные, какие и представить нельзя, они кричали странными и грозными голосами и, внушая страх, казались жителям вестниками дьявола.

Но, не считая дьявольских птиц, поселок был не таким уж и плохим местом для жизни. Они сами себя обеспечивали, а торговец привозил масло для ламп. Коробейник сам был доказательством того, что «внешний мир» существует, но горожане предпочитали не обращать на это внимания. Торговец никогда не разговаривал с ними о внешнем мире и на самом деле никогда не покидал своего экипажа, и даже не опускал окно.

Неписаное правило не поощряло разговоры с коробейником, а предыдущий мэр издал указ, запрещающий жителям уезжать из деревни. Указ сочли совершенно естественным, и жизнь потекла дальше без волнений.

Конечно, были и проблемы. Неважно, что жители не могли уехать, даже если хотели, иногда в городе появлялись чужаки и заявляли, что пришли снаружи. Все они натыкались на поселок случайно, и некоторые даже не знали языка. Но... большинство горожан не знало понятия «посторонний», потому что для них вообще не существовало «той стороны». Такие пришельцы были просто опасными демонами.

Например, группа местной молодежи решила последовать за первым из визитеров, очарованная его описаниями мира. Они ушли с чужаком, не послушав старших и забив себе головы историями о внешнем мире.

И никто из них не вернулся обратно.

Все согласились, что их соблазнил демон.

После этого существование чужаков просто игнорировали.

Если же раз в десять лет они приходили, от них немедленно избавлялись... буквально стирая с лица земли.

Они оставались в лесу, боясь внешнего мира и возможности раз и навсегда отринуть привычную жизнь.

Некоторые волновались о вымирании, но всё равно все жили относительно счастливо, проводя дни в мире и покое.

По крайней мере до тех пор, пока пять лет назад не появился демон по имени Элмер...

Настоящее время

Ночью после ухода Майзы с друзьями видные люди деревни собрались за маленьким столом. У всех без исключения были мрачные лица, а на некоторых даже проступал страх.

Дело было серьезное. Даже неподвижный и тяжелый воздух в комнате, обшитой деревом, угнетающе давил на людей, как будто над ними в любой момент мог разразиться огненный шторм.

– Что мы будем делать, мэр?

– Меня там не было. Правдивы ли слухи?

– Теперь демонов стало больше? Объясните, что происходит!

– Что теперь будет с деревней? Что оно сказала?

Мэр, Дез Нибиль, игнорировал нервные крики горожан и молча сидел с кислым, будто лимон съел, выражением лица.

– Сделайте что-нибудь! Приехало ещё четверо?! И они все демоны?!

Вместо мэра ответил один из юношей – тот, который днем выстрелил Майзе в ногу.

– Да, я своими глазами видел. Точно, как оно. Я не знаю насчет трех остальных, но очкарик, бесспорно, союзник демона!

– А тот, в жуткой маске, говорит на непонятном языке. Наверно, это код, который только они понимают. Язык проклятий!

– Н-но, вы думаете, что девушка тоже демон?

– Ну, э-э, я... думаю. Стоп, нет, нет, может, она и нет.

Очарованным красотой Сильви было трудно её судить.

– Я заметил еще ребенка, хоть он и быстро спрятался.

– Точно, четверо, считая ребенка. Как бы то ни было, они уехали в замок, как только Элмер их позвал. Но... то, на чем они ехали... Думаете, они связаны с корабейником?

– Мы говорим не про корабейника. Важнее решить, что мы собираемся теперь делать? Не думали, мэр?

Горожане замолкли и повернулись к Дезу.

Он испустил долгий вздох и тихо забормотал, будто сам с собой разговаривал.

– Я надеялся схватить их прежде, чем они свяжутся с ним, но... судя по тому, что он прислал вестников, думаю, он знал, что они приехали. Вопрос в том, что они с нами сделают, учитывая, что мы угрожали им оружием?

– Это всё мы знаем! Мы спрашиваем, что нам делать-то?!

– У нас нет выбора! Мы должны подождать и узнать, что он скажет! Мы не можем строить планы, ничего не зная! – зло рявкнул мэр, но горожане не отступали.

– Если они придут мстить под покровом ночи, мы обречены!

– А если они решат запросить больше... нам придется вскрыть запасы еды.

– Они заморят нас голодом!

– Мэр ты или нет?! Сделай же что-нибудь!

– Хватит!

Дез заорал, стукнув кулаком по столу, на лбу вздулась вена.

– Что вы хотите, чтобы я сделал? Включите мозги, прежде чем скулить, как побитые псы! У вас есть хорошие идеи? У вас есть хоть какой-то план, как их убить или заставить убраться? Единственная разница между вами и мной – я мэр, а вы нет! Если хотите, я передам пост любому из вас! И тогда посмотрим, что за великий план вы родите! Посмотрим, как хорошо вы сумеете управлять поселком!

Никто из горожан ничего не ответил. Никто из них не мог придумать другого плана кроме «подождать и посмотреть».

Тишину пререзал громкий голос позади Деза.

– Ты слишком суров, отец!

– Фелт. Тебя это не касается.

В дверях стоял мальчик лет шестнадцати. На его лице ещё виднелись следы детской мягкости, но взгляд уже был ясным и твердым.

– Горожане просто волнуются. Как и я. Поэтому, отец, мы все ищем у тебя поддержки.

Дез хранил молчание.

– Сейчас не время спорить. В час трудностей мы должны объединиться для защиты города.

Он сказал это прямо, почти по-детски, но эти слова успокоили горожан, уже готовых потерять голову.

– Сейчас мы должны сделать, что сказал отец, и посмотреть, что случится. Женщина и ребенок могут быть заложниками или пленниками... и мы сумеем найти слабину. Мы должны притвориться покорными и выждать шанса проявить себя.

Горожане переглянулись, обдумывая предложение парнишки. После краткого и суматошного обсуждения большинство из них выразило согласие, и было решено на некоторое время оставить всё как есть.

– Вот и хорошо, правда, отец?

– Делай, что хочешь, – кисло сказал Дез, встал и вышел из комнаты, наверно, раздраженный из-за того, что сын занял его место.

В удаляющуюся спину бросил вопрос один из встревоженных жителей:

– Но мэ́р, если они попросят ещё живых жертв...

— Я знаю. У нас осталась всего одна. Потом нам действительно придется начать отдавать деревенских девушек.

* * *

*Сердитый голос доносится из ратуши, когда я иду спать в свою лачугу.
Голос Господина Деза.*

Возможно, я снова где-то ошиблась, хоть и не помню ничего такого.

Не хочется, но я должна убедиться.

Ратуша слегка приподнята над землей. Когда я поднимаюсь по ступенькам, то понимаю, что внутри много людей. Наверно, они обсуждают Господина Элмера. Может, тот крик и не имеет ко мне отношения.

Когда я подхожу к двери, она внезапно открывается.

Удар.

Дверь сбивает меня с ног, и я падаю на пол.

Болят нос. Я дотрагиваюсь до него и обнаруживаю кровь.

– Блин! Что-то дверь заело! – раздается над головой голос Господина Деза.

И тут же мое тело пронзает острая боль – снова и снова, несколько раз.

– Черт! Черт! Черт!

Глядя на меня сверху вниз, Господин Дез дергает дверь, снова и снова впечатывая её в моё тело.

Я скрючиваюсь и еле уворачиваюсь от очередного удара дверью.

Но, пытаясь встать, теряю равновесие и растягиваюсь в дверном проеме. Сокрушительная боль знакомится с моими ногами.

- А, теперь она просто не закрывается!

Снова и снова агония атакует мои чувства. Больбольбольбольболь-
больбольбольбольбольбольбольбольбольнобольнобольнобольно-
больнобольно...

Я теряю способность выражать свои чувства словами, и тело само сворачивается и замирает.

Удары прекращаются, и над головой я слышу возбужденный голос Господина Деза.

– Эй, бесполезная девка, ты забрызгала кровью весь косяк! Чтобы к рассвету всё вычистила!

Господин Дез уходит в отвратительном настроении, за ним идут и остальные горожане, переступая через меня

– Как неудобно...

– Она подслушивала?

– Честное слово...

Жители огибают меня, как обходили бы труп собаки. Хмурятся и говорят обо мне, как о чем-то грязном.

Это происходит постоянно. Ничего нового. Но почему это сейчас так меня задевает? Наверно, из-за гостей Господина Элмера.

Когда мне удаётся подняться на ноги, передо мной стоит только Господин Фелт.

– Не похоже, что ты ранена. С тобой всё в порядке?

Господин Фелт дарит мне сочувственный взгляд и уходит, бросая через плечо:

– Если они снова попросят живую жертву, возможно, придется отдать тебя. Это нужно для блага деревни. Мне очень жаль.

Господин Фелт не бьет и не презирает меня.

Но и не помогает мне.

Я знаю. Ничего не изменится.

Такова моя судьба. Я не должна думать об иной.

Ничего не изменится. Всё в порядке. День будет идти за днем, ровно и постоянно.

Но даже тогда, аах, даже тогда.

Почему пришедшие снаружи так добры ко мне?

Они не пинают меня, они не бьют меня, они не злятся, если я сплю в кровати.

Может быть, Господин Элмер единственное исключение?

Меня поддерживала только эта мысль.

Я уже знала.

Знала, что может существовать и другой мир, кроме поселка и леса.

Так почему я должна была жить здесь и терпеть?

Господин Элмер говорил мне, что существуют места гораздо лучше этого, но есть и те, что гораздо хуже. Но, пока есть возможность, я хочу верить в крошечный шанс, что завтра будет лучше.

Я хочу уехать. Куда угодно из поселка. Куда угодно, где я смогу жить без побоев, обид и одиночества.

Но это мечта, которую я не могу себе позволить.

Надежда, которая никогда не исполнится.

Потому что уход отсюда означает мою смерть.

Было бы лучше оставаться безразличной, но так случилось, что я обзавелась невозможными мечтами и тщетными надеждами.

Мне грустно. Я почти почувствовала ненависть к тому, кто подарил мне улыбки, кто научил меня счастью, к Господину Элмеру.

Я помню. Я ясно помню.

Это чувство... ненависти.

Я возненавидела Господина Элмера даже раньше, чем горожан.

И это огорчает меня пуще прежнего.

Мне кажется, что я не должна существовать в этом мире.

23-е декабря, ночь

Старый замок

Упала ночь.

Тьма, столь ясная, что сама казалась замерзшей, заставляла содрогнуться от холода даже воздух зимнего леса.

Крыша старого замка в лесу была плоской, по ней можно было ходить, как по полу. Только дозорная башня на южной стене заканчивалась конусом, по которому не погуляешь.

На его склоне лежал человек и смотрел на звезды.

– Элмер.

При звуках своего имени человек взглянул вниз.

– А.

Краем глаза он увидел торс мальчика. Нижнюю часть тела скрывал край крыши, пока он пытался на неё взобраться. Наконец, Чес вскарабкался наверх.

И пока он переводил дыхание, Элмер его поздравил.

– Так ты нашел скобы возле окна. Я впечатлен, – откровенно сказал Элмер.
– Ты один пришел?

Прежде чем ответить, Чес оглянулся вокруг.

– Это очень странный замок. Общий дизайн похож на крепости Люксембурга, но коническая крыша из Дании... Будто его слепили из вороха кусков разных замков.

– Ты умница. Я удивлен... Я всего этого не знал.

– Половину заметил Майза.

– Ха-ха, а как насчет добавить черепицы и горгулью-другую, пока мы здесь?

Чес ясно улыбнулся Элмеру и аккуратно зашагал по покато́й крыше.

Элмер смотрел, как он подходит, и внезапно вскочил на ноги. Малейшая ошибка – он рухнет вниз на землю, но на лице не было ни следа тревоги.

– Хе-хе-хе, ты думал, что загнал меня в угол, но сейчас увидишь, как ошибался! Думаешь, ты можешь поймать меня, Элмера «Ноги от Бога» Альбатросса?

– И куда ты собрался бежать? – спокойно заметил Чес.

Элмер осмотрелся и задумался.

– Э?

До соседних частей крыши было не добраться, а прыжок до земли от самой нижней точки, которой он мог достичь, стоил бы гораздо больше, чем пара сломанных костей. Может он и бессмертный, но боль это боль. Он стоял неподвижно, и на лбу собирались бисеринки пота.

– Ладно, э-э, раз ты пришел сюда, я убегу на другую половину конуса.

– И мы вечно будем бегать по кругу?

– Как тебе идея поучаствовать в опыте, который сотрясет основы современной науки, и узнать, сколько раз нужно обежать вокруг, чтобы превратиться в масло⁴?

– Я отказываюсь, – ровно ответил Чес, и Элмер склонил голову к плечу.

– Я думаю, что человек, первым придумавший, как превратить тигров в масло, был гением, ты согласен?

– Тебе не нужно пытаться меня отвлечь. Я пришел не за тем, чтобы ловить тебя. Я хочу просто поговорить.

Чес сел, где стоял, и растянулся на склоне крыши.

– Поговорить? Я же сказаааал, если ты меня не поймаешь, я не...

– Не о том. Это личное.

– Хмм?

Элмер подошел чуть ближе, заинтригованный внезапной серьезностью Чеса.

– Ты все равно любишь забраться ночью куда повыше. Я помню, что на корабле ты каждую ночь забирался в воронье гнездо и любовался звездами.

– А... Аа... Ааа, да. Вот откуда ты знал, что я здесь? Я, знаешь ли, не ожидал, что меня найдут в первый же день. Я весьма удивлен.

– Что, ты правда собирался прятаться месяц подряд?

Вместо ответа Элмер оперся о скат и приподнялся, чтобы посмотреть Чесу в лицо.

– Так о чем ты хочешь поговорить?

«Он знает, что мне трудно начать разговор».

Чес беспокойно вздохнул, понимая намерение Элмера.

Наконец, решившись, он фальшиво улыбнулся и открыл рот.

Но Элмер прервал его прежде, он чем успел что-то сказать.

– Не заставляй себя улыбаться. Тебе не идет, – спокойно сказал он.

Чес резко втянул воздух, его лицо превратилось в маску.

А через секунду на нем проступило странно зрелое выражение. Как будто на Элмера смотрел совершенно другой человек.

⁴ Из "Истории черного малыша Самбо" Хелен Баннерманн, сказки, в которой индийский мальчик Самбо обманул четырех голодных тигров и заставил их бегать вокруг дерева, пока они не превратились в масло.

- Вижу, ты такой же псих, как и раньше.
- Э? Почему ты внезапно начал вести себя, как взрослый?
- ...Что?

Чес смутился. Он-то думал, что Элмер заметил его истинную натуру и предупредил, что не стоит её скрывать.

- Ты не понял моего притворства?
- Нет, вообще-то я говорил про твою фальшивую улыбку, а не про... Что? Ты притворялся?

– Вижу, дураком здесь оказался я... – пробормотал Чес, устало склоняя голову, и Элмер наконец понял, что происходит.

– А! А, точно, теперь дошло. Ладно, я понимаю. Хорошо. Оставь это мне. То есть, да, я не знаю, почему не заметил раньше. Я должен был сообразить, что странно вести себя, как ребенок, после трехсот лет. Точно, прости, прости, что не заметил.

Чес просто смотрел на небо и вздохнул, услышав легкомысленный ответ Элмера. Когда белый пар его дыхания закрубился в воздухе, бессмертный в облике мальчика тихо заговорил.

– Странно, что Майза за семьдесят лет с нашей встречи ни разу об этом не заговорил. И не думаю, что Нил или Сильви заметили.

Его глаза по-прежнему казались глазами ребенка, но во взгляде светилась тревога.

- У меня один вопрос. Кем ты нас считаешь?
- Спутниками.

Ни капли сомнения. Элмер просто и коротко ответил в ту же секунду, когда вопрос сорвался с языка Чеса.

Чес удивленно распахнул глаза, и взволнованный Элмер начал подыскивать другой ответ.

– Нет, нет, нет, нет, нет, нет, стоп, стоп, стоп. стоп, стоп. Кажется, в моих устах «спутники» звучит не бесхитростно, а, скорее, фальшиво, да? Я бы хотел назвать тебя дружкой, но ты взрослый и старше трехсот лет, так что... может, друг семьи, или погоди, компаньон, наперсник.. может коллега? Товарищ... нет, наверно, стоит добавить латинского колорита и сказать амиго... компания... отряд... команда... et cetera.

«Он действительно сказал вслух "et cetera"...»

Разумеется, Элмер не мог слышать мысли не верящего своим ушам Чеса и продолжал бубнить, а под конец хлопнул в ладоши.

- Точно, лучше всего нам подходит выражение «сообщники»...
- Конечно, нет. Что за дурацкий вывод, – хлестко сказал Чес, перебивая Элмера, прежде, чем тот продолжил.
- Но Денкуро мне говорил: «Вы с Хью, наверно, сообщники».
- Это была не похвала... Ох, нет, я сам виноват, что задал серьезный вопрос.

– Давай, не веди себя, как Майза. Чуть больше походи на ребенка, ладно? Чес внезапно рыкнул, злясь на небрежные слова Элмера.

– Прекрати. Я сказал тебе, что больше не сопляк.

– Ага. Полагаю, ты прав. Но если честно, довольно жутко слышать от тебя такие слова. Ты вечный мальчик, другими словами, единственный в мире житель Небыландии, так улыбайся, как положено ребенку. Вид искренней детской улыбки делает людей счастливыми. Хотя не могу наверняка сказать, относится ли это к людям, которые не любят детей, ха-ха-ха-ха-ха.

– Значит, ты говоришь, что неважно, кем я себя чувствую?

– Я не это имел в виду! Это тебе решать! Взрослому сложно смеяться смело, как ребенок, но ты ведь можешь, правда? Кроме того, ты можешь покупать дешевые билеты в кино, ходить на Хэллоуин за конфетами, ну и всё такое, что доступно только детям. И можешь вести себя по-взрослому, только когда тебе это удобно, как сейчас, например. И, как я сказал, ты можешь делать людей счастливее одной улыбкой. Все улыбнутся, и тогда ты улыбнешься тоже. Подумай, одним действием ты можешь наполнить окружающих счастьем! Черт, я завидую!

Чес нахмурился, не понимая точку зрения Элмера.

– О чем ты вообще говоришь? Знаешь, я уже давно размышляю на эту тему – твоё пристрастие к улыбкам меня озадачивает. Просто улыбка принесет людям счастье? Ты настолько наивен?

– А что?! Улыбка – это одна из эмоций высшего ранга, какой только способен демонстрировать человек! Разве ты не знаешь азиатскую пословицу, что удача приходит к веселым?

– Пословица – это всего лишь пословица. Кроме того, на основе чего ты делишь эмоции по рангам?

– Моих предпочтений, – быстро ответил Элмер. Чес подавил долгий страдальческий вздох.

– Как мог стать алхимиком некто настолько алогичный?

– Ха-ха-ха! А те, кто пытались получить золото из низменных металлов, значит, могут быть ближе к логике?

– А-а-а, ты сам это сказал! – завопил Чес, сжимая голову руками. – Ты отрицаешь собственное существование!

Элмер расхохотался и сел рядом.

– Тебе не кажется высокомерным с нашей стороны изначально называть их низменными металлами? Какое право мы имеем ковать и плавить их, делать из них всё что угодно, а потом называть их неблагородными?

Элмер вскочил на ноги и закружил вокруг Чеса, будто дразня. Совершенно бессмысленное действие, но, похоже, Элмер им чрезвычайно наслаждался.

– Примерно в 15-м веке алхимики разделились на две группы. В одну собрались люди, которые изучали всё, что могли, которые заложили основы современной науки. Во вторую – мистики, которые пытались добиться

фундаментальных целей алхимии. Думаю, мы из вторых. Иначе, подозреваю, мы бы никогда не согласились, чтобы Майза попробовал призвать демона. Хотя, с другой стороны, Хью и Сциларда можно отнести и к тем и к другим. Я пытаюсь сказать, что мы вызвали демона и получили бессмертие. Поэтому, учитывая через что мы прошли, глупо быть логичными. Тебе не кажется, что самое время пожить истинными чувствами?

Так что улыбайся, Чес.

– Истинными чувствами? Если говорить правду, из-за тебя я так взбешен, что готов взорваться, – холодно произнес Чес, прищуренными глазами глядя на Элмера.

Тот заметил и прекратил кружить. В отличие от Чеса, его глаза были широко распахнуты.

– Но почему?! В такую прекрасную ночь расстраиваться вредно для здоровья. Укорачивает жизнь на годы. погоди. Да. Я понял, прием. Стоп. Не смотри на меня, как на бродячую собаку, которая решила тебя обнюхать. Ладно, я серьезно тебя слушаю. Наверно, я слегка перевозбудился из-за звезд на небе.

– Ты никогда не умел быть серьезным... Но расстроило меня не это. А то, о чем я и хотел тебя спросить, – твоё проклятое спокойствие.

– Хе-хе-хе, приму за комплимент.

– Это не комплимент! И ни капельки не должно им быть! Вечно ты всё к шуточкам сводишь. Но на этот раз, ответь мне серьезно.

Элмер ухмыльнулся горячему взгляду Чеса и сел рядом.

– Скажи мне, почему ты не спросил, кто съел Сциларда?

И прежде чем Элмер смог ответить, бессмертный малыш продолжил:

– Как ты смог так легко нас приветствовать? Мы же могли приехать, чтобы напасть! Я даже клал правую руку тебе на лицо, нет, на голову! А ты даже не попытался её стряхнуть! Ты не показал ни единого признака ужаса, твоё выражение ничуть не изменилось! Как?! Как ты можешь не видеть опасность? Ты веришь, что тебя не съедят? Так истово веришь, что никто из нас не изменился за прошедшие века?!

Чем дольше молчал Элмер, тем задиристей становились слова Чеса.

Когда Чес сделал паузу, чтобы набрать воздуха, Элмер застенчиво улыбнулся и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я забыл.

– Что-о?!

– Нет-нет-нет, ладно, я только что вспомнил про это правило. Значит, так и умер старик Сцилард? Я совсем забыл.

– Я сказал, ответь мне серьезно!

Голос Чеса повысился до крика, но улыбка Элмера не дрогнула.

– Нет, это не шутка. Я не вру, я правда забыл.

Чес сдался. Элмер всегда был лжецом и плутом, но сказав «я не вру», он всегда говорил правду.

Другими словами, если Элмер не изменился, то он действительно забыл, что бессмертные могут пожирать друг друга. Чес понял, что поверить в это – невозможно, и смутился, будто вся его прежняя жизнь вылетела в трубу.

– Ты врешь...

– Я говорю правду.

– Ты врешь! Ты... ты сбежал потому что боялся, что тебя тоже сожрут, да? Поэтому ты спрятался в этом месте!

Обвинения Чеса звучали отчаянной мольбой, но Элмер безжалостно замотал головой.

– Я странствовал по свету не для того, чтоб избежать Сциларда и остальных. И даже если бы я не забыл правило, я бы приветствовал вас точно так же.

– Ты врешь.

– Говорю тебе, нет. Я знаю, что ты не такой, и даже если Сциларда съел кто-то из вас, я не собираюсь вас отталкивать.

– И ты ждешь, что я пове...

Как только Чес вскочил на ноги, чтобы посмотреть на Элмера сверху вниз, тот схватил его правое запястье и положил ладонь на свой лоб. Если Чес хотя бы на мгновение подумает, что хочет есть, то элмеровы тело и память втянутся прямо в его правую руку.

Но холодным потом покрылась спина Чеса, а не Элмера. Он вывернул запястье из хватки Элмера и убрал ото лба взмокшую ладонь. Пульс грохотал в ушах, и дыхание ускорилось.

Элмер успокаивающе улыбался.

– Теперь ты мне веришь?

Чес тупо смотрел на совершенно бесстрашное, полностью расслабленное лицо Элмера, потом

собрался с мыслями и отвел взгляд, неслышно ругаясь. Однако при внешности маленького мальчика, чей голос ещё даже не начал ломаться, выражение досады не произвело и половины должного эффекта.

– ...Как... Как ты мог такое сделать? – умоляюще спросил Чес, глядя на Элмера глазами полными скорби и сожалений.

– Как вы можете так поступать... Не только ты, Элмер. Майза, Бегг, Сильви, они все с самого начала приняли меня безо всяких сомнений. С Нилом сначала были некоторые проблемы, но теперь и он мне открылся. Нет, не только мне. Они все доверяют друг другу. Они все верят, что никто не собирается съесть остальных!

Чес уставился в пол, помотал головой и продолжил слабым, сломленным голосом.

– Я знаю, что люди меняются. А ещё, что люди изначально злы! Я знаю! Но некоторое время назад, не уверен, когда точно, я начал в этом сомневаться. Десятилетия назад я приехал в Нью-Йорк в одиночку. Я собирался встретиться с Майзой и сожрать его. Но по пути я встретил других бессмертных. И не только там: в Нью-Йорке оказалась целая толпа других бессмертных, которые не пили с нами на корабле! Можешь в это поверить? Но неважно. Больше всего меня напугало то... что каждый из них был хорошим человеком!

Кроме них были и ещё бессмертные.

Это Элмера удивило, но он не стал заострять внимание. Кажется, Чес был потрясен гораздо больше, чем хотел показать, потому что, сам того не замечая, выпалил важную информацию.

– Разве это плохо?

– Конечно, нет! Я же сказал, я лучше кого бы то ни было знаю, что люди изначально злы.

Мгновение колебаний, и Чес решился, открыл рот и произнес:

– Я съел Фермета.

Фермет. Элмер молчал. Хотя им никогда не выпадал шанс поговорить, если память ему не изменяла, Фермет был одним из алхимиков на борту и опекуном Чеса.

– Фермет бесконечно меня мучил, говоря, что это необходимые тесты. И я ему верил. А он продолжал меня терзать ещё сильнее!

Неожиданное признание лишило Элмера дара речи. В его воспоминаниях Фермет не казался человеком, способным сотворить такое с Чесом, который был ему как сын или младший брат.

– Но знаешь, что? Я ему верил. Я верил ему после всего, что он со мной сделал, а потом, в один прекрасный день, он попытался меня сожрать! Я боролся за свою жизнь, и внезапно моя правая рука оказалась у него на голове... Представляешь, какой ад передо мной распахнулся? Куда я рухнул, когда понял, что человек, которому я доверял больше всех, наполнен чудовищным злом! И как мучительно держать его теперь в себе! Поэтому я возненавидел весь мир. Я решил, что зол весь мир, со мной в придачу. Но почему, почему, они все так добры ко мне?! Я чувствую себя единственным плохим человеком на земле. Ты и Майза, и Айзек, и Мирия, и Фиро, и Эннис, и как, почему вы все... вы все...

Чес склонил голову, неспособный больше выдать ни слова.

Элмер помолчал, посмотрел на звезды и тихо сказал, будто сам себе:

– Я тебе завидую.

Чес медленно поднял голову.

– Правда. Смотри, Чес. Хороши люди или плохи, подумай так: пусть из шести миллиардов живущих 99,9% – злые. Значит, с тех пор как ты сел на поезд, тебе повезло одного за другим встречать только людей из оставшихся 0,1%! Какова вероятность? Это будто номер в лотерее выпал два раза подряд, и у тебя оба выигрышных билета! Астероид столкнулся с Землей, и стадо шимпанзе написало все пьесы Шекспира!

Бурный поток слов из уст Элмера заставил Чеса почувствовать себя ещё более смешным. Факт, что он знал, что Элмер не пытается успокоить его пустыми словами, а выражает своё искреннее мнение, только причинял больше боли.

– Я завидую твоему оптимизму...

– Оптимизм или нет, но я говорю правду. И пока мы здесь, я хочу прояснить, что ты сам по себе хороший парень, Чес, так что расслабься и поживи немного.

– Не надо меня утешать. Я просто зол. Никто ничуть не изменился, только я становлюсь всё хуже и хуже. Я единственный меняюсь. И это бесит меня до невозможности.

Чесу было больше нечего сказать и он развернулся к поручням, которые вели вниз с крыши. Но как только он собрался спускаться, Элмер сказал ему в спину.

– Ты странный. Если ты так сильно беспокоишься о том, не плохой ли ты человек... значит, ты хороший.

– Всё не так просто.

– Чес, ты просто вырос, вот и всё. Ты не изменился. Ты просто узнал и светлую и темную стороны мира. Это хорошо. И если ты всё ещё думаешь, что слишком изменился... то ты можешь измениться снова. Как замерзшая вода может снова растаять, люди тоже могут, если захотят.

Элмер застенчиво почесал голову и засмеялся.

– Если хочешь снова растаять, просто окружи себя теплом. Даже если не можешь заставить себя принять доброту, по крайней мере, ты можешь признать её, правда?

– Я не знаю, как ты можешь спокойно это говорить. Какая тебе разница, изменяюсь я или нет?

– Я уже сказал. Ты выглядишь лучше, когда улыбаешься, как ребенок. Не только ты. Большинство людей на планете рождены, чтобы лучше выглядеть с улыбкой. Так что, если ты хочешь улыбаться, я помогу, чем смогу. О, хотя я попрошу тебя не просить меня никого убивать или умирать самому.

Чес остановился и оглянулся с каменным лицом.

– Значит если я скажу тебе прыгнуть с крыши, ты прыгнешь? Это же тебя не убьет.

Элмер не ответил.

– Ты не должен так легко раздавать обеща...

Закончить он не смог.

– Ладно, заметано. Вот.

– Э?

С нелепым и нерешительным криком Элмер исчез.

Чес понял, что случилось, только когда снизу донесся глухой звук удара о землю.

И через секунду – гомон, когда Майза со товарищи выбежали узнать, что произошло.

– Элмер? Элмер, очнись!

– Что? Ты собираешься тут изображать труп?

– Хмм, как удачно. Надо связать его, пока он не очнулся...

Чес уставился в звездное небо, слушая голоса внизу. Нечитаемое выражение мелькнуло на его лице под тихое бормотание.

– Прости, Элмер... Я ценю усилия, но улыбка не появится...

Глава 3

~ Эмоция: «Радость» ~

CHAPTER 3

KIDO AIRAKU: JOY
Sylvie Lumiere

Следующий день Канун Рождества

В центре столовой – самой большой комнаты замка – стоял длинный обеденный стол, вокруг которого собрались пятеро бессмертных. Вместо угощений красовались выстроенные в линию пять стаканов с водой. Разные рождественские украшения висели на стенах, а установленные на столе свечи заливали комнату волшебным сиянием.

– Счастливиинивого Рождествааа! – звенели в залах неестественные от перевозбуждения поздравления.

Их произносил связанный по рукам и ногам парень во главе стола, вокруг которого расселись Майза и остальные. Схваченный среди ночи, хозяин замка провел время до утра пристегнутым к креслу. Но, стоило ему проснуться, как он тут же начал раздавать приказания, чтобы придать внутренностям замка вид, подходящий рождественскому настроению.

Про себя гости удивлялись, почему должны это делать, но, как только живущие в замке девушки безмолвно приступили к работе, не осталось иного выбора, кроме как закатать рукава и помогать.

– Веселого Рождества, засранец, – фыркнув, устало проворчала Сильви. – Не могу поверить, что ты действительно прыгнул с крыши, когда Чес тебя нашел... Тебе не кажется, что это высшая степень глупости, даже для бессмертного?

– У глупости нет степеней! Можно сказать, что любая вещь, выходящая за рамки, тоже...

– Я заявляю: я не хочу это слышать.

– Ой, да ладно!

Пока Элмер добродушно препирался с товарищами, Чес молчал. В конце концов, Элмер не открыл остальным подробности их разговора, дав понять, что сам решил прыгнуть. Чесу показалось, что Элмер прикрывает его грешки, и он даже подумывал, не рассказать ли остальным, что случилось. Но, пока он сидел в нерешительности, ситуация развивалась без него.

– Неважно из-за чего именно ты упал с крыши, всё нормально, пока вы с Чесом знаете, в чем дело.

Кажется, Майза заметил, что между ними что-то произошло, но не желал вмешиваться. Да и Нил с Сильви, если подумать, не соизволили спросить, что же случилось на крыше.

Возможно, все они уже поняли и просто защищали его, делая вид, что не обращают внимания.

...Но это лезет в мои дела сильнее всего прочего.

Но Чес сам не рвался убеждаться и поэтому держал рот на замке. Он молча вспоминал, что случилось глубокой ночью. И мог думать только о своей правой руке на голове Элмера.

...Кому ещё я могу настолько доверять?

Вопрос возник в его мозгу внезапно, и Чес покачал головой. Если бы это был Майза... или Айзек и Мирия, его новые друзья из Нью-Йорка, или Эннис, женщина, которая приняла его и вела себя с ним как старшая сестра – им бы он позволил положить руку себе на голову. Но самому подставить голову, добровольно... нет, тут и говорить нечего.

Но, возвращаясь к исходной теме, – как Элмер сумел поступить так, как поступил, с человеком, которого три века не видел? Чес боролся с этим всю ночь. Легко было бы решить, что Элмер – простак, но его аура всегда отличалась от остальных. Например, попроси он, и Айзек, и Мирия – парочка придурков из Нью-Йорка – несомненно бы улыбнулись и подставили лбы, безо всяких задних мыслей веря ему.

Но человек, известный как Элмер, был бесконечно расчетлив. Он хотел заставить людей улыбаться, не по складу характера, но держа в уме четко

просчитанную цель. Расчеты могли быть ошибочны, но тем не менее Чес был совершенно зачарован.

Что же его заставило, что не дало Чесу даже подумать о поглощении Элмера?

Пока он сражался с этими вопросами, к нему внезапно обратился Элмер:

– Не грусти, Чес. Я говорю, что сейчас время улыбкам править миром. Другими словами, э, смерть хмурым взглядам! Вспомни короля демонов из мультиков, который захватывает мир. Он скалится от уха до уха, верно? Он улыбается не потому, что завоевывает мир – парень получил мир, потому что улыбался. Поэтому мы сейчас должны улыбнуться раньше него, и поделиться пищей с голодающими всего мира, чтобы они тоже смогли улыбнуться...

...А может, лучше и не понимать его.

Чес отчаялся, а Нил высокомерно обернулся и прервал травлю:

– Элмер, сейчас не время читать одну из твоих проповедей. К тому же, для горожан ты как раз король-демон. Я заявляю: ты должен сдержать обещание. Теперь говори.

– Элмер, Нил прав. Когда мы вчера спросили одну из девушек, она сказала, что её выкрали из городка как живую жертву. Она не захотела вдаваться в подробности, но... что происходит? Непохоже, что ты проявляешь жестокость, но посмотрим по твоим ответам, насколько серьезными будут последствия.

Усмешка на секунду исчезла с лица Майзы, но Элмер только рассмеялся под пристальным взглядом.

– Э? Выкрали? Ты не думаешь, что это плохо звучит? Горожане всего-то предложили их, когда я попросил живых жертв.

– Это то же самое.

– Нет, не то же. Видишь ли...

Элмер дернул головой, будто говоря, что это длинная история, и со вздохом принялся объяснять, что случилось.

Рассказывать о том, как в городке появился демон.

– Так, откуда же мне начать... Точно. Всё началось, когда меня убили в городе.

Декабрь, три года назад

Когда Элмер обнаружил поселок, перед ним предстала молоденькая девушка.

Её униженное до раболепия поведение возбудило его любопытство, но он решил пока отложить его и позволить ей показать окрестности.

Сами горожане к нему не вышли – дома оставались тихими, а двери закрытыми. Но с него упрямо не сводили множество глаз из-за темных окон.

– Дорогая, ой-ой-ой. Я спиной чувствую голодные взгляды диких зверей. Это ужасно. Не это ли подразумевают, говоря о тяготах популярности? А,

может, меня собираются похитить инопланетяне... Как думаешь, популярность среди пришельцев означает, что я вселенски привлекателен?

Болтая об ерунде, Элмер следом за девушкой пробрался к хижине, одиноко стоящей на окраине поселка.

– Вау, это оно? Серьезно?

Эту древнюю хибару ни в каком смысле нельзя было назвать «хорошей». Судя по виду, следующий же приличный снегопад окончательно разрушит здание. Одна из дверных створок совсем отвалилась и, в сочетании с разбитыми окнами, вряд ли вообще защищала от холода.

– ...я думаю, в этом есть смысл. Непохоже, что здесь кто-то живет... Нет, прости, если я показался неблагодарным. Ты всё-таки пыталась помочь, и я действительно говорил, что мне с головой хватит убежища от ветра и дождя... Да, думаю, стоит остаться здесь в знак уважения к твоей заботе. Я отплачу тебе завтра: расскажу всё-всё про Рождество, так что просто жди!

С этими словами Элмер попытался распрощаться в девчонкой, но она почему-то направилась за ним внутрь.

– Ммм? Ах, всё в порядке. Я тут и один справлюсь, так что можешь идти домой, – с улыбкой сказал Элмер, но девочка с тенью неуверенности ответила:

– Это... мой дом.

– А?..

С застывшей на губах усмешкой мужчина еще раз оглядел темное помещение.

И улыбка медленно сползла с его лица.

В лачуге, которая даже с огромной натяжкой не могла назваться пригодной для проживания, сидели, уставившись на него, несколько девочек.

Одеты они были очень бедно и все, как одна, демонстрировали абсолютное отсутствие эмоций. К тому же, выглядели девочки очень похоже, будто сестры.

Элмер остановился, ошеломленный, потому одна из девчонок – та, которая привела его сюда, – осторожно открыла рот.

– Я думаю... еще один человек как-то влезет... а если будет слишком тесно, я могу спать снаружи...

Настоящее время

– Нет, поймите меня! Я был совершенно ошарашен. Будь это стайка красоток – я был бы вне себя от счастья, найдя такой гарем. Но неужели вы думаете, что я способен посягнуть на девочек, которым по виду не дашь больше пятнадцати? Говорят, такое популярно в японских комиксах – но в реальной жизни весьма шокирует!

Элмер, всё ещё привязанный к стулу, продолжал болтать о прошлом. Рассказ казался неправдоподобным, но Майза и остальные уже видели девочек, настолько похожих друг на друга, потому решили слушать дальше.

– Так что ты сделал потом?

– Ах, да. Для себя я решил, что они сестры, потерявшие родителей, или их запугивают деревенские парни, так что я держался подальше от этой темы. На следующий день я прошелся по деревне, но ни один из жителей не показался. Я знал, что они наблюдают издали, но, когда я попробовал подойти и поговорить с ними, они все разбежались. В общем, я просто решил плюнуть на них и поискать для девочек местечко получше, чем их дом. И нашел этот замок. Я слышал, деревенские не ходят сюда – считают, что здесь живет монстр, но, осмотревшись, я ничего не нашел. Так что я немного расчистил это место, и сейчас мы живем здесь вместе.

– Это можно понять. Но почему тебя самого здесь считают монстром?

Элмер развязно ухмыльнулся.

– Мне просто хотелось немного приукрасить это место к Рождеству – это же настоящий заснеженный замок, понимаете? Девочки меня выручили, так что мы успели преобразить всё буквально за ночь. Не было, правда, ни цветной бумаги, ни чего-нибудь еще, так что мы использовали палки и камни, но... В общем, в любом случае, местные жители примчались на следующий день – как раз на Рождество. Я подумал, что они наконец-то решили выйти на контакт. Понимаете, я ожидал чего-то вроде небольшой рождественской вечеринки, чтобы со всеми подружиться, – а они все держали в руках оружие! И требовали, чтобы я немедленно покинул деревню! Я пытался защитить девочек, но столкнувшись с серпами и мотыгами, понял, что их в дюжину раз больше. Что за ужасная ситуация!.. Ну как? Уже подпрыгиваете на стульях?

– Пожалуйста, скажи, что ты нас не разыгрываешь?

– Вы так смотрите, будто я заправский враль! Нет-нет, я говорю правду, честно... Ну, ладно, короче говоря – я умер.

Глаза Сильви удивленно округлились.

– Что... Как?!

– Я немного поплакался им, и здешний мэр, Дез, внезапно решил здорово треснуть меня по голове. И не только это...

– Они видели твою регенерацию, – тихо закончил вместо Элмера Майза.

Должно быть, он оказался прав, потому что Альбатросс отвел взгляд.

– Когда я пришел в сознание, в моем сердце торчал деревянный кол. Вы просто не представляете, насколько это больно. Честно, мне даже немного жаль вампиров!

– Я понимаю. Сердце болит сильнее всего остального, – внезапно произнес Чес, вспомнив что-то, и вздрогнул, будто окунулся в холодную воду.

– Ну... как только я вытащил его – тут же оправился, и... так как в итоге никто не умер, я решил исправить любые недоразумения между нами. И направился обратно в деревню.

– Что?!

– Здешние жители выглядели так, будто испугались собственных шуточек. Не могу вам передать, насколько это было забавно. Торговка фруктами на главной улице упала замертво, едва заметив меня... В конце концов жители снова меня окружили, но на сей раз сожгли заживо. Я убежал на последнем издыхании, весь в огне, и кинулся в сугроб. Пламя погасло, но тело покатило дальше, и в итоге меня облепило снегом. Но, так или иначе, снег меня спрятал, поэтому, полагаю, трюк сработал.

Повисло молчание.

– Наутро встало солнце и осветило сугроб. Когда снег растаял, и сознание вернулось, я заметил, что нижняя часть тела совсем заледенела! Возвращение в замок заняло целый день, но, так как никто не умер, я решил исправить любые недоразумения между собой и жителями и на следующий день направился обратно в деревню.

– Но... – Сильви внезапно прервала его, будто желая о чем-то спросить, но Элмер проигнорировал её и продолжил.

– Здешние жители выглядели так, будто испугались собственных шуточек. Не могу вам передать, насколько это было забавно. Торговка фруктами на главной улице убежала с воплями, едва заметив меня... В конце концов, жители снова меня окружили, связали и бросили в реку. Ах... выбравшись, в конце концов, на берег, я пошел через лес обратно в деревню. Так как в итоге никто не умер, я решил исправить любые недоразумения и...

Возможно, почувствовав атмосферу вокруг, Альбатросс вздохнул и предусмотрительно прервался.

– В любом случае, я продолжал ходить туда день за днем.

– Я заявляю: ты идиот.

– Не издевайся так надо мной, Нил. Я думал, что, если буду снова и снова приходить с улыбкой, неважно, сколько раз меня убивали, то рано или поздно они поймут, что я не хочу им вредить.

– На твоём месте я бы немедленно уехал.

Нил высказал очевидный ход мыслей, но Элмер лишь спокойно покачал головой.

– Видишь ли, я не добился своей цели... Ммм, думаю, я объясню позже. В любом случае, я собирался придерживаться плана... но потом увидел девочку, которая в первый день показала мне дорогу к своему дому, с огромным синяком на лице... А когда я спросил, в чем дело, она сказала, что её ударил мэр. Ну, это меня всерьез рассердило... так что я решил сыграть с горожанами пару шуток. Когда я показал им пару трюков, которые выучил

ещё в те времена, когда дурил людей алхимией, она начали относиться ко мне совершенно по-другому, как к королю-демону или что-то вроде.

До сих пор Сильвия молчала, но теперь, наконец, решила высказаться.

– Нда... люди в этой деревне тоже ненормальные. Ты даже не думал о том, чтобы навредить им, но они продолжают видеть в тебе врага...

– Здесь нет ничего ненормального. Говорят, в Европе во времена охоты на ведьм было даже хуже. Это правда, что тогда были и инквизиторы, готовые сделать что угодно за деньги, и другие, которые обвиняли в ведьмовстве лишь для того, чтобы насладиться чужой болью, но поведение обычных людей было ничуть не лучше.

Несмотря на совсем несмешную тему разговора, Элмер расхохотался.

– Вы, ребят, не понимаете, насколько страшными могут быть обычные люди. Просто не замечаете ужаса, который может вызвать любой Джо Блогс⁵ с улицы.

Улыбка мужчины становилась все шире, пока он вспоминал вещи, через которые ему пришлось пройти.

– Люди, поглощенные собственной жадностью, становятся варварами. Но большинство может себя контролировать. Те самые, которых мы зовем «нормальными людьми». Но знаете, что даже сильнее, чем жадность, может вызвать такую же первобытную реакцию? Я отвечу. Это страх.

– Хмм, не могу сказать, что полностью разобрался, но я понимаю, – кивнул мужчина в маске, и Элмер тихо склонил голову в ответ.

– Люди используют свой страх, чтобы оправдать применение силы. Чтобы защититься. Это позволено любому в толпе перепуганных людей. Хотя должен сказать, что оказаться по ту сторону довольно неприятно, ха-ха-ха.

Элмер на секунду остановился, и, отдышавшись, продолжил историю в совершенно ином направлении:

– Так что давайте сменим тему. Я попросил деревенских приносить мне живую жертву каждый год. Это была шутка, конечно, но люди, должно быть, приняли её всерьез, потому что они правда отдавали мне по девочке каждый год. Мне пришлось просить еще и о еде для того, чтобы их прокормить. Хотя я думаю, что это справедливо, принимая во внимание все издевательства горожан над девочками.

– Еда это одно, но проблема остается. Сейчас мы проигнорируем и вопрос твоих шуточек. Всё, что мы хотим знать, это природу этих девочек...

Как только Майза перешел к сути дела, тело Элмера издало несколько щелчков.

И пока остальные смотрели широко распахнутыми глазами...

– К слову о шуточках, я показывал им что-то вроде этого, муа-ха-ха-ха-ха!

⁵ Джо Блоггс – английский вариант Джона Доу. Русская версия – Иванов или Вася Пупкин

Из тела Элмера внезапно повалил дым.

Элмер отшатнулся назад и, по-прежнему смеясь, исчез за дымовой завесой. Нил торопливо схватился за подлокотник кресла, но там остались только ослабевшие веревки и газовый баллончик.

– А что за звук мы только что...

– Ну, похоже он вывихнул себе суставы. Ммм... какой непредсказуемый человек.

Голос Элмера раздался с потолка, будто издеваясь над ними четырьмя:

– Не волнуйтесь! Даже если вы не сможете меня поймать... Февраль! Всё откроется в феврале, так что...

Утро, 26-е декабря, 2001

Старый замок

Небо было ясным и пронзительно синим, воздух – холодным и резким.

Замок не выглядел большим снаружи, но, находясь внутри, Сильви быстро осознала его настоящий размер. Держа в руке новогоднее украшение, она оглядывалась по сторонам и тяжело вздыхала.

– В любом случае, что же должно случиться в феврале?

Это значило, что следующие тридцать пять дней ей придется провести в этом замке: жестокое наказание для женщины, всегда наслаждавшейся плодами цивилизации.

Сколько лет прошло с тех пор, как она была где-то, где нет душа, телевизора и хотя бы парочки магазинов?

Теперь же, если задуматься, с тех пор, как они вошли в лес, странные вещи случались одна за другой. Изолированный городок. Девчонки на лошадях. Странно построенный замок. Старый друг, который теперь правит, как демон. И горожане, которые неестественно сильно его боятся.

В сравнении с прошлым годом, когда она отмечала конец первого года двадцать первого века, эта деревня смотрелась, как выдуманный мир из книги или фильма.

– Честное слово... такое ощущение, будто это место застряло во времени сто лет назад... нет, даже раньше, – пробормотала себе Сильви, еще раз взглянув на гирлянду в руке.

Приготовленные Элмером изысканные украшения воссоздавали новогодние традиции со всего света. Их развешивали там, где говорили девочки: они передавали требования Элмера так, будто постоянно находились с ним на связи.

Но девочки не склонны были говорить о себе. В первую же ночь пребывания в замке гостей Майза предложил им, если хотят, вернуться в деревню – он бы объяснил ситуацию Элмеру – но они лишь покачали головами.

Если подумать, мы даже не знаем их имен.

Поняв, что не знает даже, как зовут девочек, бок о бок с которыми прожила месяц, Сильви решила с ними сблизиться. Она тут же захотела с ними поговорить, но возможности пока не выпадало.

И вот однажды, когда она, охваченная странным чувством потери, собиралась в одиночестве встретить полдень, представился неожиданный случай.

– Эмм... Господин Элмер сказал, что если кипяченая речная вода подойдет, он может приготовить ванну для вас...

Кто-то внезапно заговорил с Сильви, стоявшей в дверях и изучающей японские кадомацу⁶. Она обернулась и увидела одну из «жертвенных» девочек, которая стояла в луче света из открытого окна и неуверенно оглядывалась.

– Передай ему, пусть придет и скажет сам.

– Ах, да... прошу прощения...

– За что ты извиняешься? И тебе не обязательно звать кого-то вроде Элмера «господином», да и других людей тоже.

Сильви тепло улыбнулась, подошла ближе и пригнулась, чтобы оказаться на уровне глаз девочки. Чуть склонив голову к плечу, она сказала:

– Я Сильви. Сильви Люмьер. Если ты не против, можешь сказать своё имя?

Девочка выглядела немного удивленной, но улыбка Сильви, кажется, успокоила её: она нерешительно произнесла:

– Я... Меня зовут Фил.

– Правда? Спасибо, Фил! Знаешь, ты не обязана обращаться ко мне на «вы». Называй меня просто Сильви.

Внезапно Сильви кое-что поняла. Надо было это заметить ещё в момент первой встречи с Фил, но тогда её слишком отвлекла странная атмосфера городка в целом.

– Ты... говоришь по-английски?

– Д-да. Господин Элмер когда-то сказал, что это может мне пригодиться...

Сильви внимательно слушала. Несмотря на то, что акцент Фил был немного специфическим, понимать её было несложно. Элмер явно учил их с определенной целью.

– Он же не пытался тайно вас отсюда похитить, правда?

Но едва договорив, она поняла, что если Элмер говорил правду, то велика вероятность, что девочек в городке оскорбляли. В таком случае, увезти их отсюда – не обязательно плохо.

– Думаю, это вам, девочкам, решать.

– Простите?

⁶ Кадомацу — новогоднее украшение в Японии, изготавливается обычно из сосны, бамбука, папоротника и других предметов, перевязанных соломенной верёвкой. Выставляется на улице перед входом в дом или квартиру. Считается приветствием божеству Нового года и его временным пристанищем

– Ах, эмм, ничего. Просто мысли вслух.

Сильви спокойно наклонила голову в сторону и взглянула на Фил.

Девочка избежала её взгляда, неуверенная в том, куда следует смотреть... и скоро, пробормотав «Простите», она попробовала уйти. Но Сильви пошла рядом, приспособливаясь к шагу Фил.

– Эммм... что...

– Это связь, не так ли? Я хочу узнать о тебе немного больше. Как насчет небольшой прогулки во внутреннем дворе?

Девочка остановилась и безмолвно застыла. Движений было неестественно мало для обычной нерешительности, но скоро она подняла голову и взглянула на Сильви без всякого выражения.

– Хорошо. Господин Элмер только что разрешил мне.

...только что?

Не в состоянии понять, о чем говорит Фил, Сильви на мгновение заволновалась, но решила, что девочка, наверно, ошиблась в грамматике из-за недостаточного понимания языка, и выбросила это из головы.

Вряд ли она знала, что странное утверждение фактически проявило истинную природу Фил...

Несколько часов спустя

Дом мэра

– Я скоро вернусь, отец, – произнес сын мэра, едва солнце выглянуло с южной стороны деревни.

– Делай, что хочешь, – грубо ответил Дез. На столе перед ним лежали остатки завтрака и стоял стакан с водой.

В доме старосты было и несколько больших шишек со вчерашнего собрания. Они только назывались «шишками», на самом деле не занимая никаких должностей: просто их мнения имели гораздо больший вес, нежели слова простых жителей.

В отличие от мэра, эти люди с явным беспокойством смотрели на Фелта, шагнувшего к двери. Когда он уже взялся за дверную ручку, один из мужчин – на вид самый старший из них – внезапно заговорил:

– Ты действительно решился идти?

– Если мы пойдем все вместе, то только насторожим их. А мы всего лишь хотим посмотреть, чем они занимаются, так что лучше я пойду шпионить в одиночку.

– Но всё равно, ты же сын мэра. Ты не должен этим заниматься.

– Если не я, то кто же? Никто другой добровольно не пойдет. И раз уж я сын мэра, то смогу хотя бы попробовать договориться, если меня поймают.

– Да, это правда, что ты храбрее нас...

– Отпустите его, – внезапно сказал со своего места Дез, отгоняя тревоги горожан.

– Вовсе необязательно было это говорить!

– Единственная причина, по которой твой сын уходит, – ты сам неспособен...

Все люди в комнате протестуя повысили голос, но ответ мэра был холодным и кратким.

– Так почему вы сами не пошли?

– Нуу...

– Достаточно, отец, – сказал Фелт и вышел из дома на мороз.

Бормоча себе под нос и косясь на Деза, горожане последовали за ним.

– Какой хороший юноша...

– С тех пор, как умерла его жена, он стал совсем другим человеком...

– Без сына даже тарелку помыть неспособен...

– Мне жаль юного Фелта...

Дез опрокинул стакан воды и фыркнул, игнорируя глумливые комментарии горожан.

– Пффф.

Убедившись, что остался один, Дез позволил себе хитрую усмешку. Расфокусированным взглядом он смотрел в потолок и ухмылялся.

Выражение его лица и крайне безучастная и лишенная чувства улыбка заставили бы любого наблюдателя замереть от ужаса или отшатнуться от отвращения.

То есть, любого, кроме некоего любителя улыбок, которого жители поселка боялись, как демона.

* * *

Утро

Сегодня будет очень насыщенный день.

Я этого ожидала.

Я должна снять рождественские украшения и начать подготовку к празднованию Нового Года.

Но сегодня всё не так. Здесь люди.

Люди «извне» леса. Я думаю, они старые друзья Господина Элмера.

Они хорошо ко мне относятся. И сначала это было больно.

Но сейчас всё слегка по-другому. Потому что я решила надеяться, что, возможно, я смогу уехать вместе с ними.

Может быть, моё желание предаст меня. Но до тех пор я, по крайней мере, смогу держаться за мечту.

Я привыкла к боли. Даже если они уедут из леса, это будет всего лишь возвращением в обычное состояние. Первые дни, неизменные дни. Дни, когда я жила лишённая надежды и мечты, погрязая в трясине забвения до тех пор, пока шаг за шагом не потеряла даже способность мыслить...

Я прекращаю размышлять, моё настроение портится.

Я решаю полностью сосредоточиться на подготовке к Новому Году.

Эти кадомацу мы использовали и в прошлом году... Кажется, обычно их полагается делать из растений под названиями «бамбук» и «сосна», но в этой стране такие не растут. Господин Элмер сказал, что однажды покажет мне настоящие, но, наверно, это невозможно.

В моем разуме оживают самые старые воспоминания.

Место, которое не здесь, – больше похоже на окрестности того, где я «возрождаюсь» снова и снова.

В комнате, стены и потолок которой не каменные и не деревянные, меня гладит по голове человек.

– ...Тот лес – твоя бутылка и твоя колба, – говорит он. – Вы существа, которые не могут жить снаружи...

Ах, теперь я наконец мучительно понимаю, что он подразумевал.

Неважно, как много я мечтаю, как сильно я желаю, в итоге мы...

– Привет, – внезапно раздаётся знакомый голос, и я оборачиваюсь.

Передо мной у хижины на окраине поселка стоит Господин Фелт.

– Ах..

– Я собираюсь сейчас отправиться в замок, – говорит он и бесстрастно смотрит мне в глаза.

– Что мне делать? Для тебя товарищи демона это...

Он обрывает себя на полуслове и опускает взгляд.

– Прости, ничего такого.

Возможно, Господин Фелт заметил, что я ошеломлена, потому что он спрятал лицо в ладонях и, отвернувшись, заговорил:

– Всё в порядке. Я мог бы повторить то, что сказал позавчера, но... Я прослежу, чтобы ты не стала живой жертвой.

– А...

Я теряюсь ещё сильнее. О чем вообще говорит этот парень?

– До сих пор мы поджимали хвост и выполняли приказы демона, но я тебе говорю, мы собираемся изгнать его из леса до февраля – до того, как тебя предложат в жертву. И тогда, ну... Сейчас я не могу ничего сделать из-за отца, но как только мы избавимся от демона, полагаю, я наберусь храбрости. И приложу все усилия, чтобы горожане больше тебя не мучали.

Господин Фелт кивает, его глаза полны убежденности. А я недоумеваю, что делать.

Под демоном он подразумевает Господина Элмера и его друзей. Если их вынудят уехать, мое желание мгновенно станет невыполнимым. Но только что сказанных слов Господина Фелта более чем достаточно, чтобы заменить мечту.

– Увидимся, – говорит Господин Фелт и уходит.

... Что мне делать? Просто дожидаться развязки, плывя по течению? Или сделать свой ход? Если так, то что я должна попытаться сделать?

Ах, сомнения гложут мой мозг. Если бы, если бы, вот сейчас... Если бы Господин Фелт улыбнулся хотя бы краешком губ, если бы подарил мне

бескорыстную улыбку, как у Господина Элмера, то, может быть, я бы сумела найти в этом поселке капельку надежды.

Оправдываясь подобными бесполезными мыслями, я понимаю, что снова решила позволить этому потоку увлечь себя.

Но честно говоря... я тоже хочу улыбаться.

Прямо сейчас я не могу искренне улыбаться. Я не могу даже выдавить фальшивую улыбку, потому что это будет предательством Господина Элмера. Я не могу даже одурачить саму себя.

И снова я прекращаю размышлять и сосредотачиваюсь только на кадомацу у входа в замок.

Полдень

Замковый сад

Сильви и Фил гуляли, наслаждаясь компанией друг друга под необыкновенно ясным синим небом. Солнце светило ослепительно ярко, но здесь все еще была зима – будто в доказательство этому, их дыхание появлялось белым паром в холодном воздухе.

Сад неплохо сохранился – возможно, благодаря Элмеру – и грязная, протоптанная дорожка вела от главных ворот прямо в замок.

Во время прогулки Сильви задавала Фил множество вопросов. Она хотела узнать немного больше про саму Фил и про цели Элмера, но все её усилия оказались безрезультатными. Кажется, Фил совершенно не желала говорить о себе и на все вопросы отвечала либо неловкой гримасой и склоненной головой, либо коротким «Простите, я не знаю». Было больше похоже на то, что она сама совершенно не знала, кто она такая, нежели на нежелание отвечать.

Сильви не хотела, чтобы девушка чувствовала себя, как на допросе, поэтому она попыталась болтать о пустяках, но Фил отказывалась вести разговор.

За всю беседу Фил только раз, ближе к концу прогулки, сказала нечто, засевшее у Сильви в мозгу.

Когда Сильви заговорила о других девушках, живущих в замке.

– Точно. Другие девочки... Они все очень похожи на тебя. Вы сестры?

Сильви упомянула это мимоходом, но, услышав вопрос, Фил внезапно растерялась сильнее всего за целый день. Она помолчала, словно обдумывая, что сказать, и тихо произнесла:

– Эм... Я не уверена, но... я одна живу в замке.

– Что?..

Что бы это могло значить? Смущенная Сильви задумалась... но её внезапно прервали.

В углу сада двигалась маленькая тень.

Но Сильви не стала всматриваться, а привычно улыбнулась девушке и промурлыкала ей на ухо:

– Ветер усиливается, Фил. Не возражаешь, если мы пойдем внутрь?
– Нет, – послушно согласилась Фил, наверно, даже не заметив тень.
Они вернулись в замок, не оглядываясь на сад.
Оставляя тень позади на холодном ветру.

* * *

– Хм, кажется где-то здесь должен быть вход в подземный туннель.
– Похоже на какой-то потайной ход. Не ожидал встретить подобное в этом замке.

Нил и Майза тщательно обыскивали замок и обнаружили лестницу в том, что казалось кабинетом. Хотя на самом деле это сложно было назвать «кабинетом» – маленькая комнатка, заполненная книжными полками, но сами книги почти все сгнили. Зато благодаря этому легко нашелся механизм,двигающий полки.

– Давай спустимся.

– Секундочку. Сначала давай глянем, что тут за книги.

Майза придержал Нила и потянулся к немногим уцелевшим документам. Эти тоже почти развалились от старости, но они сумели разобрать буквы на страницах... и переглянулись.

– ...Выглядят очень знакомо.

– Я заявляю: согласен.

Казалось, что Майзе попалась случайная книга... но нет. Он прочел надписи на других обложках и уверенно высказался:

– Большинство здешних книг... написаны на тему алхимии. В частности...

После слов Майзы глаза Нила, спрятанные в глубинах маски, тихо засияли.

* * *

«Меня заметили...»

В тени парка Фелт затаил дыхание, потирая взмокшие ладони.

Он сумел проскользнуть в сад незамеченным, потому что главные ворота стояли нараспашку, но тут же наткнулся на одну из девушек, отданных как живая жертва. Она гуляла по саду в компании чужестранки, недавно приехавшей в поселок.

Он спрятался за ближайшим к воротам деревом, а парочка медленно приближалась, поглощенная беседой. Фелт решил, что если он останется на месте – его обнаружат, и бросился к другому дереву в углу сада, как только девушки отвернулись.

Но когда он высунул голову, чтобы посмотреть, что происходит, они остановились и, обменявшись парой слов, развернулись и отправились в замок.

Может быть, они заметили его и собирались сообщить остальным.

Встревоженный Фелт стоял как вкопанный и ждал, что будет.

– Скажем так... – бормотал он под нос, изучая из укрытия замок. – По сравнению с прошлым годом, тут стало куда симпатичнее...

На каждом окне висели странные гирлянды, в основном раскрашенные в красный и белый. Цвета совершенно не сочетались с каменной кладкой, заставляя замок выглядеть ещё более нелепым. Но горожан эта странность скорее пугала.

У входа стояли две скульптуры из лесных деревьев. Две палки срезали под углом и воткнули в землю, а сверху привязали хвою. Это напоминало оружие, какую-то ловушку или даже шаманский тотем и наполняло сердце Фелта странным волнением.

Напрягшись до предела всем телом, он сглотнул.

– Привет, – внезапно раздался голос.

От шока парень похолодел.

Потные ладони моментально высохли, дыхание перехватило, и он понял, что неспособен даже повернуться.

Его разум, в любой момент готовый взорваться, заметался в панике, но тело не слушалось приказов. Будто внезапное потрясение оборвало связь между сознанием и телом.

За спиной парализованного Фелта звучал голос, способный развеять его опасения. Звонкие ноты тепло обнимали его плечи.

– Тебе не холодно здесь стоять? Почему бы не зайти внутрь и не выпить чаю?

Наконец Фелт собрался с духом и медленно оглянулся.

Позади него с нежной и приветливой улыбкой стояла прекрасная незнакомка, которая только что ушла в замок.

Гостиная замка

Алое пламя камина слабо освещало удивленное лицо Фелта.

Напротив него за столом сидели Сильви и Чес. Они пытались позвать и Майзу с Нилом, но, как ни старались, не смогли их найти. Думали поискать ещё немного, но решили, что Фелт почувствует слишком большое давление, если их будет четверо, и поэтому сейчас только Сильви и Чес слушали историю парня.

– Мм, с чего начать? Я Сильви, а это – Чес. Приятно познакомиться.

– А, а... Ну, э, меня зовут Фелт Нибиль.

Даже застигнутый врасплох, Фелт решил говорить правду и назвал своё имя. Он боялся, что в худшем случае провалит переговоры и попадет в темницу, но даже в самых невероятных мечтах не представлял, что его пригласят в гостиную и дружелюбно представятся.

– Ты пришел выслеживать нас? – презрительно усмехнулся мальчик, сидящий возле Сильви.

Пойманный на горячем Фелт повесил голову, не находя оправданий.

– Полегче, Чес. Это наш гость, нельзя с ним так разговаривать.

– Но...

– Да ладно. Не кривись. Твоему милому личику это не идет.

Сильви весело засмеялась, когда пунцовый Чес, закрыв рот, издал придушенный звук. Фелт, однако, ничего не понял, потому что они говорили по-английски.

– Извини, не волнуйся. А, всё в порядке. Из нас только Нил, парень в маске, не понимает ваш язык, так что можешь рассказать нам всё, что захочешь.

Несмотря на успокаивающие слова Сильви, Фелт понял, что не может придумать, что сказать. Нельзя же вот так сразу приказать им убираться из поселка – а к обсуждению жертвенных девушек атмосфера как-то не располагала. Более того, переговоры нельзя вести в отсутствие демона Элмера.

И тут в мозгу Фелта всплыла другая идея. Возможно, эти двое такие же чудовища, как и Элмер.

Любопытство росло и росло, и Фелт, наконец, заговорил, пытаясь перехватить ведущую роль в разговоре.

– А... Что вас связывает... с тем, кого называют Элмером?

Хотя вопросы был весьма иносказательным, Сильви быстро поняла, что он подразумевал, и, лукаво улыбнувшись, сказала правду:

– В принципе, мы с мальчиком такие же, как Элмер. Полагаю, можно сказать, что мы бессмертны и почти моментально излечиваем любые раны... примерно так?

Ошеломленный таким будничным признанием Фелт пошатнулся от шока. Этого исхода он больше всего боялся, но голос Сильви был настолько приятен, что он заслушался и с трудом вникал в слова.

– Бессмертные... значит, что вы... злобные создания?

Фелт подавил растущее смятение и с трудом выдавил вопрос. Сильви же, напротив, ответила по-прежнему легко:

– Мы не злобные. Мы обычные люди, а не демоны. Хотя, полагаю, мы получили некоторую помощь от создания, которое считает себя демоном. О, верно. Раз мы уже подружались, может рассказать тебе подробнее?

– Подожди, разве мы можем себе позволить такие разоблачения?

Изумленный Чес попытался удержать Сильви, которая просто улыбнулась и кивнула.

– Всё нормально, нормально. Мы ничего не потеряем, если расскажем, а он сам пусть решает, верить нам или нет. А, и опять же, если он верит в «злобных созданий», то, думаю, ему не составит труда проглотить и эту историю.

Фелт распахнул глаза, словно эти слова что-то ему напомнили, и внезапно снова обрел дар речи.

– Точно... А что с «чудовищем» этого замка? Что случилось с чудовищем, которое должно было жить здесь до прихода Элмера?

Озадаченные прямым вопросом Фелта Сильви и Чес переглянулись.

– Чудовищем?

– Э? Вы... вы не знаете? Говорят, оно жило в замке десятки лет.

– Чудовище? Элмер не упоминал о нем... Даже о чем-то отдаленно похожем.

Долгую минуту Фелт молча смотрел Сильви прямо в глаза, а потом медленно и облегченно выдохнул.

– Ясно... Должно быть, просто слухи...

Он очень тихо, словно разговаривая сам с собой, закончил фразу, опустил голову и расслабился всем телом.

– Извините, что побеспокоил вас странным вопросом. Э... Мне на самом деле любопытно, кто вы такие...

Фелт добавил в голос бодрости и попытался сменить тему. Страх и ненависть мгновенно исчезли из его голоса. Сильви, вероятно расслабившись, мягко улыбнулась и начала выкладывать свою историю молодому горожанину.

– Хорошо. С чего бы начать? Всё началось триста лет назад...

Прошрое лилось с губ Сильви и оживало перед глазами двух мальчишек. Фелт, никогда не видевший внешнего мира, не мог его себе ярко представить, но к Чесу воспоминания возвращались ностальгическими картинками и звуками.

Перед ними разворачивались бесконечно прекрасные и в то же время бесконечно печальные сцены.

* * *

– Я заявляю: я ничего не вижу.

– Необязательно было сообщать. Сейчас, я включу свет...

По лестнице из кабинета Нил и Майза спустились под землю. Разумеется, в тоннеле не было никаких лампочек – Майза поднял взятый из машины фонарь, с которым они обыскивали замок, и осветил округ.

Тоннель шел прямо от входа, и метрах в десяти от них каменная кладка заканчивалась, переходя в стены из плотно слежавшейся глины.

Они осторожно переглянулись и медленно двинулись вниз по тоннелю. И, пока спускались по холодному сквозному ходу, подытоживали всё, что знали о горожанах.

– Черт! Да что это за лес такой? Изолированный поселок, странный замок, девушки в жертву и все эти книжки... Ты уверен, что это просто чье-то частное владение?

– Да. Официально это место принадлежит богатому гражданину этой страны. Как я уже говорил Сильви и Чесу, я не сумел вовремя связаться с

владельцем. Кажется, он унаследовал эту землю от предков, но не похоже, чтобы сейчас он ею занимался.

– Значит, богатенький сопляк проматывает состояние предков. С таким количеством земли семья протянет ещё поколения три... а вот для четвертого наступят трудные времена.

Раз Нил хладнокровно предсказывал жизнь других людей, то и Майза заговорил серьезно, вспоминая настроения поселка.

– Но... В поселке я заметил некоторые вещи, которые, я уверен, в окрестностях не найти, вроде украшений, которые приготовил Элмер.

– Хм. И?

– И ещё меня беспокоит мэр. Он сказал мне: «Ты не корабейник». Логично предположить, что бензин и прочие товары первой необходимости они получают от этого торговца... Но если он существует, то откуда приходит?

– Действительно. Я сейчас понял, что это весьма странно.

Но Майза не закончил, а продолжил вываливать на Нила свои сомнения.

– Я просто не могу понять. Этот замок, этот поселок... Такую площадь может пропустить обзорное сканирование, но чувствительный спутник наблюдения несомненно с точностью её засечет... плюс ко всему аэросъемка сейчас стала обычным делом. Где-то должна быть общественная организация, которая всё знает о том, как используется эта земля.

– Хм, правда?

– Да, и более того, необычен сам факт, что такой обширной территорией владеет один человек. Эта страна не слишком одобряет такие вещи.

На участке из красноватой глины им, двум высоким мужчинам, пришлось идти пригнувшись. В тоннеле было настолько влажно, что они почти ожидали услышать капель с потолка, но все равно продолжали разговор, пренебрегая грязью, которая заляпывала одежду.

– Другими словами, кто-то дергает за ниточки.

– Было бы странно, если бы никто не дергал. 21-й век на дворе, а поселок полностью изолирован от внешнего мира. СМИ и правозащитные организации ни при каких обстоятельствах такого не допустили бы.

– А три века назад это не казалось странным.

– Сейчас тоже. Условия немного другие, но замечательные истории всегда подстраиваются под времена.

– На самом деле? Полагаю, ты прав. Я тут подумал... Майза, а ты пользуешься интернетом?

– Немного. Я же не сидел на месте последние тридцать лет, в конце концов. И более того... неловко признавать, но современная обстановка меня слегка пугает. Подумать только, все знания и опыт, которые мы копили триста лет, сейчас можно за день найти в интернете... Хотя я звонил домой, и похоже некоторые из наших очень им увлеклись.

– Из нас, думаю, Хью научился им пользоваться.

– Как только мы отсюда выберемся, Элмер, скорей всего, тоже купит себе компьютер.

Заполняя время болтовней, они двигались к концу тоннеля.

Где-то по пути глинистые стены снова сменились каменной кладкой. В тупике слева из стены торчали камни, образуя лестницу. Майза посветил на потолок и увидел квадратную дыру, прикрытую каменной заслонкой.

– Похоже, нам надо подниматься.

– Готов поспорить, мы на кладбище. Эти тоннели всегда ведут в такие места.

– Тогда я ставлю на то, что мы у колодца позади замка.

После шуточных предсказаний Нил взобрался по каменной лестнице и аккуратно сдвинул крышку. Вниз посыпались земля и гравий, и Майза машинально вскинул руки, чтобы блокировать удары.

Каменная заслонка сдвинулась, и между пальцев Майзы проникли тонкие лучики света.

Нил высунул голову наружу и осмотрелся в лунном свете. Потом окончательно убрал с дороги камень и удовлетворенно сказал:

– Я заявляю: я выиграл.

Они оказались на кладбище, окруженном множеством деревьев, и сквозь хвою виднелись далекие отсветы замковых огней. Вроде бы они не так долго шли, но оказались дальше, чем предполагали.

– Похоже, я проиграл, – подсадовал Майза, медленно поворачиваясь и осматриваясь.

На маленьком кладбище они не заметили ни ведущей сюда дорожки, ни огораживающих стен. Полдюжины надгробий еле виднелись из земли между деревьями, так что обычный турист прошел бы мимо и не заметил.

Большинство могил стояли безымянными, только на камне перед выходом из подземелья была вырезана загадочная фраза. Будто кто-то записал на архаичном диалекте местного языка изречение одного из поселян.

«Вы, не знавшие человечности, да обретете здесь покой».

По сравнению с самим камнем слова выглядели не такими обшарпанными. Похоже, их оставили, самое большее, несколько десятилетий назад.

Эпитафия обеспокоила Майзу, но Нил, не умея читать на местном языке, заметил кое-что другое. Он уложил каменную крышку на место и повернулся к Майзе.

– Я спрашиваю тебя, Майза. Ты тоже заметил?

На секунду Майза отвлекся, но быстро понял, о чем речь, и кивнул.

– Действительно... похоже не померещилось.

– Хмм...

Они почувствовали странное несоответствие, ещё идя по тоннелю.

В прямо проложенном коридоре не должно было быть ничего кроме камней и глины, но...

...Они чувствовали присутствие кого-то третьего.

Кого-то, не похожего на крота или летучую мышь, но, с другой стороны, отличающегося и от обычного человека. Они не могли себе представить его внешность, но инстинктивно, по самому воздуху, чувствовали, что рядом есть «нечто».

Будто на них со всех сторон давил чей-то взгляд. Именно поэтому они прилагали столько усилий для поддержания разговора всё время пути.

– Я заявляю: с нами тут точно есть «нечто».

– Может быть, какое-то злобное создание.

– Вряд ли.

– Должно быть, просто показалось.

– Ладно. Спишем на это.

Они быстро переглянулись, смущенно засмеялись и зашагали мимо деревьев в замок.

Всё ещё чувствуя леденящее присутствие чего-то, затаившегося под закрытой каменной крышкой.

* * *

– Так... Госпожа Сильви, вы только поэтому стали алхимиком?

– Ну, не совсем.

Сильви с остальными продолжали беседу в гостиной старого замка. Сначала Фелт стеснялся говорить, но вскоре его очаровало показанное ею «прошрое». А точнее, «внешний мир», о котором она говорила. Время от времени Сильви использовала непонятные слова, но как только он сообразил, что все они означают «снаружи», на него нахлынуло любопытство.

Может, она понимала его чувства, а может, и нет. Но улыбалась ему Сильви по-прежнему соблазнительно.

– Мой интерес к недостижимой мечте вроде «вечной красоты» возник из услышанной в детстве сказки. В сказках её желали ведьмы и злые королевы, но я подумала, что неплохо было бы хотя бы одному человеку в мире достичь этого абсурдного идеала.

Выражение глаз Сильви слегка изменилось. Только Чес, знавший её прошлое, заметил грусть, промелькнувшую в её глазах.

– Я поделилась со своим парнем, и он сказал: «Внешность – это ещё не всё». Он сказал, что любит меня такой, какая я есть. И... предложил выйти за него замуж и вечно жить вместе, если мы обретем бессмертие. Поэтому и родилась такая мысль. Я должна стать самой прекрасной женщиной в мире. А потом выйти за него замуж. Чтобы он гордился, что женат на самой

прекрасной женщине в мире. Глупо, правда? Поэтому... я не сразу выпила зелье бессмертия.

Словно загрузив, Сильви расфокусированным взглядом смотрела в никуда.

Наверное, что-то почувствовав, Фелт поколебался, прежде чем спросить:

– Э... так что с ним случилось?

– Ты знаешь мужчину в очках? Его зовут Майза.

Парень облегченно выдохнул. Сильви исполнила своё желание и по-прежнему счастливо жила вместе со своим возлюбленным.

Но её история ещё не закончилась.

– Он был младшим братом Майзы. Я уже рассказывала тебе про Сциларда, да? Сцилард съел его самым первым.

– А...

Сильви печально усмехнулась, лишая Фелта дара речи.

Но вскоре она снова соблазнительно улыбнулась и небрежно взмахнула рукой.

– О, прости, не волнуйся. Мм... давайте поговорим про что-нибудь другое.

Фелт помолчал секунду и медленно открыл рот.

– Этот вопрос может показаться немного глупым, но...

Он смущенно отвернулся и озвучил желаемое. Ужас, который он демонстрировал им раньше, сменился страстным любопытством.

– Расскажите мне... про внешний мир. Что это за место?.. Я хочу узнать... больше...

* * *

Я стою в тени у двери и подслушиваю их разговор.

Я знаю, что это неправильно, но не могу сдержать любопытство.

И я снова начинаю думать «а может быть».

Сначала казалось, что Господин Фелт опасается Госпожи Сильви, но теперь он выглядит очень счастливым. Господин Фелт всегда питал к нам с Господином Элмером меньше омерзения, чем остальные жители, но, судя по его нынешнему тону, не думаю, что он чувствует хоть какое-то отвращение к Госпоже Сильви.

Я... воображаю результат. Сколько десятилетий прошло с тех пор, как я занималась подобной бессмыслицей? Снова и снова я сочиняю идеальное будущее, и снова и снова меня предают.

Но сейчас, на этот раз, кажется, моё желание может исполниться.

До вчерашнего дня каждый раз, когда я пыталась нарисовать в голове будущее, меня атаковала боль.

Жестокость Господина Деза заставила меня помнить постоянную агонию.

Но сейчас всё по-другому. Я не знаю, что происходит, но... когда я думаю о лице Господина Фелта, я не помню боли, причиненной мне Господином Дезом.

Господин Фелт уговорит всех не бояться Господина Элмера, и тогда никто не пострадает, и...

...если поселок получит связь с внешним миром...

Как радостно это будет.

Я не могу покинуть городок. Но если снаружи придет больше людей похожих на Господина Элмера и поможет в развитии поселка, то для меня этого будет достаточно.

Я была рождена в бутылке и не смогу выжить вне колбы, которая лес.

Но я все равно желаю. Чтобы хотя бы капелька счастья добралась ко мне в поселок.

Мне негде жить, кроме этого городка, поэтому...

Я могу стремиться к счастью.

О, я помню. Я ясно помню. Эта эмоция называется радость.

В моих ли силах сделать то, что гарантирует, что поселок не исчезнет?

Если эта радость станет реальностью...

Тогда я конечно, несомненно смогу улыбнуться, как Господин Элмер.

В то же время

Дом мэра

В поселке жили пять очень похожих девочек.

Никто из горожан не мог объяснить, кто они и откуда взялись.

Они были здесь, сколько нынешнее поколение жителей себя помнило, и обычно ничем не выделялись. Кажется, старики знали больше, но унесли этот секрет с собой в могилу.

Их всегда было пять, и, похоже, они вообще не старели. Каждые несколько лет, когда одна из девушек заметно слабела... через пару дней её заменяла новенькая.

История словно из оккультных фильмов, но горожане не слишком боялись.

Девушки заметно отличались от остальных, но горожане росли, зная их, и поэтому принимали их за должное.

Другими словами, они относились к девушкам так же, как и к «внешнему миру».

Если бы кто-то спросил, вряд ли он бы получил четкий ответ, и, хотя некоторые пытались подсмотреть «смену», они разделили судьбу тех несчастных душ, которые пропали в поисках «внешнего мира».

И чем дальше, тем больше и больше горожане мучили девушек.

Процесс ускорился благодаря усилиям нынешнего мэра Деза Нибилы.

Дез бранил их, заставлял бесплатно работать, а иногда даже бил. Но девушки не бунтовали, а молча выполняли все отданные приказы, не жалуясь, пока им доставался необходимый для выживания минимум еды.

Постепенно горожане начали подражать Дезу... и теперь никто в целом поселке вообще не заботился о нуждах и желаниях девушек.

Они даже не замечали, что всех девушек зовут одинаково...

* * *

Пока Сильви потчевала его сына историями про «внешний мир», Дез Нибиль, человек, который заставил горожан издеваться над девушками, в одиночестве сидел, расслабленно откинувшись на спинку деревянного кресла, у себя дома.

Самый большой дом в поселке казался слишком просторным для человека, потерявшего жену.

– Пффф.

Усатый мужчина, один с своей комнате, невидящим взглядом смотрел в никуда.

И, по-прежнему в одиночестве, тихо бормотал в потолок...

– ...Время пришло. Для поселка... и для этого тела.

На лице молчащего Деза застыла мрачная улыбка.

Он выглянул в окно и увидел, что в ясном небе медленно собираются тучи.

– И для них тоже...

Уверенный, что вскоре пойдет снег, Дез тихо усмехнулся.

Его безжизненная усмешка возникла в тишине... и в ней же утонула.

Ночь

Перед воротами замка

– Э... я сегодня, э... простите, что побеспокоил вас.

Сильви мягко улыбнулась неуклюжему прощанию Фелта.

– Всё нормально. Если захочешь – приходи ещё.

– Конечно! Но скоро снег пойдет всерьез. Так что не могу сказать, когда появится возможность.

Казалось, Фелт уходит неохотно, но, как бы сильно ни желал, он не мог остаться в замке. Так что, множество раз попрощавшись с Сильви, он выдал ей последнее напутствие перед уходом:

– Я расскажу в поселке всё про вас. Не знаю, почему человек по имени Элмер продолжает требовать живые жертвы, но точно уверен, что вы – хорошие люди!

– Это необязательно.

До сих пор Чес лишь молча наблюдал за ними, но теперь заговорил и остановил уходящего Фелта:

– Горожане очень подозрительны. Если ты вернешься и начнешь внезапно нас расхваливать, они могут подумать, что мы украли твою душу или ещё что. Так что лучше скажи что-то вроде «Я не знаю, что у них на уме, но, думаю, сейчас они не угрожают нам».

Фелт на секунду распахнул глаза, но подумав, кивнул:

– Ты прав. Но я изо всех сил постараюсь рассказать им правду... В любом случае, до свидания!

И, ещё раз попрощавшись, Фелт вернулся в поселок.

– Что случилось? Непохоже на тебя – раздавать предупреждения.

– Замолчи, я могу делать, что хочу.

...Отвратительно получится, если в итоге мы ненароком начнем охоту на ведьм.

Это была главная причина, по которой Чес заговорил, но, если честно, то и хорошее впечатление, произведенное на него Фелтом, тоже внесло свою лепту. Когда он размышлял о своей слабости к детям, то вспомнил, что подобное уже случалось и раньше.

Он вспомнил девочку, которую встретил в поезде семьдесят лет назад... И внезапно вернулись и прочие воспоминания о событиях на «Flying Pussyfoot». Как и поезд, поселок был замкнутым местом. Бессмертный с внешностью мальчика неописуемо занервничал, но в итоге выбросил из головы беспочвенные волнения.

...Точно, в этом поселке нет Черного Железнодорожника.

Мысленно жалуясь на собственную трусость, Чес молча повернулся и направился обратно в замок.

* * *

– Пум-пурум, па-ди-да, па-ду-ди-пум-пурум... а.

Странно мурлыкающий человек, украшавший крышу, внезапно остановился и посмотрел на наручные часы.

– Чем заняты остальные?

– Собрались в гостиной и обсуждают, как вас найти, Господин Элмер, – спокойно отозвалась девушка рядом, пока Элмер радостно раскладывал красно-белый занавес.

– А-ха-ха, понятно. Тогда, думаю, можно остаться здесь ещё ненадолго, – сказал он, возвращаясь к работе под очередной куплет бессмысленной песенки.

Через несколько минут, закончив подготовку красно-белого полотнища, Элмер снова повернулся к девушке.

– Они всё ещё в гостиной?

– ...Да.

Девушка ни на шаг не сдвинулась со своего места, но точно докладывала об обстановке в очень удаленном месте.

– Хорошо. Я воспользуюсь возможностью. Хочу повесить этот занавес ночью 31-го.

Элмер радостно потянулся и направился к лестнице вниз. Но как только он подошел к башне со ступеньками...

– Пум-бум-бурум, тра-ля-ля... ля... ля?

Ликующие нотки внезапно сменились удивленными.

Как только он шагнул в дверной проем, из тени выскочили Нил с Майзой и схватили его под руки.

– Э? Что? Это неправильно. Она же сказала, что вы в гостиной.

Элмер выглядел сконфуженным, а потом вдруг изумленно воскликнул:

– Нет, не говорите, что вы умеете останавливать время?!

– Конечно, нет.

– Тогда как... стойте.

Элмер замер, а потом повернулся в хватке Майзы и Нила.

– Фил.

Девушка, идущая следом за Элмером, выглядела в точности как Фил. И звали её тоже Фил. Встретившись с ним глазами, девушка крупно задрожала.

– Простите, простите меня, Господин Элмер!

– Не нужно извиняться, – ответил ей мягкий голос, и из-под лестницы вышли Сильви с Чесом.

– Сильви... Нельзя учить людей врать!

– Прошу прощения? Я научила её только тому, что иногда врать можно, а иногда – нет. Особенно, если дело касается тебя.

Другая Фил с виноватым видом выглянула из-за спины Сильви. Элмер её заметил и вздохнул, сдаваясь.

– Ага, значит, вы догадались. Не думал, что вы так быстро справитесь.

Он грустно улыбнулся и подтвердил то, что они и так знали.

– Все Фил – это один и тот же человек.

* * *

– Гомункул, правильно?

Все вместе они добрались до гостиной замка и снова усадили Элмера в кресло. Он пообещал на этот раз не сбегать, поэтому его не стали привязывать.

– Правильно, – удивительно спокойно сказал Элмер. – Когда вы узнали?

– Подозрений было много, но окончательно мы убедились совсем недавно, когда поговорили и обменялись собранной информацией.

Отвечая, Майза перевел взгляд на другую часть комнаты. Там бок о бок стояли, молчали и взволнованно смотрели четыре девушки.

– Сильви поняла, что у них общее сознание. Она сложила вместе несообразности из рассказов поселкового парня. Более того, по словам Чеса, он некоторое время наблюдал за ними, и, хотя они передавали тебе наши

сообщения, он не видел, чтобы они лично с тобой разговаривали. И никто из нас не видел. Кроме того, ты передвигался по всему замку. Как бы ты смог избегать нас без камер наблюдения? За нами для тебя следили эти девушки.

– Ох, прекрати. Говоришь прямо как детектив.

– Я серьезно.

Майза с мрачным видом отчитал Элмера за легкомысленное поведение и перешел к сути дела.

– В кабинете замка мы нашли книги по алхимии. И все они на тему гомункулов – от широко известных текстов до глубоко еретических. Но непохоже, чтобы их собирал ты. В конце концов, если верить твоей истории, эти дети уже были здесь, когда ты приехал.

Элмер молчал.

– На этот раз расскажи нам точно. Не только про природу этих детей, но и про секрет поселка.

– Я расскажу в феврале, – веско ответил Элмер, видимо, впечатленный серьезностью голоса Майзы.

– Элмер.

– Нет, я тоже серьезно. В феврале приедет кое-кто, кто сможет рассказать вам всё куда лучше меня.

– Кто? – спросила Сильви, любопытствуя, кто же может явиться в этот затерянный поселок.

– Коробейник, вот кто.

Остальные переглянулись: половина выглядела так, словно их ожидания оправдались, вторая – крайне удивленно. Удовлетворенный реакцией Элмер широко улыбнулся и задал Майзе свой вопрос:

– Ладно, Майза, я удивлен, что ты сохранил спокойствие. Она не идеально сделана, но всё-таки гомункул, создание, превосходящее возможности современной биотехнологии.

Теперь была очередь Майзы лукаво хихикать.

– Ну ладно, видишь ли, у меня в Нью-Йорке есть очень похожие знакомые.

Чес криво усмехнулся на остроту Майзы, и Элмер, видимо, что-то почуяв, замолчал. Нил и Сильви, напротив, пялились на лицо Майзы.

За окном сыпались бесчисленные снежинки.

Словно накрывая всю землю колпаком, белая завеса тишины опустилась на окруженную лесом местность.

Глава 4
~ Эмоция: «Ярость» ~

CHAPTER 4
KIDOAIRAKU: ANGER
Nile

И так прошло много однообразных дней.

Не случилось ничего выходящего за рамки обычного.

Троица гостей больше не требовала у Господина Элмера ответов: вместо этого они проводили время, изучая животный мир леса, исследуя замок и готовясь к приближающимся праздникам.

С тех пор как сюда прибыл Господин Элмер, он научил меня отмечать множество праздников. Он рассказывал про торжества разных времен года и воссоздавал их в замке. По его словам получалось, что мир делится на много больших частей, которые называются «странами», и в каждой из них – свои обычаи.

Зима укрыла землю толстым слоем снега, но Господин Элмер все равно счастливо бродил вокруг замка.

Зимой он пугал жителей, в первый год нарядившись существом, которое называл крампусом⁷, а во второй – изображая монстра намахагэ⁸. Осенью сказал, что пришла пора Хэллоуина, и надел непривычную одежду на меня. Я просто гуляла в ней, а Господин Элмер, завидев меня, почему-то каждый раз угощал сладостями. Думаю, это нелепый праздник. Господин Элмер тоже облачился в странное одеяние и отправился в поселок наслаждаться удивлением жителей. Мне кажется, что из-за этих прогулок горожане его и боялись всё сильнее и сильнее.

А когда приближалось летнее солнцестояние, он связывал большую зеленую штуку из веток с листьями. И говорил, что это часть праздника, который означает, что солнце будет сиять вечно, подсмотренного у людей из страны прямо за лесом. Но... интересно, знали ли Господин Элмер, что горожане, увидев висящую штуку в день, когда солнце поднимается выше всего, мрачно бормотали о дьявольских ритуалах.

Весной Господин Элмер собирал яйца у кур в замке, после еды сохранял скорлупки и раскрашивал их в яркие цвета. Это означало празднование чьего-то рождения, и Господин Элмер сказал, что полагалось бы неделю не есть мяса и красить яйца в красный. Но потом он рассмеялся и добавил: «Не то чтоб я действительно в это верил, так что необязательно выполнять все требования. Давай по примеру японцев соблюдать только необходимые для веселья формальности, согласна?» И он украсил замок разноцветными яйцами... но горожане наблюдали издали и снова думали об ужасном обряде. Я слышала, как они шептались, что их проклинали, принося в жертву кур. Но мне не хватило смелости возразить, и я молча опускала взгляд.

Праздник, о котором он никогда не забывал, звался «Рождеством». В этот день человек по имени «Санта Клаус» приходил и дарил счастье каждому человеку в мире. Я сказала: «Тогда все должны быть счастливы», но господин Элмер только рассмеялся и сказал, что один человек никак не смог бы подарить что-нибудь каждому за одну ночь. Мне показалось, что он прав.

Но после этих слов господин Элмер тут же заявил:

– Вот поэтому для тебя им стану я, – и каждый год приносил подарки.

Иногда это были украшения из бумаги, иногда блюда, приготовленные самим Господином Элмером, иногда куклы, вырезанные из дерева. Но вместо счастья я ощущала глубокое чувство вины. Почему Господин

⁷ Крампус – в альпийском фольклоре спутник и антипод Св.Николая. Сажает капризных детей в мешок и утаскивает к себе. Традиционно мужчины наряжаются в наряд Крампуса в течение первой недели декабря, а особенно в ночь с 5 на 6 декабря и бродят по улицам, пугая детей цепями и колокольчиками.

⁸ Намахагэ – ками-ряженные, характерные для празднеств северо-востока Японии. Демоны, которые гуляют по улицам в новогодние праздники и чего-то хотят ☺

Элмер делал все это только для меня, ни для кого другого? Я спросила его, и он просто ответил:

– Это легко. Потому что ты в этой деревне улыбаешься меньше всех.

Услышав это, я почувствовала себя ещё более виноватой. Я не могу искренне улыбнуться, даже зная, что должна. И пока я пыталась изобразить на лице похожее выражение, Господин Элмер помотал головой и сказал: «Не заставляй себя. Если будешь вымучивать улыбки, то лицо исказится, когда ты решишь наконец улыбнуться по-настоящему».

Наступило Рождество и в этом году – и у Господина Элмера оказалось ещё больше дел. Он со смехом мотался по всему замку, прячась от гостей, украшал здание изнутри и устраивал фейерверки за ужином.

Он увидел меня, парализованную тревогой, и рассмеялся, будто что-то вспомнил.

– В этом году твоим подарком будут эти четверо.

Я непонимающе склонила голову, и смех Господина Элмера смолк. Но после он мягко улыбнулся и сказал:

– Постарайся с ними подружиться. Они могут помочь тебе улыбнуться по-настоящему.

Итак, прошло много действительно однообразных дней. Я всё ещё не могу улыбаться или смеяться. Но кое-что изменилось. Чувства внутри меня. До прибытия Господина Майзы с друзьями меня чуть не захватила ненависть, но вскоре это чувство растаяло в тумане. Я открыла для себя «надежду».

Эти дни называются «новогодние» и, очевидно, всем пора праздновать наступление новых времен. В прошлом году Господин Элмер купил у коробейника множество штук, которые назвал «фейерверками», и расставил их по лесу, заявив, что это восточный способ празднования. Не стоит упоминать, что это тоже подстегнуло страх горожан. Кажется, Господин Элмер это знал, но его усмешка ничуть не изменилась. Похоже, он наслаждался.

Сегодня предполагается снова следовать восточному обычаю и съесть семь видов вареных растений. В замке Господин Элмер и Госпожа Сильви уже готовятся и кипятят воду. Господин Нил иногда выходит из спячки и играет с тремя лошадьми в конюшне, а Господин Чес читает в библиотеке. Господин Майза часто ищет меня и расспрашивает, но я, к сожалению, почти ничего о себе не знаю. Я помню лишь крохотные лакомые кусочки в дальних закромах памяти, но Господин Майза серьезно выслушивает каждый. И всегда благодарит за нерешительные рассказы.

Я хочу помочь ему больше, но не могу почти ничего вспомнить из моего прошлого. Всё, что осталось в моей голове – воспоминания о мучениях, причиненных горожанами. И даже они постепенно стираются, исчезают.

После появления Господина Элмера, Господина Майзы и его товарищей, старые раны каждый день скрываются под новыми воспоминаниями.

Ах да. Это, должно быть, эмоция, известная как радость.

Я почти улыбаюсь, но потом вспоминаю атмосферу в поселке.

В это время года горожане всегда резко сокращают время, проводимое на улице.

Я не знаю, о чем они думают после визита Господина Фелта в замок. Они никогда не скажут мне напрямую, и, даже если бы у них был какой-то план, его наверняка невозможно выполнить в таком снегопаде.

...Февраль.

Когда приходит время, которое Господин Элмер называет «февралем»...

Из «внешнего мира» прибывает коробейник.

А когда он уезжает, Господину Элмеру отдают «живую жертву».

В этом году ею, несомненно, окажусь я. И впервые за пять лет я соберусь в одном месте.

Внезапно меня озаряет мысль.

Да, я улыбнусь. Широко, как Господин Элмер или Госпожа Сильви. И если я улыбнусь внезапно, то Господин Элмер точно удивится. И засмеется мне.

Что же мне делать. Я должна тренироваться.

Нужно позаботиться, чтобы меня не заметили. Осторожно, осторожно...

А время идет...

Февраль

Старый замок

Однажды, когда январь уже закончился, и каждый день ярко светило солнце... прибыл коробейник.

Его «экипаж» недвусмысленно напомнил, что, несмотря на причудливо старомодный вид поселка, на дворе уже 21-й век.

— Ну-ну...

Примерно в полдень, когда солнце было в зените, неожиданное урчание разнеслось в воздухе и вытащило друзей Майзы за ворота замка.

Это был огромный снегоход, переделанный из грузовика.

— Что происходит?

Чес и Сильви подбежали к кабине и попытались заглянуть внутрь машины, припарковавшейся перед замком. Но окна были специально затемнены, как в автомобилях политиков.

Через лобовое стекло виднелся нечеткий силуэт водителя, но, как только они присмотрелись, у них появилось странное предчувствие.

Существо на водительском сидении несомненно было человеком, но всю его голову закрывала черная маска, поверх которой был надет шлем, похожий на военный. Глаза нельзя было рассмотреть из-за очков... но, если судить по повороту головы, складывалось впечатление, что он тоже пялится на товарищей Майзы.

– Удивлены? Или просто соскучились по внешнему миру? – спросил за спиной веселый, как всегда, голос. – Это торговец... Хотя на самом деле он никогда не выходит из машины, чтобы торговать.

Элмер миновал онемевших друзей и повернулся к водителю. Взмахнув рукой в сторону людей позади, он сказал:

– Ты меня понимаешь, правда? Будь добрым малым и позволь им прокатиться обратно с тобой...

– Чт...

Рев двигателя поглотил слова Чеса, и шины выплюнули фонтан снега, когда грузовик развернулся и медленно покотился вниз по заснеженной горной дороге. Она была чуть шире него самого, и выедь на дорогу другая машина – обоим пришлось бы остановиться. Но грузовик грохотал дальше, уверенный, что подобного никогда не случится.

– Через час он вернется, – сказал Элмер и быстро вернулся в замок, оставляя остальных безмолвно смотреть на место, где только что стояла машина.

Остались только вопросы в их голове... и след огромных шин на снегу, глубокий и настоящий, как доказательство того, что это им не приснилось.

* * *

Коробейник прибыл в деревню.

Жители бегут к повозке и меняют зерно и сделанные зимой товары на вещи вроде тканей и топлива. Но из водительской кабины никто не выходит: все просто подчиняется правилам, написанным на боку машины.

Некоторым, возможно, и приходила мысль только брать, ничего не оставляя взамен, но торговец всё равно никогда не покидает свое железное кресло.

По словам Госпожи Сильви это не «повозка», а нечто с названием «автомобиль». Похожий на тот, в котором приехали Господин Майза со спутниками, но более громоздкий и мощный.

Мне не противно наблюдать за торговлей коробейника. Если смотреть издали, никто не косится на меня с отвращением, и на всех лицах оживление и веселье.

До сих пор моё отношение к ежегодной сцене было нейтральным, простым отсутствием неприязни, но, наверно, теперь я могу сказать, что мне нравится смотреть.

Естественно, горожане считали торговца по-своему неприятным. В конце концов, он же был посторонним, символом чуждого неведомого, от которого они так тщательно отрекались. Но коробейник, в отличие от других пришельцев, не пытался вмешиваться в дела поселка – на самом деле, он появлялся и уезжал задолго до того, как родились старшие из старейшин, он был частью поселка больше всех прочих – и поэтому взрослые притворялись, что не замечают его, а дети следовали их примеру.

По неписаным законам поселка меня не замечали, так же как и коробейника. Но когда Господин Дез стал мэром, эта традиция тихо исчезла. Господин Дез почему-то считал, что меня надо ненавидеть и оскорблять, и горожане немедленно последовали его примеру.

Хватит. Эти несчастливые времена длились так долго, что мои воспоминания о них спутались. Если я попытаюсь ясно припомнить, боюсь, что вспыхнувший передо мной свет затухнет и погаснет.

Ах. Теперь я понимаю, что этот свет становится всё ярче.

Наверно, благодаря Господину Элмеру и Госпоже Сильви, и их друзьям, и Господину Фелту. Благодаря им я вижу этот свет, даже пребывая в глубинах темнейшего мрака.

Я ошибалась, когда думала, что Господин Фелт не ненавидит меня, но и не помогает. Он помог. Он не презирал меня. Он говорил со мной. Разве это не вид помощи? Может, и не в строгом смысле слова, но я решила верить в то, что это правда.

Возможно, потому что перед моими глазами сияла надежда.

И небо казалось мне теперь таким синим, таким высоким, и таким огромным, как никогда раньше.

Пока я смотрю на горожан, позади раздается тихий голос. Голос Господина Элмера.

Я перевожу взгляд с оживленной торговли на него. На лице Господина Элмера, как всегда, сияет широкая улыбка.

– Слышишь, Фил. Мы с Майзой думаем прокатиться наружу, когда торговец поедет обратно. То есть, мы собираемся посетить место, где ты родилась.

– Простите?

– Если ты согласишься... Я хочу показать тебе правду. Может, она тебя шокирует, но, опять-таки может быть, ты почувствуешь облегчение, когда загадка разрешится? В любом случае, я бы хотел, чтобы ты сама приняла решение.

У меня нет причин отказываться.

Если честно, я тоже нервничаю. Я боюсь, что, узнав всё про себя, увижу, как моя жизнь разлетается вдребезги. Что мой лес, моя колба, разобьется.

Но теперь, теперь... я чувствую, что смогу принять, что бы там ни обнаружилось.

Через это надо пройти, чтобы искренне улыбаться... Искушение, которое надо преодолеть. Меня почти ошеломяет сила моего чувства.

– Я поеду, – говорю я уверенным, непохожим на свой прежний, голосом.

– Я хочу знать... кто я на самом деле.

Когда я в замке произносила эти слова, я в деревне смотрела на Господина Деза.

Он стоял позади грузовика и смотрел на меня, не обращая внимания на шум и суету.

Неужели я невольно сделала что-то, что пробудило его гнев?

Вспышка памяти о боли от ударов заставила меня инстинктивно съежиться, но...

Господин Дез отвернулся и молча ушел.

А моё сердце преисполнилось странного предчувствия.

Поступки Господина Деза эхом отдавались у меня в мозгу, но я хотела сосредоточиться на голосе Господина Элмера и поэтому отодвинула их в дальний угол сознания.

Если память мне не изменяет, Господин Дез улыбнулся мне... впервые с тех пор, как его избрали мэром.

Но его улыбка полностью отличалась от улыбки Господина Элмера и ничего не выражала...

Ужасно холодная улыбка, которая могла бы заморозить меня на месте.

День.

Лесная дорога

– Должен заметить, Элмер, давненько я не толкался в багажном отделении.

– Как коровы по пути на бойню, да?

Залезших внутрь багажного отделения огромного снегохода Майзу, Элмера и (одну из) Фил швыряло из стороны в сторону. Машина пробивалась сквозь сугробы с такой силой, что малейшая вибрация превращалась в низкий гул, от которого дрожала каждая косточка.

Сначала Фил осматривалась широко открытыми глазами, но теперь, устав от неожиданного возбуждения, быстро уснула, используя вместо подушки мешок муки, загруженный одним из горожан.

– Но скажи, Майза.

– Да?

Элмер прокашлялся, а Майза потянулся, отгоняя подступивший сон.

– Насчет Нила. Почему он носит маску?

– ...Другого времени спросить ты не мог найти?

– Нет, но! Когда мы впервые встретились, поднялась суета, и шанс уплыл из-под носа. А спрашивать после – ну, ты же понимаешь! Ладно, ты не думаешь, что он бы уже сам сказал, если бы хотел, чтоб я знал? Хорошо если

бы он просто фыркнул и сказал что-то вроде: «Ты выбираешь темы хуже некуда для пустой болтовни», но я бы не хотел по-настоящему его рассердить.

– Да, когда Нил злится, он отбивается от рук, – сказал Майза, криво усмехнувшись воспоминаниям о вспышках ярости человека в маске.

– Его маска – это... разновидность страховки.

– Страховки?

– Он считает, что если правая рука кого-то из нас попадет ему на лоб, то маска его защитит. Другими словами, если что-то будет между плотью нашей руки и его лба, то он сумеет избежать смерти.

– А... я понял. Ну, а ты бы не сказал, что это ужасно пугливо с его стороны?

«Хотя и слегка отличается от случая Чеса», – подумал Элмер. И словно подслушав его мысли, Майза хихикнул и добавил объяснение.

– Не то чтоб он нам не доверял. По его словам...

«Представь на секундочку, что мы где-то заночевали. Тебе приснился вкуснейший арбуз, и ты схватил его правой рукой. И подумал себе во сне: "Я хочу это съесть!" А арбузом оказалась моя голова. Сонный и ничего не подозревающий, я буду мертв в мгновение ока. Я заявляю: если мне суждено быть поглощенным одним из вас, я приму свою судьбу, но я не позволю себе умереть так позорно.» Вот и всё.

– Ха-ха-ха, тупой мерзавец! Он боится!

Майза улыбнулся, когда Элмер снова расхохотался, и спокойно добавил:

– Но я верю, что это не настоящая причина.

– Хм?

– Нил говорил мне... Он провел почти триста лет на передовой во многих войнах и горячих точках.

– ...

– Я не знаю, что он там искал или что видел... но, возможно, то, что случилось на полях сражений, имеет отношение к его маске. Учти, это всего лишь гипотеза...

Майза снова улыбнулся, словно понимая старого товарища. Элмер минутку посмотрел на него и облегченно усмехнулся.

– Вижу, ты был в хорошей компании, Майза, – внезапно сказал он.

– Осмелюсь спросить, что навело тебя на такую мысль?

– Ну, я просто подумал, что твоя улыбка стала ярче с нашей последней встречи триста лет назад.

Майза расплылся в улыбке.

– Ты так думаешь?

– Конечно. Думаю, Чес мог бы улыбаться, как ты, будь он немного честнее сам с собой, – пробормотал Элмер, вспоминая разговор с Чесом на крыше.

– Хм? Чес?

– Нет-нет, ничего.

На секунду показалось, что беседа себя исчерпала, но Элмер снова заговорил:

– Кстати, а как поживает друг-демон? Полагаю, он теперь один из твоих товарищей-каморриста?

– ...

Майза, потеряв дар речи, уставился на озорную усмешку Элмера.

– Удивлен, да?

– Как?

– Ну, старик, давным-давно мы с ним немножко поболтали.

Элмер взорвался смехом, больше обычного воодушевленный тем, что заставил маску Майзы треснуть.

Майза с любопытством вскинул голову, но решил отложить на потом, потому что Элмер всё равно не скажет, даже если на него надавить.

– Я тут подумал, а кто-нибудь из всех вас ещё балуется алхимией?

– ...Чес до недавнего времени, но я уже давно умыл руки. Как и Сильви с Нилом. После обретения вечной жизни я не видел, чтобы кто-то пробовал свои силы, разве что из любви к исследованиям... Ну разве что... Может, Хью.

Услышав имя старого друга, Элмер уставился в небо.

– Ах, да. Точно, точно. Может, и не алхимия, но можно поспорить, что он где-то что-то да исследует.

– В конце концов, он из тех людей, которые проверяли возможность одолеть страну бессмертием.

– Ах... Хотел бы я его увидеть после стольких лет. Его и Денкуро, и Бегга, и Виктора.

Тронутый выражением покинутости на лице Элмера Майза тоже на секунду вспомнил старых товарищей.

– Так ты можешь поехать и повидаться с ними. Когда уедешь отсюда.

– Да, да, конечно. Но для этого, Майза, мне потребуется твоя помощь.

– Хм? И что это должно... ай.

Прежде чем Майза успел закончить вопрос, грузовик внезапно затормозил. Спереди раздался металлический звук. Со своего места в багажном отсеке они не могли видеть, что там происходит, но похоже, открывалась дверь.

Через пару секунд машина снова ускорила, и они неожиданно нырнули в полную темноту.

– ...Тоннель.

– Мы почти на месте.

Вскоре тоннель закончился, и свет снова залил кузов. Майза пристально вглядывался в пейзаж по сторонам, но он оставался куда более безлюдным, нежели ожидалось.

И прежде чем он успел толком что-то рассмотреть, грузовик снова притормозил и, наконец, остановился.

– Что, думал, тут будет город, спрятанный посреди ничего, или что-то вроде? В таком случае, ужасно жаль тебя разочаровывать.

* * *

Они оказались в подобии лаборатории.

Майза высунул голову наружу и огляделся, не обращая внимания на смешки Элмера. Они были в огромном ангаре, сооруженном, похоже, только ради того, чтобы скрыть тоннель. Будто громадный док построили, а затем вытащили из моря. Вокруг стояли несколько человек, которые разительно отличались от горожан униформой и оружием на поясе.

Глядя вокруг – на охранников и бетонный пол – Майза почувствовал, что попал в другое измерение. Его разум, ещё десять минут назад уютно устроенный в сказочном мире, внезапно лицом к лицу столкнулся с реальностью Земли 21-го века. Он даже отчасти почувствовал культурный шок от вида непривычных, но знакомых признаков цивилизации и, поняв это, смущенно улыбнулся собственной наивности.

Один из охранников заметил выглянувшего Майзу и направился к машине, положив ладонь на рукоять оружия. То, что он не подал знака товарищам, прежде чем подходить, выдавало отсутствие у него формальной военной подготовки.

– Позвольте узнать, что происходит? – вежливо спросил Майза, словно подобное случалось каждый день.

– Всё будет хорошо. Они не начнут стрелять. По крайней мере, не прямо сейчас, – сказал Элмер, сидя в грузовике и поглаживая спящую Фил по лицу. – Так что держи свой нож спрятанным.

– Ладно.

Плавнo убрав руку от бедра, Майза ждал первого шага от охранника. Но прежде, чем что-либо произошло, от кабины грузовика донесся звук открывающейся двери, и, мельком взглянув на что бы там ни было... охранник развернулся и отошел, будто ничего не случилось.

Будто чтобы заполнить освободившееся после охранника место, раздался мрачный и низкий старческий голос. словно кто-то взял понятие усталости и передал в звук, который можно услышать.

– Так ты... товарищ Элмера.

Крупный старик вошел в поле зрения, держа только что снятые пару очков и маску. Очевидно, он и был водителем.

Старик перевел взгляд на угол багажника, на машущего ему Элмера и спящую возле него девочку. Напряжение на его лице сменилось смешанным выражением, он тяжело вздохнул...

И представился Майзе.

И как только его слова достигли ушей Майзы, тот похолодел и окаменел лицом.

– Я Билт Квотеш, смотритель этого леса... Хотя вы не найдете этого имени в документах.

* * *

Я, которая путешествует с Господином Майзой, открываю глаза, почувствовав поблизости суматоху.

Обычно я бы не уснула, но, может, из-за избытка впечатлений, а может, из-за качки отсека, пока мы ехали через лес, я совершенно задремала.

Я всё ещё в багажном отделении, и перед глазами простирается знакомый вид.

Я помню это место. Сюда я прихожу, когда умираю.

А, я вижу, что перед Господином Майзой стоит Господин Квотеш. Сколько лет я его не видела. Он убивает меня и снова дает мне жизнь. Он мне ничего обо мне не рассказывает, а я, в свою очередь, ничего не спрашиваю. Но чувствую, что сейчас, наверно, смогу задать ему множество вопросов.

Сегодня мне радостно, и, более того, здесь рядом со мной Господин Элмер и Господин Майза.

Но...

Интересно, почему у Господина Майзы такое суровое лицо?

Я впервые вижу у него похожее выражение лица.

В моем сердце проклевывается росток тревоги, а в мозгу разворачивается множество катастрофических сценариев.

Ах, думаю, теперь я понимаю... почему Господин Элмер так сильно ценит смех и улыбки.

Когда я вижу лицо Господина Майзы, я тоже начинаю беспокоиться.

Пожалуйста, Господин Майза, улыбнитесь. Пожалуйста...

* * *

– Я расскажу тебе правду. Этот мужик – потомок старика Сциларда. Хотя не думаю, что они хоть раз встречались, – негромко вещал Элмер, расхаживая по ангару.

– Они даже внешне похожи, правда? Ну, да... Я тоже удивился, когда первый раз тайком пробрался сюда и увидел его. Ладно, не то чтоб я много мог рассмотреть, пока охранники меня избивали.

– ...

Казалось, на Майзу не действовали даже дурацкие ужимки Элмера, обычно встречаемые спокойной улыбкой. Он с застывшей на лице враждебностью следовал за стариком

Элмер, в свою очередь, ни на секунду не отвлекался и тарахтел пуще прежнего.

– Да ладно, Майза. Что за страшное лицо? Этот старик... ну, технически мы старше него, но... Все равно, он не имеет ничего общего со Сцилардом. Отличный мужик, всю жизнь посвятивший делу, которым на самом деле не слишком-то и хотел заниматься.

– Делу? – спросил Майза по-прежнему непривычно холодным голосом. – Под «делом» ты подразумеваешь держать невинных людей в лесу, как в ловушке, изолируя их от внешнего мира?

– Говорю тебе, успокойся. Ты пугаешь Фил.

Майза вздрогнул и глянул на малышку, которая пряталась за Элмером и смотрела огромными перепуганными глазами.

– ...Прости.

– Не извиняйся. Если чувствуешь, что должен, просто улыбнись ей как обычно. Это её успокоит.

Элмер хихикнул и потрепал Фил по плечу. Наконец справившийся с эмоциями Майза тоже неуклюже ей улыбнулся.

Будто почувствовав, что конфликт за его спиной разрешился, человек, представившийся Билтом, заговорил:

– ...С чего бы мне начать?

* * *

Билт Квотеш. Потомок Сциларда Квотеша, человека, который давным-давно на корабле обрел бессмертие и поглотил множество товарищей Майзы.

Его дед был потомком Сциларда и в то же время – одним из самых многообещающих его помощников.

Не довольствуясь бессмертным телом, Сцилард в бесконечной погоне за знаниями начал создавать гомункулов.

Говорили, что идеальный гомункул – это карлик в колбе, который знает всё на свете, но не может покинуть своё убежище, иначе погибнет.

Обнаружив среди поглощенных знаний информацию о гомункулах, Сцилард с ещё большим рвением изучал их, чтобы досконально разобраться.

Несмотря на то, что время больше не имело для него значения, Сцилард обнаружил, что работать в одиночку неэффективно, поэтому он раздал своим потомкам и подающим надежды ученикам проекты для работы.

С другой стороны, он никогда не передавал другому алхимику контроль над разработкой бессмертия. Даже при создании неполного эликсира он использовал химиков, незнакомых с алхимией, не желая доверить свои секреты даже собственной крови и плоти.

Деду Билта, работавшему под пристальным оком подозрительного начальника, удалось, разрабатывая одну из теорий Сциларда, создать разновидность гомункула. Она была неподвластна времени, так как создавалась из бессмертных клеток самого Сциларда... но в то же время

оказалась полностью лишена всеобъемлющего знания, которого Сцилард так жаждал.

– В итоге старый Сцилард создал и уничтожил довольно много гомункулов, потом забрал последнего – девушку по имени, э-э, Эннис? Элис? Как-то так – и уехал. Мы знаем, что последнего, потому что больше о нем никто ничего не слышал.

– Сначала мой дед вел исследования в Америке, но, когда Сцилард исчез, вернулся сюда на земли Квотешей. Используя связи Сциларда и остатки семейного имущества – эту землю – он продолжил собственные независимые эксперименты. Он вложил в этот лес всё, что у него было, ради единственного замысла: эксперимента с гомункулами.

Они продолжали опыты по созданию как идеального гомункула, так и легендарной Великой Панацеи.

Чтобы добиться своих целей, они создали два типа гомункулов, основанных на неполном эликсире, который давал только регенерацию, а не вечную жизнь.

Свойства этого эликсира отразились и на созданных им гомункулах. Панацея дарила бессмертие, соединяя пьющего с чем-то из иного плана бытия. Фантастические термины сказали бы, что телом овладевает колония организмов, которая бесконечно восстанавливается. Именно так Сцилард понимал собственное бессмертие и на этом основывал все исследования. Этим иным планом... могла быть параллельная вселенная или нечто совершенно другое. Видя как сущность, даровавшую бессмертие Сциларду, зовут демоном, некоторые в диком полете фантазии предполагали, что этой другой реальностью был сам Ад.

Как бы то ни было... исследования гомункулов продвигались черепашьям шагом, а после исчезновения Сциларда и вовсе прекратились. Но пока они продолжали собственные поиски, им посчастливилось сделать удивительное открытие – возможность пересадить существо, состоящее из одних мыслей, сознание, пришедшее с другого уровня, в несколько тел.

Продолжая эксперименты, они наконец-то преуспели в совершенствовании двух форм неполных гомункулов.

Один был мужчиной, который рос и старел, как обычный человек.

Второй был женского пола и быстро умирал, хотя не старел. Посредством множества тестов и экспертиз они установили, что могут остановить старение, но только снаружи. В обмен на эту внешнюю демонстрацию юности жизнь гомункула существенно сокращалась, и, чтобы восполнить ущерб, было решено вовлечь в операцию пять тел сразу.

– Другими словами, это ты, Фил, – произнес Элмер с такой напыщенностью, будто объявлял ответ в теле-викторине.

Билт остановился перед дверью и набрал код на электронной клавиатуре сбоку. И пока они ждали, Элмер добавил к объяснениям старика свои теории.

– Они сделали так, что когда тело стареет – чего, конечно, по вашему внешнему виду не скажешь – и оказывается на грани смерти, оно само возвращается на базу. Думаю, они каждый раз вроде как предвидели, когда ты появишься.

Майза покосился на Фил, пытаясь прочесть её эмоции, но она кивала с безразличным лицом. Элмер легонько погладил её по макушке и продолжил:

– Ты когда-нибудь играла в видео-игры? Беря их за пример, представь одного человека, который играет с двумя контроллерами. Если один сдохнет, второй продержится достаточно долго, чтобы нажать кнопку и продолжить. Или другой пример: ты видишь два входа в метро, которые выглядят отдельными, но под землей они соединены тоннелями, видишь? Тогда наружные входы будут её телами, а подземелье – в другом измерении – это её единое сознание.

Когда Элмер договорил, перед ними под приглушенный рокот моторов открылась дверь.

И они увидели...

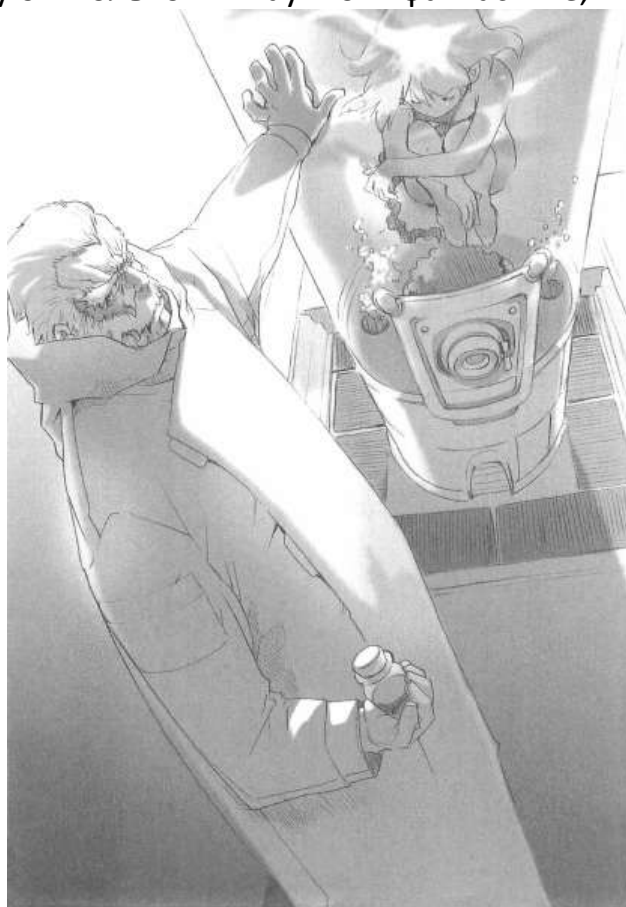
– Я думал, такие штуки существуют только в научной фантастике, – наконец выдавил ошеломленный Майза.

Перед ними выстроилось множество огромных резервуаров, достаточно больших, чтобы внутри мог удобно расположиться человек. Большинство из них пустовали... но в нескольких, наполненных жидкостью, можно было разглядеть нечто плавающее.

– Это же...

Внутри резервуаров в позе зародыша свернулись юные человечки. Мясистые трубки тянулись от их пупков до черной грязеподобной субстанции, которая покрывала дно контейнеров.

По лицу Майзы, внимательно изучающего плавающих девочек, пробежала тень.

Он ожидал чего-то подобного, но всё равно отчасти удивился тому, насколько же девочки в резервуарах похожи на Фил.

– Они не клоны, поэтому на самом деле не идентичны. Но все равно, раз условия одинаковы, как одинаковы и человеческие клетки, взятые за основу, то думаю, они сойдут, как минимум, за сестер. В любом случае, однажды умершее тело проходит специальную процедуру в этих чанах... становясь вон той грязью внизу. Не люблю использовать это слово по отношению к людям, но полагаю, можно сказать, что их перерабатывают.

Пока Элмер объяснял, Билт достал из кармана стеклянную бутылочку.

– Эта вода... Это катализатор, который мы используем, чтобы удерживать их сознания на месте.

В пузырьке плескалась прозрачная жидкость, на первый взгляд неотличимая от обычной воды из-под крана.

– Похоже на обычную воду, – заметил Майза.

– А то, что привело нас к тому, что мы есть сейчас, по вкусу напоминало алкоголь, да? Эта штука сделана из того же эликсира, хоть и неполного, так что неудивительно, что она похожа на воду.

– Ты прав.

Удостоверившись, что они завершили беседу, Билт продолжил:

– Чтобы полностью завладеть пустым телом, нужно просто угостить его этой водой. Хватит даже капли. Как видите, их воспоминания и опыт сконцентрированы в этой жидкости. Другими словами, можно сказать, что эта вода – фактически «главное» тело.

– Главное тело? Ты имеешь в виду, что у этой воды есть собственное сознание?

В этот раз вмешался Элмер. Пляшущие огоньки в его глазах ясно показывали его желание встрять в разговор.

– У воды нет собственной воли. Нет мозга, чтобы думать, или органов и нервов, чтобы ощущать. Используя пример с игрой, можно назвать её «сохраненными данными». Их нужно вложить в персонажа – в тело – прежде, чем он сможет что-либо делать или чувствовать. Например, если вода окажется в человеческом теле, то она обретет человеческий разум.

Майза мгновенно понял значение слов Элмера и, задумавшись, умолк.

– Думаю, людям это сознание казалось бы невероятно умным. Только подумай: оно может одновременно контролировать пять, нет, даже больше, человеческих тел. Интересно, если бы оно смогло преодолеть ограничения этого мира и показать свою истинную форму – как бы оно выглядело? Оно может быть совсем другим видом сознания... или, может, это своего рода бессознательная программа, работающая на инстинкте выживания, как какое-то насекомое. Я не могу утверждать, что оно не просто изучает и копирует человеческую манеру поведения, чтобы выжить, но...

Стоя позади Элмера, Фил тихо слушала, пока он не потянулся, чтобы похлопать её по плечу. Она с любопытством склонила голову к плечу, неспособная вникнуть в суть разговора. Наверно, она отвлеклась на сравнении с видео-игрой, потому что никогда не сталкивалась даже с телевидением.

Элмер солнечно улыбнулся ей перед тем, как повернуться обратно к Майзе.

– Но я не думаю... нет, если честно, меня это, так или иначе, не волнует. Не важно, пришла ли эта девочка из другой вселенной – она в любом случае остается собой. Может, она немного неприспособлена к обычной жизни, но если разобраться – она замечательная девушка, всегда думающая о других. Правда, Майза?

Майза тоже взглянул в глаза Фил и ласково улыбнулся.

– Конечно.

Он ещё секунду изучал содержимое резервуаров, потом с серьезным и решительным видом повернулся к Билту.

– Итак... Каких действий вы ждете от меня?

Элмер снова ответил за старика.

– Всё просто. Ему недолго осталось жить. Ну, то есть, по нашим меркам. По правде говоря, когда он умрет, эксперимент будет свернут. Некому принять власть, и даже если бы было, наш друг хочет, чтобы всё закончилось на нем. Это создаст немалый хаос, но, по крайней мере, горожане освободятся... но сначала он хочет, чтобы Фил выбралась из леса.

– Меня всегда пугало, – обеспокоенно сказал Билт, – как мой отец и его отец смогли полностью погрузиться в такой жуткий эксперимент... Нет, Фил, я не говорю, что ты жуткая. Но они создали двух гомункулов из-за абсолютного знания, которым те, по слухам, должны были обладать. Они выдвинули теорию, что гомункулы, постоянно обновляя тела и живя вечно, будут накапливать опыт, пока однажды не обретут истинное абсолютное знание. Поэтому они создали тебя. Поэтому мои дед и отец использовали свое огромное богатство и политические связи нашего предка, чтобы выполнить эту ужасную работу.

Билт задрожал всем телом, словно на него давила тяжесть его грехов.

– Они купили людей, много людей, в обмен на погашение их огромных долгов. Многие даже приносили новорожденных младенцев. А потом их изолировали в этом богом забытом месте и вынудили стать «горожанами». Подозреваю, иногда бывали и такие, кто применял методы и кроме подкупа, но... Меня там не было. Когда создали этот поселок, я был ещё ребенком.

Во время признания старика Майза хранил молчание, а потом серьезно спросил низким голосом:

– Зачем им покупать и обеспечивать такой поселок?..

– Это модель, – спокойно ответил Элмер, пренебрегая мрачным выражением лица Майзы. – Они не могли сразу же продемонстрировать миру своего нового гомункула. Хотели сначала хотя бы дать ему набраться опыта в идеально контролируемом садике и проследить, как он будет развиваться при взаимодействии с другими людьми.

– Только ради этого? Уверен, им не понадобился бы целый поселок... Подобную модель можно соорудить, не доходя до крайностей вроде покупки людей.

– Полагаю, они боялись, что что-нибудь всплывет, и хотели сохранить контроль над каждым аспектом эксперимента. Да, если подумать, возможно, если бы в этом не была замешана Великая Панацея, то всё сложилось бы по-другому. Без обид, я вам говорю, все, кто жаждет бессмертия, – помешанные. Короче... отец и дед старика не хотели, чтобы просочилась информация об эликсире. Они не собирались отпускать во внешний мир никого, кто хоть что-то знал об их исследованиях.

Казалось, Билт не заметил самоуничижительной усмешки Элмера и с ещё более мрачным видом продолжил:

– Знаю, я должен был раньше остановить это безумие, но не мог решиться! Мои дед и отец умерли, и мысль об искуплении грехов в одиночку... но откуда мне было знать? Пять лет назад, когда сюда пробрался господин Элмер... Только тогда я наконец узнал, через что прошла Фил! Я и не подозревал, что происходит, когда она возвращалась сюда в конце жизненного цикла... Возможно, если бы я спросил, она бы мне рассказала, но я ни разу не озаботился. Я специально избегал её из-за своего дурацкого страха. Что бы я сейчас не говорил, это не загладит мою халатность, но я желаю счастья этому ребенку... По крайней мере, хотя бы этого.

Исследователи всегда вели свою работу в лаборатории, замаскированной под замок, но когда пришло время создать поселок и наблюдать адаптацию Фил к обществу... они полностью изолировали всю местность от внешнего мира. Они влили в деревья неполный эликсир, создав лес, который не погибнет ни от чего, кроме старости.

Даже после создания поселка алхимики периодически проверяли его, маскируясь доставкой товаров. Они знали, что время от времени на поселок в лесу натыкались чужаки, но горожане разбирались с нарушителями по-своему.

Иногда молодежь пряталась в кузове грузовика... но они все до единого уходили в большую жизнь и никогда не оглядывались на покинутый мирок. Они пробирались тайком, потому что, в конце концов, стремились наружу. Для них красоты внешнего мира были важнее, чем связи с семьей или домом.

Конечно, были и те, кто хотел вернуться, но исследователи им не позволяли.

Пока старик рассказывал свою часть, Майза старательно скрывал эмоции, и только когда стало ясно, что речь закончилась, он открыл рот:

– Если ты хочешь искупить содеянное, то должен так же покаяться и перед горожанами.

– Полностью согласен. Но... у освобожденных горожан где-то за лесом могут быть дома и семьи, куда вернуться, но у Фил... у неё есть только поселок. Её жизнь слишком коротка для чего-то ещё.

– Но я обещал Фил, что покажу ей целый мир. Говорил, что освобожу её из оков, – отводя глаза сказал Элмер. Очень иносказательно, но Майза мгновенно понял.

– Ты хочешь, чтобы я продлил её жизнь?

– Как всегда проникательно, старый друг!

– Я должен прояснить... Я не буду снова создавать Великую Панацею.

– Конечно, конечно. Но твои знания очень помогут. Подумай, Майза... Мы собрали здесь почти полдюжины алхимиков, которым уже больше трехсот лет. Кто знает, что мы сумеем придумать.

Майза задумчиво молчал, а Фил заискивающе и умоляюще смотрела на Билта.

– Ах... Я не понимаю, почему вы чувствуете себя виноватым, Господин Билт, но, хоть я и не могу говорить за горожан, я буду в порядке... Пожалуйста, не хмурьтесь. Пожалуйста, улыбнитесь...

Майза задумчиво наблюдал, как девушка беспокоится даже о Билте... а потом, наконец, глубоко вздохнул.

– Покажите ваши записи.

* * *

Майза уже несколько часов просматривал исследовательские заметки, когда Элмер внезапно решил заговорить:

– Я приехал сюда, потому что знал, что-то здесь связано со Сцилардом. Видишь ли, ходили слухи, что где-то здесь в лесу лаборатория алхимика, которая выглядит как старый замок. Я думал, может, однажды Сцилард вернется и, возможно, я сумею убедить его раскаться.

– Элмер... Не могу поверить, что ты до сих пор считаешь это возможным.

– Ну, он умер, так что мы никогда не узнаем, правда?

Элмер весело рассмеялся, словно пошутил, и от взгляда на него Майзу озарила странная мысль.

– Элмер... Это же ты распускал по внешнему миру слухи, что ты здесь, не так ли?

– Ой, ты догадался? Ну, видишь ли, я просто подумал, что если свяжусь с Виктором, то так или иначе сведения до тебя дойдут. Он сказал что-то вроде «поговорить с информационным брокером», и я с этим согласился. Я думал, что ты приедешь один, но ты притащил на буксире ещё троих...

– Да, это был сюрприз.

– Когда Фил сказала мне, что в поселке появились незнакомцы, я и вообразить не мог, что ими окажетесь вы. Ха! Я ведь в итоге отлично вас поприветствовал, да?

Элмер хихикнул, вспомнив, как развернулись события, когда Майза впервые посетил замок.

В свою очередь Майза, наконец, озвучил собственную версию того, что вынес из разговора:

– Ты хотел закончить исследование, используя мои знания...

– Конечно, – беззастенчиво ответил Элмер. – Я думал, может, мы еще раз вызовем демонического парня, если всё остальное не поможет.

– Только ты, Элмер... – пробормотал Майза, пряча лицо в ладонях, а потом всё же расхохотался.

– Ты уже бросил свои любительские занятия алхимией? – бесцеремонно спросил он.

Заколебавшись, Элмер отвел взгляд, на его лице мелькнула тень сожаления.

– Я стал алхимиком только из-за денег. Это всё, чего я хотел.

– Должен признать, я ожидал от тебя другого.

– Я хотел стать алхимиком и создать горы золота, столько, чтобы раздать беднякам всего мира. И разумеется, отложить кусочек для себя. Я думал, этого хватит, чтобы осчастливить всех.

Он неловко засмеялся.

– Глупо, правда? Я ничего не знал об экономике или социологии, поэтому даже не задумывался о вещах вроде инфляции или материального стимула... Но пожив немного, я, насколько смог, разобрался, как устроен мир. Теперь я знаю, что люди не могут так просто стать счастливыми, поэтому больше не полагаюсь на алхимию.

Заметив входящих в комнату Фил и Билта, Элмер быстро сменил тему:

– О, кстати, Билт. Мне всегда было интересно... А что случилось с гомункулом-мужчиной? Фил говорит, что никогда с ним не встречалась, так?..

Старик на секунду смешался, а потом понимающе кивнул.

– Ясно... Он, должно быть, полностью приспособился к жизни в поселке. Спорю, вы с ним встречались, хотя тогда могли этого и не понять.

Пока Билт размышлял об этом человеке... нет, о гомункуле – задумчивость на его лице становилась глубже и глубже.

– Наверно, ему мучительно осознавать себя экспериментом. Он отказался от опытов гораздо раньше меня. Лет пятнадцать назад он пробрался сюда, уничтожил резервуар со своим телом и украл воду, которая служила ему катализатором. И больше никогда не возвращался. Конечно, вернись он, мы бы все равно ничего не могли бы сделать без воды.

Старик вытащил из кармана фотокарточку и уставился на неё так, будто гомункул был его давно потерянным сыном.

– Он должен быть в своем втором теле, в котором отсюда ушел, примерно лет пятидесяти... сейчас он, наверно, пытается вести жизнь обычного горожанина.

Билт протянул снимок Майзе, словно надеясь на его одобрение.

– Это он. Если увидите его, передайте ему мои сожаления.

Фото изображало стройного юношу с пронзительным взглядом.

– М-м... Мне всё кажется, что я его уже видел, – всматриваясь, пробормотал Майза.

– О? Слушай, глянь, если я сделаю так...

Элмер схватил со стола горсть стружки от ластика и посыпал ею фотографию.

Наблюдавшая из-за плеча Фил задохнулась и машинально произнесла имя:

– Господин Дез!..

* * *

Не может быть.

Не может. Но есть.

Старое фото, показанное нам Господином Билтом.

Это почти наверняка Господин Дез.

Если Господин Дез, как и я... искусственный человек... может, он знает, что и я такая же? Как он мог настолько меня ненавидеть, зная, что у нас один создатель?

А возможно... именно поэтому он меня и презирает.

Неподвижно стоя над снимком, я начинаю бежать к дому мэра.

Опускается ночь, и навалило высокие сугробы, поэтому на улицах мало людей.

Прохожие останавливаются и смотрят на меня с удивлением на лицах. Возможно, потом меня побьют, но сейчас это неважно.

Если он рос и вырослел в отличие от меня... Тогда не так уж странно, что он женился, что завел сына, и даже что стал мэром.

– М-м-м... В чем дело? Ты плохо выглядишь, – говорит мне Господин Нил в замковой конюшне, пытаясь начать редкий разговор.

– Ты в порядке? Выглядишь не очень... Давай я всё доделаю, а ты иди отдохни, ладно? – тепло улыбаясь, говорит Госпожа Сильви в замковой кухне.

– Майза и Элмер опаздывают. Эй, как там всё проходит? – спрашивает Господин Чес, вместе со мной ждущий их возвращения возле замка.

Но я не могу никому из них ответить.

Сейчас, хотя бы на минуточку, я хочу сконцентрировать всё, что имею, на той мне, что бежит по городу.

Время от времени мои ноги глубоко проваливаются в снег, и я спотыкаюсь, но продолжаю бежать к дому мэра.

Добравшись, я колочу по двери кулаками. Яростнее, чем когда-либо за всю жизнь, так сильно, что боль глубоко впивается в мои руки. Но сейчас это совершенно неважно.

Проходит вечность, пока дверь не открывается.

Наконец, она поворачивается внутрь...

– Хм? Фил... что за спешка?

Передо мной стоит не Господин Дез, а Господин Фелт.

– П-пожалуйста! Пожалуйста, скажи мне, где Господин Дез?!

– Отец? Он ушел к колодезю за водой...

– Спасибо!

Господин Фелт с любопытством смотрит на меня, но у меня нет времени объяснять.

Холодная усмешка, которую я видела днем у Господина Деза... Вызванная ею тревожная дрожь вдруг возвращается с удвоенной силой, и теперь внутри меня ревущее пламя страха.

Я бегу, бегу, бегу... словно удираю от внутреннего волнения, а может, гонюсь за его причиной...

– Эй Фил... Не хочу, чтобы ты даже думала расспрашивать мэра об этом, – говорит издали голос Господина Элмера. Я перед ним шепчет «да», но... для меня в деревне... уже слишком поздно.

** * **

Маленький колодец располагался на окраине поселка. Он был достаточно глубок, чтобы никогда полностью не замерзать, так что даже зимой достаточно было просто опустить ведро, чтобы разбить тонкий ледок. Река текла слишком далеко, поэтому колодец был центром городской жизни.

Перед ним молча стоял усатый мужчина и с надменным и высокомерным видом смотрел на поверхность воды.

Он не двигался, словно кого-то ждал.

И долгожданный гость наконец прибыл.

– Господин Дез.

Мэр обернулся и глянул на запыхавшуюся девушку.

– Ты опаздываешь.

Он молча смотрел Фил в лицо, всем видом выражая, что давным-давно устал ждать... а потом тихо заговорил:

– Значит, ты наконец узнала правду. Или я должен сказать «вспомнила»?

Мэр мерзко хихикнул. Его правая рука сжимала маленький пузырек с жидкостью.

– Ты выбралась наружу за коробейником, да? Вернулась в то место, которое наша колыбель и наша могила.

– Бутылочка...

– Правильно. Одна из тех, что служат нам колыбелями. Единственная разница между нами – которая из них дает нам жизнь, – презрительно сказал Дез, показывая её Фил. – Другими словами, это моя. Разве ты не слышала историю Билта? Это моя истинная форма, катализатор распространения меня, моей души.

Фил даже вообразить не могла, о чем думает Дез. И словно прочитав её мысли, Дез холодно усмехнулся и медленно повернул крышечку.

– Например, – медленно и отдельно, словно поясняя процесс опыта, произнес он, – предположим, что я становлюсь сам собой, когда эта вода, моё сознание, применяется к пустому телу... Но что будет, если я добавлю эту воду в колодец и её выпьют горожане, уже обладающие сознанием?

– !..

До сих пор эту воду принимали лишь пустые тела созданные в резервуарах. Так что будет, если её выпьет обычный человек?

– Однажды в прошлом я испробовал её на умирающем старике... предыдущем мэре. Оказалось, они пытаются убить друг друга. Каждое сознание сражается с другим за контроль над телом. Забавно, не правда ли? Это значит, что рассудок, которому полагается быть целостным и непоколебимым, вынужден напрямую сражаться с иномирным сознанием. Это за пределами алхимии. Это нечто духовное, нечто магическое. Тебе не кажется? Победившая сторона получит весь опыт и знания побежденной. Разве это не похоже на живущих в замке бессмертных и их способ поглощения друг друга?

Как много знал Дез? На секунду Фил смутилась, но потом вспомнила, что Сильви всё рассказала Фелту, так что вполне естественно, что информация добралась и до ушей его отца.

– И мне жаль говорить, но я не собираюсь проигрывать людям вроде горожан, которые позволяют обращаться с собой, как со скотом. Полагаю, это рискованное дело, но сейчас это уже неважно.

Только теперь Фил поняла, что он собирается сделать.

– Вы не можете.

– Я устал править одним жалким городком. Если бы я жил, ничего не зная, то мог бы быть довольным. Но дьявол, пришедший снаружи, дал мне чертову надежду: за лесом есть внешний мир!

В налитый кровью глазах мэра – нет, человека, который когда-то был мэром – сияло безумие.

– И я подумал: если отважусь выбраться наружу, то слишком рискованно соваться туда всего с одной жизнью. Но если каждая из девяноста шести душ в городке станет мною... тебе не кажется, что этого хватит, даже для внешнего мира?

Истинные намерения Деза на мгновение ошеломили Фил, но вскоре она собралась с мыслями и вернула ему взгляд.

– Никаких шансов.

– Хм? Неужели девка научилась отвечать? – удивленно спросил Дез.

Девушка ещё раз заговорила:

– Вы не сможете захватить их разумы.

Тело Фил могло дрожать от ужаса, но глаза выражали твердую решимость, когда она шагнула вперед.

– Ясно. Ладно, – сказал Дез и одним плавным и привычным движением открыл бутылочку.

– Нет!..

Она испустила вопль, больше похожий на визг, и рванулась к Дезу. Сконцентрировав все силы в ногах, она нацелилась на его правую руку и потянулась, чтобы вырвать пузырек.

Одним привычным движением Дез нырнул рукой под пальто – и клинок ножа, сверкнув в лунном свете, оставил длинный порез на руке Фил.

Лицо Фил на миг дернулось, будто она обожглась, а потом исказилось от боли.

– Никчемная сучка.

Несколько алых капель украсили лицо Деза, пока он с ненавистью смотрел на девушку.

– А-а-а-ах!

Но Фил не остановилась. Она ни на секунду не замедлилась и впечаталась в Деза всем телом.

– А-акх?!

Сам по себе толчок, нанесенный миниатюрной девушкой, не представлял угрозы, но Дез поскользнулся на покрытой тонким слоем льда земле вокруг колодца.

Они рухнули возле колодца – мешанина спутанных конечностей и безжалостных ударов.

В драке не оставалось места для трезвых мыслей, и девушка сражалась, яростно вопя, как животное.

Спустя минуты...

...заслышав шум, сюда примчались горожане и увидели...

Ведьму, которую они всегда презирали и считали ниже себя.

Ее покрывали алые пятна. А у ног валялось безжизненное тело... тело мэра, Деза Нибиля, с серебристым ножом в горле.

* * *

Я не хотела спасти горожан.

Фактически, я скорее ненавижу их, нежели испытываю какую-либо признательность.

Но даже сильнее этой нелюбви... я боюсь потерять этот мир.

Поэтому... поэтому я убила мэра. Я убила Господина... нет, я убила Деза! Я не сожалею. Конечно, нет.

Внезапные эмоции внутри меня.

Эта называется яростью. А эта – ужасом.

Я поступала соответственно своим чувствам.

Я не дам тебе разрушить мир, мой мир.

У меня не осталось ничего кроме этого поселка и этого леса.

Я знаю. Я понимаю. Всё, что я сделала, я сделала по собственной воле.

– А-а... А-а-ах!

Поэтому я не сожалею.

– Мэ-мэр!

– Дез!

– Разве это возможно?!

Конечно, нет.

– Фил... Маленькая дрянь убила мэра!

Я знаю. Я всё понимаю.

– Будь они прокляты, они всё-таки все слуги демона!

– Они пытались обмануть нас, притворяясь послушными, не так ли?!

Я знала, что так и будет.

– Убийца.

Что они назовут меня так...

– Демон.

...и так...

– Ведьма...

...и так...

– Как ты посмела поступить так с поселком, где тебя приютили!

...и так...

– Наконец, ты показала свою истинную злобную натуру!

Я знала, что назовут...

– Хватит!

...я знала, я знала, я знаю, я знаю! Так пожалуйста, пожалуйста, хватит, я знаю, пожалуйста, не говорите больше!

Ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, ничего больше, нет, нет, нет, нет-нет-нет, ни слова больше...

Как только эмоции захлестывают мою способность думать... кто-то крепко меня обнимает.

– Всё хорошо. Всё будет хорошо.

Это Господин Чес. А-а, это не я, окруженная горожанами. Это я, ждущая перед замком возвращения Господина Майзы.

– Почему?..

Почему Господин Чес заботится обо мне? Он же не должен знать, что я сейчас чувствую.

– О... прости. Ты выглядела очень испуганно и не реагировала на мои слова... а потом внезапно расплакалась.

– А...

Я наконец понимаю, что по моим щекам текут слезы.

– Ах... это...

И пока я собиралась с мыслями, чтобы ответить Господину Чесу...

Позади него возник дюжий горожанин и опустил тяжелую дубину прямо ему на макушку.

– Ох...

Я и пискнуть не успеваю, как Господин Чес теряет сознание, а вскоре меня тоже бьют по затылку, и всё вокруг меркнет.

В то же время возле меня, окруженной горожанами, раздается знакомый голос:

– Отец... Фил...

Ах...

– Он... мертв?.. Почему...

Нет, нет, только не это.

– Почему ты... моего отца...

Сначала Господин Фелт кажется растерянным, но вскоре его лицо наполняют эмоции.

– Верни его.

Может, ярость, а может, скорбь.

– Верни его.

Господин Фелт шагает ко мне, оскалившись в ужасной пародии на улыбку.

– Верни моего отца.

Он делает ещё шаг и повышает голос до крика:

– Я тебе доверял! Почему?!

И когда его голос достигает моего слуха... я чувствую, как разбивается что-то в моем сердце.

Ах! Неужели мечтать было ошибкой? Неужели нельзя было и посметь надеяться? Не испытав тех чувств, я бы сейчас так не расстраивалась.

Я пытаюсь что-то сказать Господину Фелту... но брошенный одним из горожан камень бьет меня по затылку, и моё сознание в поселке резко гаснет.

– Мне жаль.

В то же время говорит мне другой голос.

Это Господин Элмер. Я оглядываюсь и вижу, что сижу на кресле в кабине стальной повозки. Справа сидит Господин Элмер и гладит мои волосы, а слева Господин Майза держит в руках что-то вроде колеса.

Моё тело сотрясает сильная дрожь, а впереди, за прозрачной стеклянной панелью, простирается обширный, покрытый снегом лес. Солнце давно село, но дорога перед экипажем яркая, как днем.

Что-то мокрое падает на мою лежащую на коленях руку.

Я понимаю, что плачу. Секунду назад я поняла это при Господине Чесе. Похоже, я больше не могу контролировать эмоции между телами.

– Мне жаль. Я обещал, что твои первые слезы при мне будут от радости или от смеха...

Когда я фокусирую взгляд на лице Господина Элмера, то ничего не могу сказать, потому что от слез перехватывает горло.

Я хочу только свернуться клубочком и плакать, и плакать, но не могу. Я должна кое-что сказать, поделиться знанием.

– Ах... Господин... ес... он...

– Всё хорошо. Успокойся, – говорит Господин Элмер, ласково мне улыбаясь. Улыбка режет сильнее, чем когда-либо смогут грозно нахмуренные брови.

Я задыхаюсь. Всклипываю каждый раз, когда пытаюсь выдохнуть. Но я должна им рассказать. Даже если это значит, что я не смогу дышать... даже если сердце остановится, я должна им всё рассказать...

– Ах... Господин Чес... ах... Господин Чес! Горожане... они...

Я не могу произнести ничего, кроме самых простых слов, но кажется, Господин Элмер и Господин Майза всё равно понимают.

У Господина Майзы твердеет челюсть, и повозка кренится вперед от ускорения. Когда моя спина вжимается в кресло, я изо всех сил стараюсь почувствовать облегчение, зная, что рассказала всё, что было нужно. Но потом говорю себе, что ещё слишком рано позволять себе такую роскошь, и старательно пытаюсь сдержать готовые прорваться слезы.

Смех или слезы, говорю я себе, сначала мы должны спасти Господина Чеса...

И утирая глаза, я решаю смотреть вперед.

** * **

В сознание Чеса вернул резкий треск.

Ему связали руки за спиной, не давая ими двинуть. По теплу позади он полагал, что лежит на полу.

Чес слышал, как вокруг шепчутся люди. Он решил, что лучше не открывать пока глаза, и тихонько изучал окружение, косясь сквозь ресницы.

Они находились в большой комнате. На деревянных стенах плясали красные отсветы. Никаких ламп. Разбудивший его треск, должно быть, издал вспыхнувший сучок одного из поленьев в очаге за спиной.

Возле Чеса лежали ещё два человека.

Две из пяти Фил. Наверно, та, что была с Чесом, и та, что ушла в поселок.

Что случилось?.. Он не помнил никаких столкновений с горожанами за последнее время. И более того, что случилось с Фелтом?

– Эй, похоже, он очнулся.

Один из горожан заметил, что Чес оглядывается, и, подкравшись ближе, грубо пнул его в бок. От острой боли у Чеса перехватило дыхание.

– Ох...

– Как тебе, отродье демоново? – выплюнул детина, глядя сверху вниз на Чеса, который кашлял и пытался перевести дух.

– Мы сомневались, когда захватили вас двоих, но теперь убедились. Вы, чудовища, пытались отравить наш колодец!

О чем он говорит? В голове Чеса воцарился хаос, но он решил пока помолчать и послушать. Он не собирался необдуманно открывать рот и нарываться на ещё один пинок.

– А когда мэр попытался остановить вас, вы его убили... Злобные ублюдки. Вы не подумали обо всем, что мы сделали для вас за все эти годы?

На этот раз он пнут Фил в живот. Казалось, она была без сознания, потому что её тельце приподнялось, а потом с глухим стуком упало на пол.

– Стой! – вопреки себе выкрикнул Чес и тут же об этом пожалел.

– Заткнись!

На него снова посыпались удары, но теперь он приготовился и не сбился с дыхания, как в прошлый раз.

Позади детины ждал ещё десяток горожан, и все как один пялились на Чеса, как на какую-то мерзость. Никто даже не шевельнулся, чтобы остановить насилие.

Обе Фил по-прежнему безвольно валялись без сознания на полу. Только по слабому движению плеч при дыхании можно было понять, что они ещё живы. Хотя бы об этом можно не беспокоиться.

Но так не могло продолжаться вечно. Чес решил заговорить с горожанами и выяснить, что происходит.

– Люди, зачем вы меня похитили? Разве не вы, мистер, только что сказали, что узнали об яде уже после того, как приволокли нас сюда?

Некоторые из горожан обеспокоенно переглянулись, пораженные невинностью его голоса... но пнувший его детина только ухмыльнулся.

– Хватит притворяться ребенком. Мы знаем, что тебе триста лет, и знаем, что хоть ты и бессмертный, но всё равно не сильнее, чем выглядишь.

Чес вздохнул и подумал о Фелте.

Значит, вернувшись, он и об этом разболтал. Что за наивный мальчишка.

– Ясно. Тогда, полагаю, я могу разговаривать нормально.

Горожане отшатнулись и зашептались, внезапная смена выражения и интонаций Чеса застала их врасплох.

– Ага, так ты, наконец, показал свою истинную сущность.

Детина изображал храбрость, но было ясно, что он тоже глубоко потрясен. Заметив это, Чес начал расспрашивать о том, что его интересовало:

– Заметьте, это не требование, а просто вопрос... Кто и почему решил нас похитить?

Горожанин, пнувший Чеса, обернулся и посмотрел на остальных, но казалось, ему никто не хотел отвечать.

– Потому что ты казался самым слабым... Мы решили схватить тебя, застав врасплох, и использовать как заложника, чтобы избавиться от остальных монстров.

– Вы знаете, что я бессмертен, но все равно считаете, что сгожусь в заложники?

Вопрос был очевидным, и детина ответил немедленно:

– У нас свои способы. Мы можем оттащить тебя в кузню, утопить в чане с расплавленной сталью, а потом бросить в колодец.

Чес содрогнулся, представив эту участь. Просто утонуть в море ещё куда ни шло: рано или поздно друзья спасут его. Но сможет ли он вернуться в исходное состояние, если смешать его с блоком твердеющей стали? Это пугало.

Не обращая внимания на задумчивость Чеса, детина выступил вперед и попытался угрожать. С первого взгляда было ясно, что он крупнее прочих жителей. Наверно, местный громила, разновидность хулигана, существующая в любом обществе.

– И более того... может, ты и не умираешь, но боль-то чувствуешь, правда? – спросил он, вытаскивая из кармана пару клещей.

– Ох...

Пытки... Как только в уме Чеса возникло это слово, в его сердце поднял голову ужас.

Ад, пережитый семьдесят лет назад в поезде, внезапно вернулся к жизни.

Мужчина заметил, как исказилось от ужаса лицо Чеса, и хихикнул, угрожающе открывая и закрывая клещи.

Чес понял, что против воли не сводит с клещей глаз, и забарахтался в поисках слов, чувствуя, как на ладонях проступает пот.

– Погодите. Я просто хочу узнать, кто придумал этот план. Вот и всё.

Чес знал, что ответом будет «Дез», и пытался выиграть немного времени для схватки с собственным ужасом, но...

Ответ обрушился на него ведром ледяной воды в лицо.

– Это Фелт.

Чес поднял голову и обвел взглядом стоящих вокруг горожан.

Судя по выражению их лиц, они говорили правду.

– Он начал разрабатывать этот план несколько дней назад. Это же Фелт! Он заставил вас потерять бдительность. Дез бы столько не добился, но раз уж мэром стал Фелт, мы справимся.

Не может быть...

Чес молча проклял собственную глупость. Конечно, это было в рамках возможного. Фактически, если объективно подумать, Фелт больше подходил на роль лидера, нежели Дез. Но все равно Чес до последней секунды ему верил. Всего лишь из-за одного разговора.

– Ох, какой же я дурак.

Чес вздохнул, понимая, насколько размяк в последнее время.

– Очевидно, я должен был предусмотреть... это и близко не стоит с пережитыми мной предательствами.

Он в отчаянии потряс головой, хотя мысли стали холодней и четче прежнего. Интонации автоматически вернулись к детским, но он почти мог видеть окружение и слышать звуки позади себя.

– Меня так давно не предавали, что я почти забыл. Да, это действительно больно.

– О ч-чем ты говоришь?

Мужчина не мог скрыть беспокойства из-за внезапной смены поведения Чеса, но все равно протянул клещи, чтобы выдернуть один из его ногтей.

Чес посмотрел в глаза ему. И стоящим за спиной горожанам. Он уже видел такие глаза. Они выражали... ужас. Глаза мужчин и женщин, которые используют жестокость, чтобы скрыть страх, который чувствуют.

Нет... Они совсем не похожи на того монстра.

Чес вспомнил ужас семидесятилетней давности, сравнил его с людьми перед собой и понял, что не боится этих трусов. Фактически, он осознал, что у них такие же глаза, как у снедаемого страхом бессмертного, который давным-давно пытался поглотить его.

– А-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Чес внезапно обнаружил, что безудержно хохочет, потому что на него обрушилось понимание.

Напуганные его хохотом горожане застыли. Обе Фил, разбуженные внезапным шумом, тоже со стонами заёрзали на своих местах.

– Что... что такое? Вы одинаковы. Ох, вы все одинаковы. Фермет и вы все. Как две капли. Конечно. Вот какие люди по природе своей. Теперь я понимаю.

Несмотря на ситуацию Чес продолжал смеяться и, используя только колени, заставил себя проворно подняться на ноги. Казалось, что он смеется над собой. Не нынешним собой, а прошлым.

Горожане не могли скрыть тревоги от неожиданного развития событий, но знали, что со связанными за спиной руками он ничего не сможет сделать. Они мешкали ещё и из самоуверенности, что их больше.

Но тут... Чес сделал то, чего никто из них и вообразить не мог.

– Да, Элмер был прав. Я жил в благословенном мире! И никогда даже не понимал, насколько мне повезло! Как глупо. Я всё это время отвергал возможность жить счастливо!

И высказав вслух своё осознание...

Чес опрокинулся назад, прямо в ревущий очаг.

Содрогнувшись, все до единого горожане машинально отшатнулись. И когда показалось, что пламя охватило всё тело Чеса... веревочный узел на запястьях вспыхнул и развалился.

Озаренный огнем Чес убедился, что руки свободны, и поднялся. Он не полностью попал в пламя, но часть одежды сразу сгорела дотла, а остатки полыхали, весело потрескивая.

Он не спеша повернул к горожанам лицо, половина которого расплавилась, показывая, как плоть скользит на место.

Бессмертный или нет, но неимоверная жара должна быть невообразимо мучительной. Но Чес лишь свирепо улыбался, не обращая внимания на агонию.

— Прочь.

Он бросил всего одно слово, проходя мимо дюжего детины. Тот жалобно вскрикнул и отступил, мгновенно смешавшись с толпой горожан.

Путы на правой руке Чеса осыпались пеплом, и в отсветах огня блеснул спрятанный серебристый скальпель. Чес подхватил его одной рукой и опустил на колени, чтобы разрезать веревки, удерживающие девушек.

Верхняя половина тела кое-где ещё горела, но Чес лишь усмехнулся и повернулся к горожанам:

— Я сказал вам расступиться. Я должен увидеть Элмера.

Приближаясь шаг за шагом, он схватил и сорвал с себя тлеющую одежду.

— Я должен показать Элмеру эту улыбку. Я должен наверстать всё до сих пор упущенное счастье. Элмер должен это видеть, так что... прочь с дороги.

Чес швырнул всё ещё дымящуюся одежду в дальний угол комнаты, где сгрудились горожане. И, словно это было неким сигналом, воздух наконец заполнили их неистовые вопли.

Чес устоял на ногах, игнорируя их, и глянул на девушек:

— Давай, идем.

— А... а, да.

С двумя Фил по бокам он благополучно миновал перепуганных горожан и вышел наружу.

Но в дверях он вынужден был остановиться.

Заслышавшие шум горожане собрались перед домом, и некоторые из них целились в его сторону из ружей. В их глазах был скорее ужас, а не ненависть или жажда мести, и Чес отстраненно подумал: «Похоже, мэр был не слишком популярен».

Он даже не был уверен, действительно ли Фил убила мэра. Хотел спросить, но, похоже, сейчас будет полон рот хлопот с тем, чтобы выбраться отсюда целым.

Ладно, он бессмертен, но если шальная пуля попадет в Фил, то ей наступит конец. Хотя, технически говоря, она не умрет, даже если оба тела рядом с ним перестанут дышать. В конце концов, достаточно, чтобы выжило всего одно тело.

– Что я творю, – удивился себе Чес, стоя в дверной тени и бесцельно вертя скальпель.

Все горожане уже выбежали наружу. Он обдумывал, пойти ли взглянуть на черный ход, или, может, затаиться и попытаться захватить заложника, когда они ворвутся...

Он ещё стоял и размышлял, когда в воздухе раздалось буйное лошадиное ржание.

– Ах... – заговорила одна из Фил, что-то вспомнив. Когда она сказала Майзе и Элмеру об опасности для Чеса, два других её тела, которые были в сознании, произнесли то же самое.

Она не много помнила о том, что случилось дальше, но кажется один из двух бессмертных в замке вскочил в седло и прискакал в поселок.

– Чееееееееес!

Даже когда выстрелы заполнили воздух, небрежно мчась сквозь них, выхваченный из темноты фонарями и факелами горожан...

...приближался мужчина в маске, вопль которого расколол небо.

– Ещё один!

– Проклятье! Слишком рано! Мы не готовы!

– Стреляйте! Стреляйте, черт подери!

– Он... он чудовище! Бежим!

– Стой! Нет! Нам некуда бежать!

Нил скакал по дороге через толпу горожан. Он умело правил лошадью на снегу и, заметив дом, у которого собралось необычное количество жителей, помчался к нему напрямик.

Некоторые из горожан стреляли в него, но пули пролетали далеко от цели. Лучше было бы целиться в лошадь, но в замешательстве никто об этом не подумал. Даже охотники никогда раньше не стреляли в людей и теперь обнаружили, что это не так легко, как они думали. Если на то пошло, то ещё вопрос, много ли животных добыли охотники такого маленького поселка.

Маска Нила сверкала в огнях, словно насмеялась над кинувшимися бежать горожанами... Достигнув дверного проема, в котором прятались Чес и девушки, он спрыгнул и уверенно приземлился на ноги.

– Нил! – вопреки себе с облегчением воскликнул Чес, но голос Нила был низким и хмурым:

– Я заявляю: ярость поглотила меня целиком.

– Что? – нахмурился Чес, недоумевая, что он сделал плохого...

– Тем, кто посмеет, неважно почему, поджечь моих товарищей, не может быть оправданий. Ни пощады. Ни спасения.

Кажется, он рассмотрел в тени тело Чеса и сделал вывод, что горожане пытались сжечь его до смерти.

– Нет, я это сде...

Но пока Чесу в голову пришло объяснить, Нил уже бросился в толпу горожан. Они не смели в него стрелять, боясь задеть кого-то из своих.

– Ох, э-эх!

– Убейте его! Он же безоружен!

В водовороте ужаса и агрессии один житель дерзкого вида нашел в себе силы прыгнуть вперед и воткнуть в Нила тяпку.

– Гр-р-р...

– Умри!

Адреналин ревел в венах человека, который попытался ударить ещё раз, но вдруг понял, что тяпка не двигается.

– Что?..

Нил крепко схватил одной рукой рукоять и повернулся, не обращая внимания на лезвие, засевшее в животе.

– А-а-ах! – удивленно завопил горожанин, выпустил тяпку, и Нил плавно выдернул её из живота. Боль должна была быть невообразимой, но из-под маски не донеслось ни звука.

Закружившись вокруг, как меч восточной танцовщицы, сельскохозяйственный инструмент превратился в руках Нила в ужасное оружие разрушения. Огромное лезвие гудело, рассекая воздух, и было ясно, что никто не переживет его удара. Высоко поднимая тяпку, Нил шагнул к её прежнему владельцу. Точными и четкими движениями он собирался сделать из бедолаги ужасный пример для остальных и уничтожить их боевой дух.

– Я заявляю: я не похож на Элмера. Нет способа погасить мою ярость. И ты... нет, весь ваш поселок, прогневали меня. Так умрите. Умрите, стыдясь своей глупости, жалея о своих поступках, оплакивая свой грехи... Утоните в безбрежном море крови.

Нил знал, что горожане его не понимают, но всё равно озвучивал свой гнев. Мускулы его рук напряглись, и тяпка была готова со свистом рухнуть вниз.

– Стой! Нил!

Подумав, что убийство – это уж чересчур, Чес качнулся вперед в тщетной попытке остановить его...

Но Нил остановил замах до того, как его слуха достиг голос Чеса.

Он услышал, как вдали гудит сигнал автомобиля.

– М-м. Так они вернулись.

Ярость Нила капельку отступила, и он устремил взгляд на вход в поселок.

Горожане тоже повернулись в сторону громкого звука... и разбежались так быстро, как только могли нести ноги.

Огромный грузовик ворвался в поселок на скорости больше пятидесяти миль в час.

Они знали повозку корабейника, но увиденная глухой ночью, сияющая огнями, мчащаяся на них со страшной скоростью, она внушала ужас.

Горожане разбежались, вопя от страха. Грузовик угрожающе спускался по дороге, будто хотел их растоптать, и только Нил остался на месте и поднял руку, чтобы поприветствовать Майзу.

Бум.

А потом он взлетел в воздух от лобового столкновения.

Грузовик пытался замедлиться, но расстояние было слишком мало, чтобы полностью остановиться. Недостаточно быстро затормозив, он впечатался прямо в Нила.

– Нил! Ты в порядке?

Майза выскочил с водительского места и побежал к Нилу, упавшему возле Чеса.

Хлещущая из тела Нила кровь резко развернулась и втекла обратно, и он внезапно вскочил на ноги и схватил Майзу за грудки.

– Майза, я изволю выслушать любые твои оправдания...

– Мне жаль! Я думал, ты отойдешь! Ты не двинулся, и я пытался остановиться, но...

– Неудовлетворительно.

Нил занес кулак, но Элмер закричал с переднего сиденья раньше, чем на Майзу обрушился многотонный удар праведного возмездия.

– Вы оба, хватит болтать, влезайте уже!

По выражению лица было ясно, что ему очень хочется посмотреть, чем закончится разговор, но даже Элмер понимал, что сейчас важнее.

– Пфф, закончим позже. Сначала надо уехать... избиение жителей подождет, – мгновенно успокоился Нил и шагнул в кузов, мрачно бурча под нос.

Несколько пуль ударили из темноты по неподвижному грузовику, но куда устаревшим снарядам до современной военной техники.

– Держитесь крепче, – крикнул Майза, заводя двигатель. По ночной дороге грузовик разогнался как пушечное ядро.

Десять минут спустя

Четыре бессмертных и четыре гомункула медленно тащились по горному перевалу.

Лишенный одежды Чес почти мгновенно потерял сознание от холода, и Нил без лишних слов нагнулся, взвалил его на спину и пошел дальше.

Чтобы оживить атмосферу, Элмер, как всегда, попытался разогнать нависшую тишину добродушными комментариями:

– Эх, и тут у нас кончилось горючее. Золотая комедия, скажу я. Ну же, разве не здесь нам полагается начать смеяться?

– Я заявляю: заткнись, Элмер, пока я тебя не пришиб.

На полпути к замку двигатель вдруг зачихал и умолк, и Элмер заметил, что индикатор топлива мигает. Майза знал об этом с самого начала, но решил не придавать значения – спасение товарищей было важнее.

Конечно, ради спасения Чеса Элмер бы тоже понадеялся на лучшее, даже заметь он показания счетчика раньше.

– Нужно как можно быстрее вернуться в замок и забрать Сильви и Фил.

– Хм, а мы все в грузовик поместимся?

– Если нужно, туда и двадцать человек влезет. В конце концов, есть же истории, как, спасаясь из военных зон, в грузовики набивались дюжины беженцев. В крайнем случае, мы можем перелить топливо из грузовика в снегоход.

Майза поддерживал разговор всю дорогу до замка... но, увидев ворота, Фил внезапно умолкла.

– Что случилось?

Четыре Фил секунду помолчали, а потом решительно заявили:

– Я возвращаюсь в поселок.

– Хм? Почему? – спросил сбитый с толку Элмер.

– Это правда, что я убила мэра... – объяснили четыре девушки, опустив глаза. – Я должна вернуться и заплатить за это.

– Чушь, – тут же отрезал мужчина в маске. – Никто из них тебя не послушает, даже если вернешься. Тебя замучают и убьют, посчитав злодейкой, которая пыталась отравить жителей.

– Я знаю... Всё нормально. Даже если они никогда не поймут, если жители... если боль Господина Фелта от потери отца хоть на крохотную каплю уменьшится...

Она не закончила, а Нил уже приподнял одну из девушек за воротник. На снежной дороге, залитой лунным светом, она оказалась с ним лицом к маске.

– Я заявляю: я зол. Я дрожу от злости. Можешь даже назвать её яростью. Ты говоришь «это нормально» в лицо собственной смерти. Но я заявляю. Нет, я говорю тебе! Неважно, понимаешь ли ты их! Они каждый день мучили тебя, а потом попытались убить из-за недоразумения! Заявляю ещё раз: я

знаю, что обвинения против тебя ложны. Но ты все равно пытаешься принести себя в жертву, чтобы мы ушли живыми, а горожане обрели душевный покой? Может, ты такое и прощаешь, но я нет.

От сердитых слов Нила у Фил на глазах выступили слезы.

– Я уверенно заявляю. Если любая крыса из этого поселка прольет хоть каплю твоей крови...

Он мягко опустил девушку на землю и тихо продолжил:

– Я заявляю: это будет истребление. И не в твоих силах будет остановить меня.

Высказавшись, Нил направился к замку...

Но позади него уверенно и невозмутимо прозвучало:

– Нет. Ты не можешь.

Нил снова остановился и оглянулся на говорившего.

Неожиданно серьезный Элмер спокойно смотрел на Фил и Нила.

– Тогда горожане не будут счастливы. Поэтому ты не можешь их убить. И разумеется, никаких возвращений Фил. Это даже обсуждать не стоит.

– Что за глупости? Будь у меня хоть полшанса, я бы напалм на поселок сбросил. С чего мне заботиться об их счастье? Со Сцилардом ты так же обращался...

Нил собирался разразиться долгой и торжественной проповедью, но Элмер его оборвал:

– Не только горожане, Нил. Ты, я и эти дети. Мы все будем несчастливы.

Нил замолк, застывший лик маски ничего не выражал. Но, похоже, он прислушался, чем и воодушевил Элмера продолжить.

– Предположим на секунду, что Нил вернулся и убил всех жителей. Эти ребята подумают: «Ах, нас истребил демон. Чем мы заслужили такую жестокую участь? Мы жили своей честной и доброй жизнью... Всё потому, что девчонки продали свои души дьяволу». Ты позволишь этому случиться? Сможешь простить? Конечно, нет. Мы же хотим заставить их понять, что они натворили. Без Деза, мы хотим убедиться, что остальные точно поняли, какое преступление совершили, все эти годы издеваясь на несколькими беззащитными девочками, разве нет?

Слушая долгую речь Элмера, Нил хранил молчание. Резко развернувшись и снова направившись к замку, он сказал:

– Я бы тоже хотел, чтобы они прочувствовали тяжесть своих грехов. Но это, наверно, невозможно.

– Элмер, я понимаю, что ты имел в виду, – сказал Майза. Судя по грустному выражению лица он был согласен с Нилом. – Но, учитывая, как всё обернулось, я бы сказал, что разговор с горожанами будет несколько натянутым.

Нил сделал ещё несколько шагов и свирепо рыкнул:

– Проклятье, в этой истории нет злодеев. Корень зла сдох семь десятков лет назад! Из этого бардака не выжать хорошего конца!

Прозвучало, будто он сдался, но Элмер не согласился:

– Тут ты ошибаешься. Я согласен, что мир не так справедлив, как должен быть. Конечно, нет. Но пока ещё осталась надежда, не сдавайся.

Он помедлил и тихо, словно сам себе, добавил:

– Смех никогда меня не подводил. Поэтому... я тоже не могу его подвести.

– И это всё, до чего ты додумался за три века жизни! Есть же предел даже твоему идиотизму. Хватит меня смешить.

– Не за три века. Я пришел к этому заключению, ещё не став бессмертным. Просто никогда толком его не высказывал.

На спокойный ответ Элмера Нил в отчаянии покачал головой:

– Я счет потерял, сколько дураков-идеалистов вроде тебя, видел подыхающими, как собаки, на полях сражений.

– Ну, разумеется. Тот, кто заботится о чувствах даже своих врагов, не выживает на поле битвы, где нужно убивать или будешь убит. Поэтому, это должен быть я. Я бессмертен, так что могу позволить себе это воплотить. Нет, я должен. Знаю, это самонадеянно и подло, но я просто обязан!

– Болван.

– Верно, я болван, так что недостаточно умен, чтобы изменить свой образ жизни. Да... Я бы продал души всего человечества дьяволу, если бы считал, что это даст нам хороший финал.

– Это парадокс, – заметил Майза, но даже говоря это, он понимал, что такова сущность человека, известного как Элмер.

Элмер С. Альбатросс не остановится ни перед чем, чтобы получить счастливый финал.

– В такие времена я задумываюсь, как хорошо было бы, стань ты пристойным комиком.

– А? Что такое? Я... не смешной? Как думаешь, меня можно сравнить с Энди Кауфманом⁹ или, может, с Джимом Керри¹⁰?

– Не твой случай. На самом деле, твои шутки злят людей, а не смешат... О! Может, если отнять у Энди его талант, мы получим тебя.

– Хотя и чувствую, что меня только что чрезвычайно оскорбили, я не обращаю внимания на эту предательскую мысль. Ты хороший друг, Майза, и я тебе верю.

– Если веришь, то прими мои слова к сведению.

– Секундочку, ты не Майза! Кто ты такой, чертов жулик?!

Элмер бросил бессмысленно шутить и внезапно оглянулся на Фил:

⁹ Эндрю Джеффри Кауфман — американский шоумен, актёр и артист реву

¹⁰ Джеймс Юджин «Джим» Керри — канадо-американский актёр, комик, сценарист и продюсер. Известен по фильмам «Маска», «Эйс Вентура», «Шоу Трумэна» и др. Один из самых высокооплачиваемых комиков США

– В любом случае, надо зайти внутрь. Время шутить наступит позже.
Элмер широко улыбнулся, но замершая на месте Фил не отреагировала.
– ?

Обеспокоенные Майза и Элмер подошли ближе... а Фил все вместе сильно задрожали.

Одна из них с ужасом в глазах посмотрела на Элмера.

– Чу... Чудище... чудище забрало Госпожу Сильви! Там... там ступеньки... спрятанные в библиотеке... Оно забрало её под землю!

– !

Как только она договорила, Нил почти швырнул Майзе бесчувственное тело Чеса.

– Оставляю его на вас, Майза.

– Я тоже пойду, – торопливо сказал Элмер и вслед за Нилом бросился в замок, оставляя Майзу позади. Но даже спеша по залам, Нил выкроил время спросить Элмера:

– Я спрашиваю: знаешь ли ты что-либо об этом чудище?

– А почему, ты думаешь, я бегу? Конечно, нет, тупица!

Глава 5 ~ Улыбка ~

CHAPTER 5 SMILE *Elmer C. Albatross*

Вдали от замка лежало старое кладбище. Там – к одному из окрестных деревьев – и привязали Сильви. Было видно, что её опутали не веревкой, а странной субстанцией, похожей на отвердевший бетон. Но тусклого лунного света не хватало, чтобы точно разглядеть цвет материала.

– Что ты собираешься со мной делать? – спросила Сильви. Её голос прозвучал не слишком обеспокоенно, хотя на лице и появилась неуверенность.

Прислонившаяся к надгробию фигура, на которую она смотрела, не шевельнулась и легкомысленно отозвалась:

– Всё, чего я хочу – знание. Знание, которым вы, бессмертные, обладаете. Я собирался попытаться соплыха Чеса и поглотить его, когда он ослабеет... но даже не предполагал, что всё так обернётся. Честно говоря, я и сам не знаю, что делать.

Силуэт перед ней склонил голову набок, словно зайдя в тупик.

– А вот твоё тело захватывать я бы не хотел. Я тебе обязан, да и не желаю оказаться вдруг запертым в женском теле.

– Ты не думаешь, что победить могу и я?

– Нет, не ты. Твоё желание исполнилось, не так ли? Ты получила вечную красоту, к которой всегда стремилась. А у меня есть четкая цель, которой я ещё не достиг. Поэтому тебе никогда не одолеть меня.

– Рискнешь попробовать? – спросила Сильви.

Казалось, тень задумалась, потом отвернулась и буркнула: «Неа».

Повисла пауза, и Сильви воспользовалась ею, чтобы высказаться.

– Вот что я думаю, – с нажимом сказала она, не обращая внимания, хочет ли тень её слушать.

– Чтобы стать самой красивой женщиной мира, ведьма делала много гадостей. Но, добившись своего, она решила: «Я достигла своей мечты и теперь проведу остаток жизни, помогая другим исполнить их желания». Тебе не кажется, что это хорошая история, хотя, конечно, зависит от того, насколько плохи были её поступки. Разве это стремление нельзя считать новой целью?

Силуэт обдумал её слова. Потом покачал головой, признавая поражение:

– Я... наверно, я не могу позволить себе такого развлечения.

* * *

– Я принес из машины лампу.

– Опаздываешь. Что ты так долго? Фу, как бензином несет...

– Прости, не сразу нашел.

Дойдя до библиотеки, из которой вел тайный ход, они на секунду замерли, удивленные хаосом, царившим в комнате.

Почти все книжные полки валялись, как опавшие листья, словно по комнате пронесся торнадо.

– Фил!

Одна из Фил неподвижно лежала в углу. К счастью, она, похоже, была просто без сознания, и её жизни ничто не угрожало. Её легонько потормошили, и вскоре она открыла глаза и тут же начала описывать, что случилось.

– Внезапно появилось чудовище... схватило Госпожу Сильви... и швырнуло меня вместе с книжным шкафом об стену...

Затаив дыхание в дурном предчувствии, Элмер и Нил высоко подняли лампу и сделали первые шаги по тайному ходу. Сначала они не хотели брать с собой Фил, но протесты девушки и мысль, что опасно оставлять её одну, заставили их передумать.

Когда они спускались по тоннелю к кладбищу, Нил с любопытством сказал:

– Странно... Могу поклясться, что где-то по пути камень сменялся землей...

Лампа освещала только каменные стены. Красная земля, которую Майза и Нил видели здесь в прошлый раз, нигде не показывалась.

Когда они добрались до конца и Нил отодвинул в сторону камень, закрывающий выход, то сразу же увидели Сильви, привязанную к дереву.

– Вот и вы, – раздался позади них молодой голос. – Будет больше проблем, чем я думал.

Нил напрягся, развернулся... и обнаружил перед собой человека, которого никогда раньше не видел.

За его спиной на поверхность выбрался Элмер и всмотрелся в темную фигуру:

– Что? Стой, ты же...

Фил, шедшая последней, непроизвольно вскрикнула, увидев незнакомца:

– Господин Фелт!

Когда лунный свет полностью осветил лицо юноши, в глазах Фил мелькнуло смущение, и она в замешательстве замолкла.

– Привет... мистер Нил, правильно? Вы впервые видите меня как Фелта Нибиля...

Он вежливо представился... и тут, хотя голос остался по-юношески звонким, интонация полностью сменилась на безобразно-высокомерную:

– Но ты уже знаком с Дезом Нибилем, демон в маске!

Троица перед ним мгновенно застыла... А потом, словно осознав великую истину, Элмер пробормотал:

– Неужели... вы же... мэр, вы же не напоили этой водой собственного сына...

Подобное даже представить было страшно, но юноша только помотал головой:

– К несчастью, нет. Мой сын... мой сын умер пятнадцать лет назад. Во сне, новорожденным младенцем.

Фелт оперся на надгробие и начал свой рассказ, будто предлагая им подарок, который они унесут с собой в могилу.

– Не знаю, что это была за болезнь, но казалось, что он просто заснул. А я-то думал, что у меня впереди долгая и счастливая жизнь, когда женился на дочке мэра.

В момент, когда он почти достиг своей цели, когда, наконец, вскарабкался на вершину здешнего мирка, он потерял единственного сына. Он забрался в лабораторию, решив скрыть смерть сына от жены. Он соврал ей, что идет посоветоваться о больном малыше с торговцем, а сам впрыснул свою «воду» в резервуар, где росло его следующее тело. Украденного гомункула он выдал за своего ребенка и жил двойной жизнью, деля одно сознание между двумя личностями: «Дезом» и «Фелтом», пока его жена не умерла от болезни и даже после этого.

Чтобы выставить перед горожанами Фелта сообразительным и расторопным, он специально изображал Деза как надменного, холодного и

жестокого человека. Он продолжал делать так же, даже когда Элмер прибыл в поселок... но в его уме что-то изменилось.

Внешний мир. Когда наличие жены перестало приковывать его к поселку, он почувствовал, что может сбежать через лабораторию во внешний мир. Мысль ещё не до конца оформилась, но уже крутилась в голове и отказывалась уходить.

И, пока Сильви описывала мир за пределами леса, эта мимолетная идея превратилась в цель всей его жизни.

– Услышав про волшебный мир снаружи, я задумался...

Юноша печально смотрел в ночное небо, и ненависть переполняла его голос.

– Если бы поселок не был изолирован... Если бы у меня был доступ к доктору из внешнего мира, то мой сын! Моя жена! Никто из них бы не умер!

Он выпрямился и, словно в порыве чувств, широко раскинул в воздухе руки.

– Я с самого начала это всё ненавидел. Поселок, созданный ради единственного эксперимента. Ту девчонку! Себя! Поэтому я решил. Когда придет время мне покидать город...

Золотистые глаза юноши угрожающе сверкнули в слабом свете луны и сфокусировались на девушке возле Элмера.

– Я оставлю его в руинах.

Элмер слушал молча, словно глубоко задумавшись, рядом с ним неподвижно застыла потрясенная Фил. Молчала и Сильви, сосредоточенно хмуря брови... Только Нил фыркнул и шагнул вперед, излучая величие.

– Вот. Я внимательно выслушал тебя. Теперь ты готов умереть?

– Ой-ёй-ёй... какой ты нетерпеливый!

– Я заявляю: заткнись. Во внешнем мире есть миллиарды людей более несчастных, чем ты. Во мне нет жалости к тому, кто оплакивает собственную судьбу, – отрывисто сказал Нил, сделал ещё шаг вперед и вытянул руки, чтобы схватить юношу за горло.

– Эй, Нил! погоди секунду! – закричал Элмер, пытаясь его остановить...

Но прежде, чем Нил успел отреагировать, что-то обвилось вокруг его щиколотки.

– Что?

В тот же миг Нил взлетел в воздух и повис вверх ногами. Так же быстро нечто дернуло его вниз, впечатывая в твердую землю.

– Ох!

Что-то огромное накрыло Нила, упавшего ничком на грунт.

– Разве ты не слышал, как я сказал, что добавил свою воду в собственный резервуар? Её впитала эта масса плоти, которая должна была стать моим следующим телом. Вот как всё получилось! Зачем мне теперь волноваться о старении или длительности жизни? Я могу... могу быть бессмертным, как вы!

Огромный багровый ком плоти – будто кто-то взял кусок гниющего мяса, небрежно разрубил его на части, а потом снова слепил их вместе – извивался, как монстр в видео-игре, и с него капала отвратительная слизь. Было сложно сказать, насколько он велик, но, казалось, как минимум в два раза больше взрослой коровы.

– Теперь смотрите. И жалейте меня, высмеивайте меня, бойтесь меня. Это я, который никогда не закончит становиться мной... Ха-ха-ха-ха-ха!

Пока гомункул в облике юноши безумно хохотал, Элмер пробормотал себе что-то под нос, но неслышанные слова рассеялись в холодном воздухе.

– Не... не заставляй себя смеяться...

* * *

Когда Чес и Майза, узнавшие новости от Фил, добрались до кладбища, они столкнулись со странным зрелищем. На их глазах огромная масса алой плоти обвилась вокруг Нила и Элмера и колотила ими оземь.

– О нет! – воскликнул Фелт. – Прибыла подмога!

От неприкрытой издевки в голосе юноши Майза сдавленно вскрикнул.

– Ну что, начнем переговоры?.. – заговорил юноша. В лунном свете его лицо казалось жестким и хищным.

– Переговоры?

– Я думаю напоить кого-то из вас водой и захватить его тело... так что, почему бы вам самим не выбрать, кто это будет?

– Сколько ещё? – отрывисто спросил Нил, восстановившись после двадцатого удара о землю, ломающего кости.

– Что?

– Ты сказал «погоди секунду». Так сколько ещё мне ждать?

Элмер вспомнил свои недавние поспешные слова.

– Я заявляю: я подожду ещё минуту. Если ты ничего не сделаешь... я отомщу. Этому кому плоти, дураку, который его контролирует... И весь поселок станет хворостом для огня моего гнева. Если не хочешь, чтобы это воплотилось в реальность – сделай что-нибудь.

Элмер секунды три обдумывал предложение Нила, а потом заговорил:

– Я бы сказал – звучит просто великолепно! Ты пытаешься взвалить ответственность на меня, потому что сам не знаешь, что делать?

– Твой невообразимо дурацкий комментарий уменьшил время на тридцать секунд.

– По-погоди! Стой, стоп! Эх-х...

Всё ещё висая вверх ногами, Элмер пожал плечами... и изрыгнул содержимое желудка. Вылетевшая из его рта жидкость полностью покрыла гору мяса, управляемую Фелтом.

В воздухе завоняло чем-то острым и жгучим. Запах разнесся от Элмера по всей поляне.

«Масло?! Нет... Что же это?!»

Фелт обернулся, удивленный незнакомым ароматом в воздухе.

– Фил! Беги! Майза! Не дай ему уйти!

Майза первым узнал запах и ринулся вперед, не дожидаясь, пока Элмер договорит.

За тот краткий миг, когда Фелт отвлекся на то, что позади, Майза сжал его, как тисками. В юном теле Фелта не хватало сил, чтобы освободиться, и он замер в хватке Майзы, лицом к кому плоти.

– Может ты и слышал от Сильви о внешнем мире... но полагаю, ты ещё не знаком с чудесами бензина, да?

С этими словами Элмер изо всех сил грохнул лампу о надгробие.

Из разбитой колбы вылетела искра...

И ночь озарилась вспышкой багряного света.

* * *

– Ну, не мог же я отправиться на встречу с чудовищем неподготовленным, правда?

– Никогда бы не подумал, что ты напьешься бензина, – буркнул Нил.

– Удивлен, да? – весело хихикнул Элмер. – Тогда смейся... уф, мне всё нутро перевернуло. Ну да, пить бензин не стоило. Не будь я бессмертным, мог бы и помереть.

Сам по себе взрыв был не так уж и велик. Всё-таки есть же предел тому, сколько жидкости может поместиться в желудок человека. Но багровая масса плоти, застигнутая внезапным шквалом огня, мгновенно вспыхнула и сгорела дотла, неистово корчась в пожирающем пламени. Конечно, Нилу и Элмеру тоже досталось, но их обожженная плоть быстро восстановилась.

Бензиновая вонь и смутно напоминающий барбекю запах заполнили воздух, смешиваясь в гнилостный смрад, который любого заставил бы задыхаться.

Что же до Фелта...

– А-а... а-а-а-а...

– Хм. Меньшего я и не ждал.

Распростертое на снегу тело конвульсивно вздрагивало, и взгляд юноши оставался пустым.

– Он только что испытал сожжение заживо, причем поверхность кожи была гораздо больше, чем у обычного человека.

– Ну, должен сказать, умереть в огне в любом случае неприятно, – Майза поделился личным опытом, возможным только в силу их бессмертия. В то же время Элмер подскочил к Фелту и обхватил его руками, пытаясь усадить.

– Эй, – сказал Нил, для виду пытаясь остановить Элмера, на что тот только рассмеялся:

– Я же управился за минуту, как и обещал, правда? Теперь я о нем позабочусь.

– Говоря «позабочусь», ты имеешь в виду...

Как только Майза начал озвучивать свои опасения...

...живот Фелта лопнул, и оттуда вырвался кусок плоти.

– ?!

– Элмер!

Никто ничего не успел понять, а ком плоти уже исчез во рту Элмера, как оказалось, таща за собой маленькую бутылочку.

– Грркррк!

Несмотря на все усилия, бутылочка и плоть протолкнулись по пищеводу Элмера в желудок. И юноша, истекающий кровью из раны в животе, торжествующе рассмеялся, словно одержал абсолютную победу.

– Ха-ха... ха-ха-ха-ха-ха! Попался, чудовище... Конечно, я бы ни за что не собрал всю свою плоть в одном месте... Ты только что проглотил пузырек с моей «водой».

– Маленький ублюдок!..

Нил поднял юношу за горло так, что тот подавился и закашлял кровью.

– Как только... я разобью пузырек... мы с тобой начнем битву за контроль над твоим телом... От... от неё зависит моя жизнь... Если я проиграю... мне конец. Я... не могу умереть здесь. Я хочу увидеть внешний мир! По силе воли мы равны... Нет, у меня преимущество!

В рассуждениях было мало логики, но глаза умирающего Фелта лихорадочно сияли – ярче, чем когда бы то ни было.

По спине у Майзы и Нила побежали мурашки, и они невольно отступили назад... но улыбка ни на секунду не сходила с губ Элмера.

Фелт уставился на него с непримиримой ненавистью, видимо, в ответ на эту вечную усмешку.

– Почему... почему до сих пор улыбаешься?.. Разве ты не боишься... смерти...

– Боюсь, конечно. Но я выиграю это сражение, сто процентов.

Из-за безоговорочной уверенности в голосе Элмера свет в глазах Фелта на миг потускнел.

– Что?.. Чепуха...

– Пока ты не разбил пузырек, предупрежу лишь раз. Ты зря потратишь время.

От следующего поступка Элмера у Майзы похолодела кровь.

У всех, кто это видел, внезапно пересохло во рту. Разве что Чес, будь он здесь, сохранил бы спокойствие.

Элмер схватил правую руку Майзы и положил себе прямо на лоб.

Всего-то.

– Если я проиграю, Майза тут же меня поглотит. Так что твои шансы выбраться отсюда живым... равны нулю.

Элмер ухмылялся от уха до уха. На лбу Фелта выступил холодный пот.

– Ты... ты блефуешь.

На секунду по его лицу пробежало отчаяние, но он собрался, и свет в глазах вспыхнул ещё яростней.

– Ты, ты болван. Даже если ты это сделаешь...

– Хочешь сказать, ты используешь мои воспоминания и притворишься мной, так?

– !

– Тогда ладно, меняем план. Майза, как только пузырек разобьется, немедленно ешь меня. Не жди дальше.

– Понял.

«Что?.. Нет! Он врет! Он ни за что так не поступит!»

В мысли Фелта вкралась сумятица, и он с тревогой глянул на Майзу.

Но... Лицо Майзы, которое во всех воспоминаниях Фелта хранило только выражение отстраненной доброжелательности, сейчас окаменело. Стоящий здесь человек мог хладнокровно убить младенца и глазом не моргнуть.

– Этот парень мафиози, знаешь ли. Он умеет абстрагироваться.

– Не мафиози, Элмер... каморриста.

Даже когда Майза мягко поправил Элмера, его взгляд ничуть не изменился, оставаясь ровным и холодным.

«Что за... он блефует?.. или он...»

Несколько секунд Фелт колебался...

Не зная, что этим решил свою судьбу.

– Всё кончено.

Из тела Майзы вдруг ушло напряжение... а Фелт внезапно понял, что с животом Элмера что-то не так.

Фелту показалось, будто в него что-то вцепилось, и в тот же миг Майза вытянул вперед левую руку и раскрыл ладонь.

Только тогда Фелт осознал абсолютную реальность своего поражения, и его с головой накрыло отчаяние.

В левой руке Майза держал ком плоти, которому полагалось быть в желудке Элмера, а Элмер в правой руке – бутылочку с прозрачной жидкостью.

– Удивлен, правда?

Элмер запрокинул голову и расхохотался. В свою очередь Майза вытер со лба холодный пот и глубоко вздохнул.

«Я и подумать не мог, что он его выпотрошит заживо под болтовню...»

Схватив правую руку, Элмер заслонил от взгляда Фелта значительную часть тела Майзы, и тот, используя это слепое пятно, достал нож и вспорол Элмеру брюхо. Фелт лежал ничком на земле и не мог видеть, как хлынула кровь,

скрытая лапами тренча Майзы. А окончательно сразила его мысль, что они смогли на лету придумать такой план.

– Мы не зря столько прожили, малыш! – бодро сказал Элмер, изучая рану на животе Фелта. – Держись!

Но она оказалась куда серьезнее, чем он предполагал.

– Ой... Майза, что нам делать?

Майза нагнулся и внимательно осмотрел повреждение. Потом вздохнул и покачал головой:

– Ему не помочь.

И тогда... лицо Элмера впервые погрузнело.

– Я надеялся, мы сможем его спасти...

– Ха... так... так не всё бывает, как ты хочешь... Так тебе и надо...

Но Элмер едва прислушался к словам, что выталкивал изо рта умирающий Фелт, и в раздумье склонил голову набок.

– Но когда ты умрешь, я просто улыбнусь.

– ?..

– Не могу сказать, что забочусь о мертвых. Я могу восхвалять тех, кто умер не напрасно, и улыбаться в память о них... но всё, что останется после твоей смерти, – это сам факт. Я имею в виду, что твоя смерть ничуть меня не расстроит. Мы все будем радоваться, потому что это значит, что зло повержено.

– Чт...

Элмер громко расхохотался, обрывая Фелта на полуслове:

– Подумать только, ты только что сказал, что так мне и надо, да? Ты добился своей цели расстроить меня, правильно?

Тогда-то к Фелту и пришло осознание, которого он не мог отрицать.

– Так что это счастливый конец, правда? Ну же... Улыбнись.

Зло...

Если разделить мир на добро и зло... Элмер С. Альбатросс точно попал бы в последнюю категорию. Настолько, что ему идеально бы подошло слово «демон».

Это сложно понять, потому что он хотел всего лишь «счастливого конца», но это правда. Остальное было для него неважно. Ничего не важно. Он ни перед чем не остановился бы ради исполнения своих желаний. Его истинная натура – абсолютное зло. Но всё равно вокруг него не было несчастных.

Квинтэссенция чистого зла, которую сам Элмер не осознавал... была центром его существа.

Теряя сознание, Фелт проклял свою глупость за попытку напрямую противостоять кому-то вроде Элмера.

Возможно, Элмер знал, о чем думает юноша, возможно – нет. Он ничем этого не выдал, когда снова заговорил:

– Если тебе это не подходит – не умирай.

По лицу Элмера пробежала тень грусти. Фил, до сих пор наблюдавшая со стороны, подошла ближе.

– Всё кончено...

– Нет, нет! Не хочу, не хочу! Проклятье, если бы только рядом был доктор... И тут Фил вспыхнула белым пламенем ярости.

* * *

Я в ярости. Вот и всё.

Конечно, потрясением было осознать, что он меня обманывал.

Но важно не это.

Я теперь злюсь, потому... Потому что Фелт так мало думает о собственной жизни.

Возможно, совсем недавно и я была такой же. Я вижу. Я понимаю, почему так злился Господин Нил. Внутри меня собирается и усиливается всё, даже разочарование в себе, будто в любой момент готовое вырваться.

Почему, почему я должна зависеть от милости кого-то подобного?

Я столько страдала из-за его эгоистичных мыслей, а теперь он пытается сбежать, даже не дав мне шанса заставить его понять, о чем я думаю.

Непростительно.

Я могла бы в итоге простить его за всё со мной содеянное. Но... не за это.

Ведь прежде всего это значит, что мне больше не будет кого прощать.

Объект моей ненависти скоро исчезнет. Тогда какой выход останется моей ярости?

Я не могу дать ему умереть. Я не могу дать ему сбежать. Ни за что.

В голову приходит мысль, и рука тянется без малейшего колебания.

К бутылочке, которую держит Господин Элмер.

* * *

– Господин Элмер, всё будет хорошо. Пожалуйста, улыбнитесь, как обычно.

– Что?

И пока Элмер пытался понять смысл её слов... Фил выхватила из его руки пузырек, открыла крышечку и одним быстрым движением выпила содержимое. И в тот же миг... обмякло тело Фелта. Смерть добралась до его плоти.

– Фил!

– Чем ты думала?!

Тишина.

В лунном свете Элмер молча стоял и ждал, пока заговорит девичье тело.

Через миг, что показался вечностью, тело Фил открыло рот.

– Она... она даже не пыталась сопротивляться... почему? – тихо сказал оно.

Теперь его контролировало сознание Фелта.

– ...

Услышав слова, Нил тут же шагнул вперед, чтобы оборвать жизнь Фелта... но Майзу и Элмера отвлек метнувшийся к ним сзади силуэт.

За миг до того, как на всё ещё ошеломленного Фелта обрушился гнев Нила... даже быстрее его кулака... Из леса выбежала другая Фил и со всей мочи влепила Фелту пощечину.

– Не смей сбежать... Думал, просто страданий или смерти... Думал, чего-то такого будет достаточно, чтобы искупить всё, что ты сделал со мной, с Господином Чесом, с Госпожой Сильви, с Господином Элмером?! Да ни за что!

Фил вложила в пощечину всю свою ярость, но окружающие удивились куда сильнее Фелта. Не только потому, что впервые видели, чтобы Фил так бурно выражала свои чувства – куда больше их поразило, что сознание Фил всё ещё жило в другом теле.

– Понятно... Вода действует только на тело. Логично, если подумать.

– Я заявляю: не логично.

На мгновение Фелт замер с перекошенным от шока лицом.

– Это... это значит, что я проживу ещё немного? – наконец пробормотал он, глядя на Фил.

– Ну... не уверен, что в этой стране присуждают смертную казнь за нападение и попытку убийства, – легко ответил Майза, глядя на Элмера.

Но вместо того, чтобы отшутиться, Элмер неожиданно подошел к Фелту и широко улыбнулся:

– Я рад, что ты жив.

Он легонько потрепал теперь женскую голову Фелта:

– Теперь ты сможешь всё искупить.

Несмотря на искреннюю улыбку Элмера лицо, когда-то принадлежавшее Фил, скривилось от отвращения к себе.

– Даже... даже если я выживу и что-то исправлю... что потом? Зачем мне заглаживать вину? Ради чего?!

– Ты уже говорил зачем, верно? Говорил, что хочешь увидеть внешний мир.

– ...

Недовольный Фелт открыл рот, чтобы возмутиться, и Элмер, опустившись перед ней на колени, поднял руку, чтобы погладить по щеке. На этот раз он сумел изобразить на лице подобие серьезности.

– Давай увидим внешний мир, – сказал он робко и тихо, так что никто больше не слышал. – Однажды мы сможем показать его и горожанам.

– Но...

Удерживая Фелта прямым взглядом, Элмер продолжил:

– Быть несчастным не грех. Грех – решить не испытывать счастья.

Элмер мягко улыбался, но Фелт упрямо отводил взгляд.

– Ты правда думаешь, что кто-то вроде меня и Фил может обрести счастье?

Посуровев, Элмер положил вторую руку Фелту на щеку, ласково укачивая его голову в ладонях.

– Видишь ли, несчетное число людей в мире живут и умирают, даже не зная смысла слова «надежда». Они могли осиротеть с самого рождения, или прийти в мир только ради того, чтобы погибнуть от голода или нехватки единственного глотка воды. Снаружи есть люди, рожденные ради единственной цели – умереть. Но вы двое, по крайней мере, знаете, что такое надежда, правильно? Отказываться от неё – оскорбление самой жизни.

Во взгляде Элмера была сила. Может, даже злость. Фелт с вызовом глянул в ответ, будто упрямо отрицая послание.

– Да что ты понимаешь!..

– Конечно, я не знаю, что ты чувствуешь. Даже пройди я через то, что выпало тебе, я бы не понял, потому что уже знаю, на что похож внешний мир. Но это значит, что и ты, выйдя наружу, научишься понимать нас, верно?

Фелт удивленно распахнул глаза и молча уставился на Элмера. Тот, не обращая внимания на её замешательство, негромко продолжал:

– Так что, Фелт, не говори таких грустных слов. Ну, то есть, для меня грустных. Если у тебя есть силы такое говорить, используй их, чтобы надеяться. Узнай, что такое счастье... Я тебя научу. Я научу тебя, даже если это займет годы...

Элмер умолк, взял Фелт за щеки и потянул их.

– Ну... Давай. Же. Улыбнись. Понял?

«Этот человек всё ещё бесспорное зло».

В этом он был уверен.

Но хотя бы на этот раз Фелт решил принять медовое предложение дьявола.

Он понял, что тот уже давно держал его в руках... с того момента, как вступил в поселок. И понимал, что ему не сбежать.

Секунду Элмер изучал лицо Фелт...

В его глазах промелькнула неловкость, и он вздохнул:

– Я сказал, улыбнись, а не плачь, тупица.

Эпилог

~ Дети бутылки ~

После бурных событий прошла неделя, и жизнь в поселке продолжалась, как обычно.

С роковой ночи никто больше не видел Фелта... а смельчаки, что набрались храбрости и решились зайти в старый замок, обнаружили, что он опустел, будто там никого никогда и не было.

Горожане предпочли остановиться на том, что разгневанные демоны забрали Фелта для своих темных целей и ушли.

Демонам прислуживали пять ведьм, и именно на них возложили вину за смерть Деза. Больше никаких вопросов, дело закрыто...

...Или они так думали.

Всё началось однажды утром, когда жители набрали воды из колодца.

Одни её просто выпили, другие – приготовили на ней еду.

– Что?.. Что это?! Что... происходит?!

Как только вода смочила их губы, прямо в головах внезапно появились странные воспоминания. О том, как они издевались над Фил... Но не с их точки зрения, как обидчиков, а словно они сами оказались на месте Фил – жертвы.

Её жалкие попытки защититься стали их битвами, её страдания из-за слепых предрассудков и ненависти – их собственными ранами.

Опыт оказался болезненным. Воспоминания разделились не поровну, они глубже пустили корни в сердцах тех, кто сильнее всего её мучил.

– Хватит... уходи. Я сожалею. Пожалуйста, уйди... Прости меня! Убирайся из моей головы...

Но девушек здесь больше не было, и некого было молить о прощении.

Снова и снова солнце вставало над поселком. Просочившиеся в разум воспоминания оставались неизменными объективными фактами. И завтра, и послезавтра...

Непрощенным и неосвобожденным от вины, жителям осталась только боль в сердце.

На веки вечные...

* * *

– Должен сказать, что не ожидал найти у тебя злопамятную жилку.

– М-м?

– Да. Я имею в виду, ты вылил «воду» Фил в городской колодец.

Чес и Элмер сидели на диване в лаборатории за лесом и болтали.

– Это их наказание – невозможность попросить прощения за свои преступления. Хотя я правда никогда не думал, что можно заставить кого-то выпить воду, а потом не сопротивляться. Идеальный способ прояснить

недопонимания. Они разделят прошлое Фил, её память и опыт. Когда Фил решит, что с них хватит, она может вернуться. Хм. Может, лучше будет навестить их до того, как умрет старый Билт, и горожане разойдутся своими дорогами.

– Это несколько...

– Кстати о недопонимании. Я слышал, что горожане посчитали мои празднования Рождества и Пасхи демоническими ритуалами. Надо однажды вернуться и всё разъяснить, как ты считаешь?

– Только не делай это лично, – сказал Чес, закатывая глаза, и кажется, Элмер согласился, отводя взгляд и меняя тактику:

– Итак, Чес. Когда ты собираешься мне улыбнуться?

– Э?

– Слышал, ты кричал что-то вроде этого, пока убегал от горожан.

Знающая усмешка Элмера всколыхнула в памяти Чеса события той ночи. Как только его озарило, на что намекает Элмер, его глаза комически распахнулись, и над бровями выступил холодный пот.

– Фи-Фил! Ах ты, маленькая!..

– Да ладно, не пытайся увильнуть. Улыбнись! Тебе нужно что-то смешное? Посмотрим, смогу ли я вытащить тигра из ширмы¹¹ ...

– О чем ты гово... Проклятье! Нет! Не у тебя на глазах! Никогда!

На эту ребяческую вспышку Элмер ухмыльнулся и, подражая голосу Сильви, пропищал:

– Ой, Чес, ты такой милашка.

– Б-бу! – сердито огрызнулся покрасневший Чес, но Элмер лишь запрокинул голову и весело расхохотался.

* * *

Через полгода после стычки в лесу пять алхимиков закончили свои новые изыскания в лаборатории Билта.

Они хотели найти способ для гомункулов выжить вне леса... другими словами – сделать их людьми. Знаний одного Майзы не хватало, поэтому пришлось консультироваться по телефону с неким гомункулом из Нью-Йорка и живущим с ней молодым человеком, но в итоге решение нашлось.

– Так что теперь, Майза?

– Я бы хотел посетить Японию и найти Денкуро, но думаю, сейчас лучше вернуться в Нью-Йорк к семье.

– Я поеду с тобой, – тихо сказал Чес. – Хочу снова кое-кого увидеть.

¹¹ Из истории, где жестокий магистрат стал городским посмешищем, приказав местному мальчишке поймать тигра, нарисованного на ширме. А когда мальчик попросил выманить тигра, чтобы накинуть ему веревку на шею, – злобно заявил, что нарисованные тигры не могу двигаться.

Теперь он знал, что его нью-йоркские друзья – хорошие люди. Он уехал – нет, сбежал – с Майзой, потому что не мог смотреть им в лицо, но... но теперь думал, что сможет быть с ними честным.

Элмер осмотрел остальных, прежде чем высказать своё мнение:

– Тогда, думаю, я прокачусь до Японии. Давненько там не был. Проверю, выпустили ли они нового Супер Марио. Ах, да. Если увижу Денкуро, разумеется, сообщу вам.

– Думаю, я поеду с тобой. Давно не видела мистера Денкуро.

– Я заявляю: я тоже поеду.

Сильви и Нил подошли к Элмеру: теперь стало очевидно, что их пути расходятся.

Даже не попрощавшись, они тихо открыли дверь, ведущую наружу.

В конце концов, недолгое расставание ничего для них не значило. Им принадлежало всё время мира.

– ...

Хотя все направились к выходу... Фелт по-прежнему сидел, забившись в угол кресла, и мрачно смотрел с лица Фил. Сильви заметила её раздумья и отошла к ней.

– Что не так? Разве ты не хотел увидеть внешний мир?

Фелт помолчал, потом медленно поднял глаза на Сильви и ответил:

– А достоин ли я его увидеть?

– То есть?

– Я ещё не уверен. Из воспоминаний Фил я, наконец, понял, каким презренным был. Нет, думаю, лучше сказать, что я снова столкнулся с тем, что уже знал. Даже если Фил сумеет меня простить, что мне делать снаружи? Я полгода об этом думал... но так и нашел ответа. Имеет ли кто-то вроде меня право... жить во внешнем мире?

В голосе Фелта прозвучало отвращение к самому себе, и он понурил голову.

Он скорее почувствовал, нежели увидел, как ладони Сильви касаются его щек, а через секунду уже пристально смотрел на неё. На лице Сильви, как всегда, играла ласковая улыбка – единственное, что выбивалось из её соблазнительного образа.

– Не расстраивайся. Разве Элмер не говорил, что лучше всего ты выглядишь, когда улыбаешься?

– За последние полгода столько раз, что и не упомнить. Но я все равно не могу найти цель своей жизни. Не могу не думать, вдруг всё, что раньше вело меня, исчезнет, когда я выйду наружу?.. Я боюсь.

Сильви присела на краешек кресла рядом с Фелтом.

– Помнишь ту ночь? Когда ты сказал, что у меня нет цели в жизни?

Её слова вызвали такие четкие воспоминания о той ночи, будто это случилось всего пару дней назад. Фелт говорил, что у неё нет цели в жизни, и поэтому она наверняка проиграет поединок воли.

– Если у меня нет цели в жизни, значит ли это, что я не имею права жить или смеяться?

– Ну... Забудь. Это было глупо.

– Нет, я не в том смысле. Я имею в виду, что сейчас ты ошибаешься.

По-прежнему улыбаясь, Сильви посмотрела Фелт в глаза и понизила голос, чтобы только он её слышал:

– Если честно, целью моей жизни было отомстить.

– Что?

Удивленный Фелт уставился на Сильви круглыми глазами.

В улыбку Сильви вплелась доля грусти.

– Когда Сцилард отобрал моего любимого... – продолжила она, – я провела каждый миг следующих трехсот лет, мечтая о мести ему.

– Но ты говорила, что желала вечной красоты...

– Это тоже ради мести. Я думала, что если буду совершенно не похожа на себя, он меня не узнает. Я бы незаметно подобралась к нему и схватила бы ублоудка за голову прежде, чем он бы успел среагировать. Глупо, правда? Но потом... я услышала от Майзы, что Сцилард мертв. Я поверить не могла.

Её голос наполняло сложное чувство, и Фелт безропотно слушал, затаив дыхание.

– Элмер был прав. Я бы с радостью купалась в крови девственниц, если бы считала, что это поможет. Я отчаялась. Поэтому новость о смерти Сциларда меня шокировала. На миг мне показалось, что я потеряла всё, что заставляло меня жить дальше.

На лицо Сильви вернулась улыбка.

– По сравнению со мной твоё желание такое позитивное. Я завидую. И что за желание! Увидеть окружающий мир... Никогда не слышала о такой захватывающей цели. Ты ещё не знаешь, но он куда больше, чем ты можешь вообразить. Я живу три века... но даже не мечтаю сказать, что видела всё, что мир может предложить.

– ...

Сильви заметила подходящий сзади силуэт и улыбнулась шире.

– Возвращаясь к разговору. Пытаясь привыкнуть, что Сциларда больше нет, я кое во что вляпалась... Если честно, не думаю, что выбралась бы, если бы не Майза и Нил.

– ?

– Поэтому хочу, чтобы ты оглянулся на людей вокруг, пока пытаешься оправдать себя и исполнить желание увидеть мир. Этого хватит... Хотя Элмер, кажется, сделал помощь другим людям настоящим смыслом своей жизни.

Высказавшись, Сильви вернулась к товарищам.

Фелт хотел спросить, что она подразумевала, но кто-то схватил его за руку и дернул.

Он обернулся и увидел готовую уходить Фил.

– Идем, – улыбаясь сказала она. Ошеломленный искренностью её улыбки Фелт встал и только потом понял, что согласно кивнул.

– В улыбающемся лице есть что-то волшебное. В прямом смысле волшебное.

– О нет, он снова начал.

– Нет-нет-нет, я серьезно. Увиденная улыбка придает мне сил. Слушайте, улыбка – это лучшая часть генетической памяти человека, а смех – естественное действие с самого рождения...

– А что случилось с плачем и воплями?

– Ай, погоди, посмотри с другой точки зрения. Младенческое «а-а-а» – это на самом деле смех. «Устрашающее Зрелище – Младенец, Орущий От Смеха!» или что-то вроде... нет, может лучше «потрясающее» вместо «устрашающего»?

– Я заявляю: заткнись.

Элмер хотел было продолжить дурацкий спор, но заметил готовых уйти девочек... и они все вместе вышли наружу в залитый солнцем день.

* * *

...Если честно, в глубине души я боюсь, что испугалась бы внешнего мира.

Сколько бы ни пыталась, я не могла найти повода для улыбки после ночи, когда отдала Фелту одно из своих тел. Поэтому я чувствовала скорее тревогу, чем счастье, слыша, что мы собираемся уезжать.

Конечно, было время, когда я хотела увидеть внешний мир. Но могу ли... Могу ли я, так долго знавшая лишь лес, на самом деле приспособиться и выжить во внешнем мире?

«...Тот лес – твоя бутылка и твоя колба. Вы существа, которые не могут жить снаружи...»

Теперь я ясно помню свое прошлое. И не могу забыть слов создавшего меня алхимика. Думаю, это был дед господина Билта, и мне жаль, что я даже не знаю его имени.

Я рассказала о своих опасениях господину Элмеру, а он рассмеялся и сказал: «Всего-то?»

– Вы с Фелтом ещё не вышли из своих бутылок.

Потом его улыбка слегка померкла, и он стал чуть-чуть более серьезным:

– Я считаю, что каждый отчасти гомункул. Мы не можем выжить вне своих колб... вне своего знакомого и уютного мира, понимаешь? Но возможно, точно можно, расширить границы самой колбы... Ох, как бы

объяснить? Лучшего примера я не могу придумать. Это Хью умел понятно формулировать псевдофилософские откровения.

Хью. Я помню, что пару раз упоминание его имени обрывало разговоры бессмертных. Из любопытства я спрашиваю о нем.

– Ну... Я бы сказал, что лучше всего встретиться с ним лично. А, ладно. Когда уедем, ты сама сможешь его увидеть. В любом случае, единственный способ растянуть стекло – нагреть его. Холодное выражение вроде твоего не сработает.

Слушая его, я вдруг нерешительно подумала, что же хочу увидеть снаружи. Я надеялась, что смогу сразу измениться, но, похоже, этому не суждено легко сбыться.

Я думаю, что благодаря людям вокруг за последние полгода смогла накопить немного надежды.

Теперь я хочу улыбнуться господину Элмеру.

Хочу смеяться даже громче него.

И ради этого, думаю, я выйду наружу и увижу мир. Больше, чем когда-либо видел господин Элмер. Может, я увижу то, чего не хотела бы, но я хочу стать сильнее, чтобы даже тогда улыбаться.

Я уеду с Фелтом. Я ещё не полностью его простила, но когда-нибудь во время странствий я научу его смеяться.

И тогда мы вместе улыбнемся господину Элмеру.

...А господин Элмер улыбнется нам. Я заставлю его улыбнуться. И не только его, но и многих других.

И думая о таком дне, я хоть немного, но предвкушаю путешествие наружу.

* * *

– Ох, я научил Фил всего паре праздников из всех, что хотел, – задумался Элмер, стоя перед большими двойными дверями и вспоминая дни, проведенные в замке.

– Хотел рассказать ей про февральский День Святого Валентина. И, разумеется, сделать шоколад. Но потом понял, что приличный шоколад в замке не из чего приготовить, и на этом всё закончилось.

Нил повернулся к нему.

– Шоколад? – с любопытством спросил он. – Что Валентину делать с шоколадом?

– Это кампания, которую развернули японские шоколадные фирмы, чтобы увеличить продажи. Они распустили слух, что если девочка подарит мальчику шоколад в день святого Валентина, то их любовь станет настоящей.

– Это всего лишь рекламная акция, – заметила Сильви. – А не праздник.

Элмер помотал головой.

– Тут ты ошибаешься. Это гениальная выдумка. Они умудрились создать не просто ажиотаж. Теперь это культура. Разновидность культуры, которая

совершенствуется и распространяется по миру благодаря усилиям художников и производителей конфет. Я вам говорю, это праздник, который развивается! Говорят же, что многие нынешние праздники изначально содержали пожелания хорошего урожая и достатка, правильно? Так что плохого в празднике ради процветания шоколадных компаний? И, что ещё удивительней, они придумали другой день, когда мальчики возвращают любезность, и назвали его Белым! Мне не хватает духа для восхваления.

– Если подумать, я слышал, что теперь и в Нью-Йорке рекламируют шоколадные валентинки, – небрежно заметил Майза, словно что-то вспомнив. – Должно быть, подхватили идею у японцев.

– Да, помню, Мирия и Эннис рассказывали, когда мы звонили им в прошлом году.

Когда и Чес внес свою лепту в разговор, огоньки в глазах Элмера заплескали ещё сильнее.

– Правда, да? Ага, я понял! Японцы завезли к себе Рождество и экспортировали Валентина!

– Эм-м... Элмер, праздник Дня Святого Валентина существовал до шоколада...

Элмер только рассмеялся в ответ, выскочил наружу и закружился, глядя на остальных. Его плащом окутывал слепящий солнечный свет. Только что вышедшие девушки присоединились к остальным в проеме ворот.

– Я говорю, что хотел бы, чтобы Фил и Фелт попробовали поучаствовать в этих праздниках именно потому, кто они есть. В их поселке нет никаких местных фестивалей, так что ничего не остается кроме как придумать свои. Вот и всё.

Пяти девушкам, вышедшим из замка, Элмер улыбался как обычно.

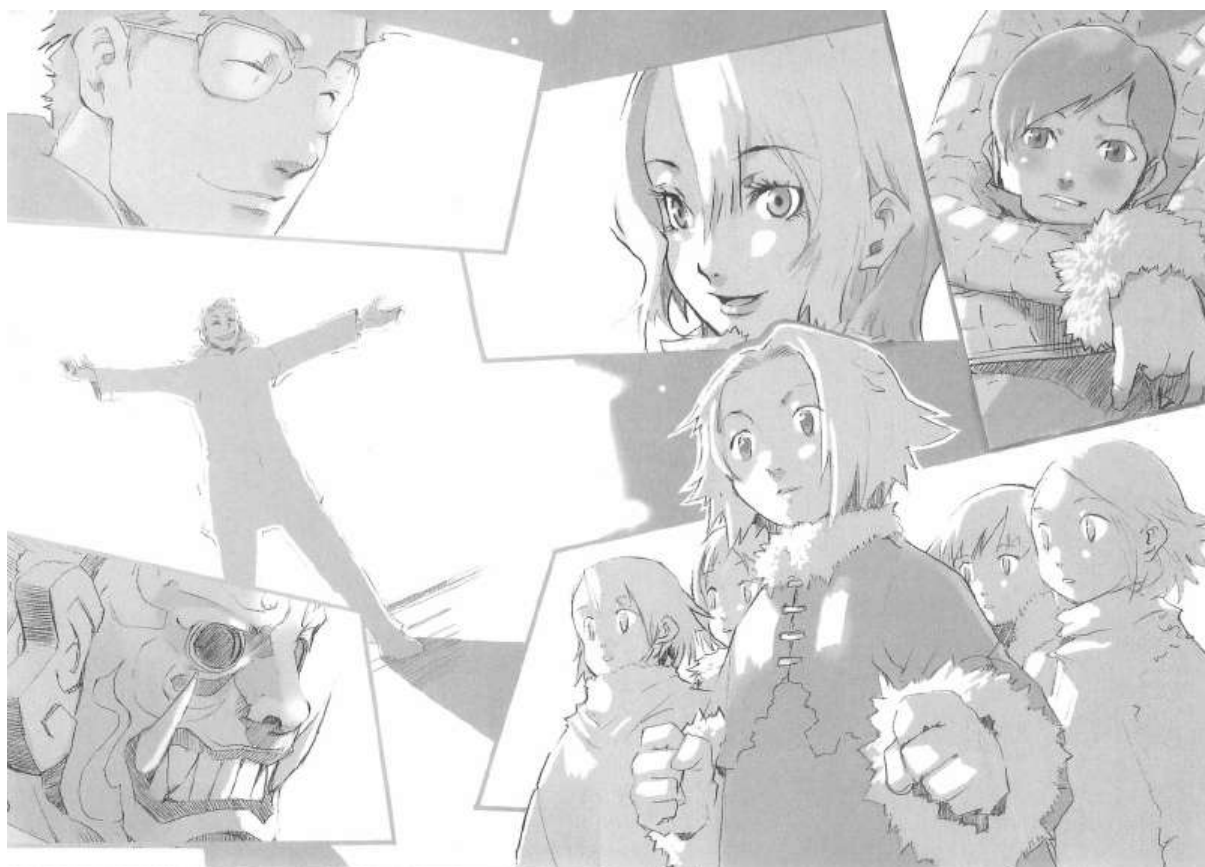
Будто именно так и должно выглядеть его лицо.

А потом, повысив голос, он закричал Фелту и Фил:

– Это место больше похоже на закупоренную бутылку, чем на колбу. Здесь родились вы и всё, что вы можете представить. Поровну хорошего и плохого.

Широко раскинув руки, Элмер кружился на фоне солнечного сияния.

– Добро пожаловать в нашу бутылку!

1711, Атлантический океан

Тьма

Элмер выслушал вопрос демона и медленно ответил:

– Я принял решение, демон.

– **[Быстро]**, – удивленно сказал голос в его голове.

Элмер без колебаний озвучил своё желание:

– Слушай, демон. Я хочу увидеть твою улыбку.

– **[?!]**

– Смейся для меня. Искренне, счастливо, громко и долго. Покажи мне, как хохочут демоны. Научи, как осчастливить демона.

Он мог чувствовать удивление демона и уже этим был доволен.

– Улыбка на твоём лице точно придаст мне сил.

Пристально глядя на него, демон не мог скрыть потрясения:

– **[Этого я не ожидал... Мои извинения. Я тебя недооценил.]**

Лицо демона медленно скривилось в том, что можно было счесть улыбкой... и мир снова начал погружение в полную темноту.

– **[Я тысячи лет провел демоном, исполняющим людские желания... но это самое сложное из всех, какие слышал.]**

Прямо перед тем как тьма полностью поглотила мир, Элмер вытянул руку и схватил демона за локоть.

– Нет-нет, ты не должен сбегать. И соврать тоже не сможешь. Меня не зря называют истинно верующим в смех. Я со ста шагов различу фальшивую улыбку.

Растерянный демон избегал смотреть Элмеру в глаза во время выговора. Но к его удивлению, Элмер лишь хихикнул.

– Слушай, демон. Хочу тебя попросить. Если тебе слишком трудно исполнить моё желание, то меня можно уговорить дать тебе немного времени поработать над ним. Конечно, с некоторыми условиями.

– **[Условиями?]**

– Ты же знаешь Майзу, так? Парня, который тебя вызвал.

– **[Разумеется.]**

– Он только что потерял младшего брата. Он, должно быть, сейчас потрясен. Может, злится, может, грустит... может даже потерял надежду.

– **[Разумное допущение.]**

– Вот я и подумал, может, ты за ним присмотришь. Я разыщу старика Сциларда, а ты останешься с Майзой и поможешь ему с тем да сем. Не как демон, а как человек. Ну, учитывая, что ты похож на человека, это не будет проблемой, да?

– **[...]**

– Отправляйся с ним в Нью-Йорк, куда они скоро придут. Пока он не найдет в себе сил жить дальше и смеяться. И я гарантирую, тогда ты тоже

сможешь улыбнуться. Если мы потом встретимся... то продемонстрируешь мне. Счастье от нашего воссоединения. Даже если ты будешь счастлив просто сказать: «Ха! Я всё-таки могу улыбаться! Выкуси!» – мне сгодится. Я просто хочу увидеть твою улыбку.

В тишине тьма прекратила своё бесконечное вращение.

Сознание Элмера почти ускользнуло, когда он отчетливо услышал в голове голос демона:

– [Попробую.]

Он заставил демона действительно приложить усилия. Возможно, это было невероятно странно. Может, расскажи он кому, они бы рассмеялись. А может, только разочарованно усмехнулись бы...

Обдумывая банальности, Элмер потерял сознание.

А время пошло...

2003, Нью-Йорк

Alveare

Ладно, еда тут неплохая. Слишком уж медом пахнет, но, думаю, сойдет.

Да, это конец истории мистера Хэппи-Энда.

Хотя я не знаю, сумел ли он в конце концов увидеть улыбку демона.

Я здесь, чтобы узнать. Видишь ли, по слухам демон находится тут.

Что?.. Что вы на меня так уставились?

Хотите их встретить? Демона и Элмера? Серьезно?

Ха-ха, ну и странная вы парочка.

Меня? Меня зовут... Фил Нибиль¹². Надеюсь, мы ещё встретимся.

А до тех пор желаю вам оставаться счастливыми.

А если когда-нибудь встретите его, передавайте Хэппи-Энду от меня привет.

Скажите, что мне кажется, я ещё не всё искупил... но сейчас мы счастливы.

Другие могли бы разозлиться, но ему, думаю, это больше всего понравится.

Это всё, чем я могу ему отплатить.

Айзек и Мирия, правильно? Да, я запомню ваши имена.

Ну, я пошел. До встречи в этом пропитанном мёдом ресторане.

Я желаю вам счастливого конца... нет, счастливой вечности...

¹² На самом деле это Фелт. Потому что в оригинале он использует мужское местоимение, говоря о себе. Но в перевод это естественно не вписывалось.